В этом номере

АКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ В ЖИЗНИ

Рассказывает Герой Социалистического Труда В. В. Ермилов

М. ЮНУСОВ

У БЫВШЕГО „СВЯТОГО МЕСТА“

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Г. ФРУМЕНКОВ

СУДЬБА ЗНАМЕНОСЦА

И. СУХАРЬКОВ

Католическая пресса в Италии

12 • 1976

Герой Социалистического Труда слесарь-сборщик Московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» Виктор Васильевич Ермилов поздравляет учащихся заводского ПТУ с началом нового учебного года.

Выросли новые заводские корпуса, возмужали ученики В. В. Ермилова, многие стали командирами производства. Один из них — Николай Алексеевич Бубнов — возглавляет I-й сборочный цех, но к совету своего наставника он и теперь прислушивается.

Краснопролетарцы свято хранят память о своих товарищах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Среди имен, высеченных на обелиске, установленном на средства рабочих, есть особенно близкие В. В. Ермилову.

Читайте в номере статью «Дороги мы выбираем сами».

Фото Г. Киселевой

№ 12 1976

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания восемнадцатый

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет К. А. Сошинской.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

Духовный мир человека

Практика: опыт, проблемы

Праздники, обряды, традиции

Религия, церковь, верующий

Читатель сообщает, советует, спрашивает

История и современность

Литература, искусство

У наших друзей

За рубежом

Листая календарь

Наше обозрение

ДОРОГИ МЫ ВЫБИРАЕМ САМИ

В этом цехе собирают универсальные токарно-винторезные станки, на которых работает каждый третий токарь страны.
Закончилась смена, но В. В. Ермилов не спешит

ЗАГЛЯНУВ в программу Центрального телевидения, я заметила сообщение о передаче с участием Героя Социалистического Труда Виктора Васильевича Ермилова, слесаря станкостроительного завода «Красный пролетарий». И сразу вспомнился утренний разговор с соседом, старшеклассником: пока мы ехали в лифте и шли к остановке, он рассказал, что его и еще нескольких подростков пригласили в телестудию на встречу с ветераном труда московским рабочим Ермиловым.

— Очень интересно, — рассуждал юноша, — поговорить с человеком, который всю жизнь работает на заводе слесарем и известен, словно писатель или видный политический деятель. Знаете, он был депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, награжден орденами, даже книгу о своей жизни написал...

Мне приходилось не только слышать о Викторе Васильевиче Ермилове, читать его статьи в газетах и журналах, но и, выполняя журналистские задания, видеть его на рабочем месте — в труде, беседовать с ним. Довелось принять участие в организованной библиотекой завода «Красный пролетарий» читательской конференции, обсуждавшей книгу Ермилова «Счастье трудных дорог». В 1975 году она была отмечена премией на Всесоюз-

домой: необходимо обсудить с начальником цеха Н. А. Бубновым программу выступления на предстоящем комсомольском собрании.

Фото Г. Киселевой

ном конкурсе лучших художественных произведений о рабочем классе.

Печатные и устные выступления Ермилова часто обращены к молодежи. Их основная цель — передать богатый трудовой опыт и знания выпускникам школ и профессионально-технических училищ, новичкам на производстве, помочь им найти свое место в жизни, в трудовом коллективе, а главное — довести до их сознания, кто такой современный советский рабочий, чем он живет, к чему стремится, о чем мечтает. Эти вопросы волнуют сегодня многих, особенно тех, кому предстоит выбор профессии, и, конечно же, их родителей. Вот почему захотелось вновь встретиться с Виктором Васильевичем — поговорить с ним о выборе цели в жизни, о труде, долге, нравственном и гражданском, познакомить с его мыслями читателей нашего журнала. Несмотря на большую занятость, Виктор Васильевич еще ни одному корреспонденту не отказал во встрече. Стремление к популярности? Нет, в этом сказывается органически свойственное ему глубочайшее уважение к труду другого человека: у каждого своя работа, а время одинаково дорого всем. Однако он был несколько удивлен:

— Чем могу быть полезен вашему журналу? С религией ведь я порвал еще в десятилетнем возрасте, с тех пор убежденный атеист. Впрочем, если атеизм понимать как саму нашу жизнь и как действенное, активное участие в ней человека, то я, можно сказать, тоже имею к нему отношение. Причем даже прямое, непосредственное. Если посмотреть внимательно, легко можно увидеть: наш советский образ жизни, установление новых взаимоотношений между людьми — все это неизбежно ведет к неверию в бога, в его помощь. Я, например, рос в семье верующей, учился в церковноприходской школе, но сама жизнь в корне изменила мои представления о мире. В трудные для страны годы вместе с другими детьми голодающего Поволжья попал на Украину. Нас взял под опеку передвижной военный госпиталь: одел, выдал каждому паек. А учителем стал комиссар госпиталя, который страстно призывал нас вести непримиримую борьбу с наследием прошлого, в том числе и с религией. Мы были еще детьми, но свято верили нашим воспитателям, потому что чувствовали их заботу, видели, как они проливают кровь за наше счастье. И мы без колебаний сняли нательные крестики. Но все же, думается, люди не всегда так быстро расстаются с религиозными представлениями. Видимо, это процесс далеко не простой и не

легкий. Иначе религия не дожила бы до наших дней...

Почему стал рабочим? Да, мог бы пойти учиться дальше — в институт. Рабочим стал не по случайности, а вполне осознанно, по собственному желанию — хотел быть на переднем крае борьбы за социализм: стране так нужны были рабочие руки. И сегодня меня нередко спрашивают: не жалею ли, что выбрал именно эту профессию и остался верен ей всю жизнь. Всегда отвечаю вполне откровенно: нет, не жалею. Более того, доведись мне начать сызнова — повторил бы весь пройденный путь.

Я именно теперь стал по-настоящему глубоко чувствовать, что значит принадлежать к славному рабочему классу Страны Советов, насколько это почетно и полезно для общества. И в то же время какое огромное удовлетворение дает тебе самому, какую уверенность вселяет в твои возможности, какие нравственные силы пробуждает.

Помните, в романе Леонида Леонова «Русский лес» юная и восторженная героиня, мечтая о будущем, о коммунизме, говорит: «...Любое самое скромное изделие, кроме марки завода, будет носить и метку мастера, о нем будут писать рецензии, как о книгах и спектаклях». В этих словах почти тридцатилетней давности мечта не о метке как таковой, не о славе — в них мечта о всенародном уважении к труду и его творческому началу, которое должно проявляться во всякой работе, будь то работа скульптора или слесаря. И я, слесарь, вот уже более 40 лет собирающий токарно-винторезные станки на заводе «Красный пролетарий», очень хорошо понимаю эту героиню. Знаете, сколько моделей приходилось нам собирать за эти годы — десятки! От простых токарных до прецизионных, а теперь — и с программным управлением.

Работа наша — не только очень точная, не только требует высокой квалификации и рабочей добросовестности, но и мысли, творчества. А творчество невозможно без гражданских чувств, без высоких нравственных устоев и идеалов, без сознательности, понимания, для чего ты трудишься, во имя чего. Однако одно дело, когда ты все механически выполняешь по технологии и чертежу, хотя и правильно, и совсем другое, когда вкладываешь в свой труд частицу души, энтузиазм.

Надо сказать, что это, к сожалению, еще далеко не каждому дается. Есть еще у нас люди, которых не интересуют идеалы, высокие цели в жизни. Они, как бы сказать, не обладают активной жизненной позицией. Все их интересы замкнуты лишь на приобретении материальных благ или, хуже того, — на погоне за удовольствиями. И трудятся такие люди в большинстве случаев формально — по обязанности. Когда смотришь на них, вспоминается по контрасту потомственный рабочий Борис Константинович Сарафанов, сын известного русского умельца Константина Дмитриевича Сарафанова, Героя Социалистического Труда. Кто бывал в Музее Революции — видел модель паровоза, сделанную его умелыми руками. Борис трудился в нашем цехе; было у него свое, особое отношение к любой работе. Он удивительно настойчиво добивался не только выполнения всех технических требований, но и красоты — привлекательного внешнего вида любой детали. Бывало он, как художник, отходил от станка на несколько шагов и как бы со стороны разглядывал результаты своей работы. Часто мы замечали, что ему будто жаль расставаться с деталью, в которую он вложил столько сил и старания. Я убежден: добиться профессионального мастерства может лишь человек, увлеченный своим трудом, заинтересованный в его конечных результатах, в его полезности обществу.

Вспоминаются первые месяцы работы на заводе. Начальник цеха подвел меня, тогда еще совсем зеленого юнца, к верстаку, на котором грудой лежали заготовки конусных линеек — приспособлений, устанавливаемых на станки для проточки изделия на конус. За верстаком стоял мужчина с бритой головой и маленькими глазками на полном лоснящемся лице. С первого взгляда — личность неприятная.

— Сальников, вот тебе помощник, — обратился к слесарю начальник цеха. — Может, вдвоем быстрей закончите задание?

Работы оказалось довольно много, однако Сальников вскоре исчез куда-то на весь день. Всю неделю я его почти не видел, но задание свое все же довел до конца. А когда линейки были сделаны, Сальников сам понес их сдавать мастеру. Мне было очень обидно, уже тогда особенно больно задело меня его отношение к работе, неуважение к товарищам. Ощущение острой неприязни не прошло даже тогда, когда узнал, что среди рабочих он — человек случайный. Хорошо, думал я, занятие он поменяет, но отношение к делу, к окружающим людям останется прежним. И его вряд ли где-либо будут уважать.

Так еще в юности я понял: ни одно дело не терпит равнодушных, пассивных, ленивых. На своем веку я немало встречал людей, подобных Сальникову. С работой они худо-бед-

но справлялись, на жизнь зарабатывали, но в коллективе были, словно тлеющие головешки, — ни тепла от них, ни света. Поэтому я всегда считал и считаю своим долгом коммуниста и кадрового рабочего воспитывать у молодых активность, трудолюбие, настойчивость и инициативность... Надо сказать, что закалка характера, конечно же, не определяется окончательно вниманием одного человека. В наших условиях человека формирует среда, вся наша жизнь, школа, семья, коллектив, товарищи. Но на производстве большую роль в этом деле играют более опытные, умудренные жизнью рабочие — наставники.

Виктор Васильевич назвал мне лишь несколько имен тех, кому он помог стать настоящими рабочими. Но мне известно, что своим наставником его считает добрая половина слесарей-сборщиков в цехе. Вот, к примеру, Н. А. Бубнов. Он пришел на завод в войну, был самым маленьким и озорным из подростков. К нему отнеслись с особым вниманием, много помогал ему Виктор Васильевич, но и строго спрашивал. Теперь Николай Алексеевич Бубнов — первоклассный специалист по сборке станков, начальник цеха. Старшим мастером стал другой ученик Ермилова — И. М. Матвеев.

И сегодня, хотя есть и мастерство и жизненный опыт, в трудную минуту по-прежнему идут к Виктору Васильевичу за советом и помощью не только по производственным, но и по общественным и личным делам. В коллективе сборщиков издавна сложились подлинно товарищеские отношения, основанные на строгой оценке трудового мастерства и личных качеств, на взаимном уважении, доверии друг к другу и требовательности. И безусловно, прав Ермилов, когда говорит о воспитательной роли среды, трудового коллектива. Сейчас молодые рабочие, попадая сюда, сразу чувствуют заботу о себе и внимание старших. Но, конечно, процесс становления настоящего мастера, современного рабочего не у всех сразу идет гладко.

— Да, весьма нелегко бывает на первых порах этим ребятам, — говорит Виктор Васильевич. — Очень часто нет у них той закалки, которая была у людей моего поколения. Уж слишком мы оберегаем наших детей от трудностей, стараемся полностью освобождать их от хлопот по дому, от школьных трудовых дел. А ведь наносим тем самым им вред. Я уверен: именно в процессе труда, конечно, в сочетании с учебой, не только вырабатываются навыки, но и формируется устойчивое, твердое мировоззрение. Я иной раз с сожалением замечаю, как мучаются в цехе новички. Нет у них ощутимого представления, зачем, во имя чего на рабочем месте необходимо простоять восемь часов. Не понимают еще как следует, что трудимся не только для заработка. Приятель предложил покурить — пошли на перекур, и полчаса пролетели незаметно. А там появилась мысль забежать в соседний цех, к знакомым девчатам — еще полчаса потеряно...

Сознательное, творческое отношение к своему делу приходит не сразу, оно вырабатывается годами, при активном участии более опытных товарищей. Лишь тогда из обязанности труд превращается в жизненную потребность. Исходя из собственного опыта, берусь утверждать, что трудиться на благо людей большое счастье. И так думаю не я один — многие наши кадровые рабочие. Вот почему и стали мы больше уделять внимания воспитанию молодежи. Старшее поколение краснопролетарцев хочет быть уверенным, что передает эстафету в надежные руки...

И на производстве люди ярче всего проявляются при трудностях, — продолжал свою мысль В. В. Ермилов. — В этом отношении у меня засел в памяти 1973 год. Краснопролетарцы тогда переходили на новую, более совершенную модель, не останавливая производства. Это был серьезный экзамен на зрелость для всего коллектива. Нас нередко подводили смежные предприятия, оказалось, что не все рабочие и мастера имеют достаточно знаний, чтобы в кратчайшие сроки освоить новую модель. Завод перестал выполнять план, в результате резко снизились заработки. На фоне этого, как на лакмусовой бумажке, проявились интересы людей. Нашлись такие, что подали зявление об уходе, кинулись искать высокие заработки на стороне, испугались временных затруднений. Но у большинства интересы коллектива преобладали над личными. Наши рабочие, не считаясь со временем, кропотливо изучали премудрости новой технологии, разбирали чертежи, вносили свои предложения. Вскоре новый станок, поставленный на серийное производство, получил высокую оценку — государственная комиссия присвоила ему Знак качества. А тем, кто ушел с завода, не пришлось разделить с нами общую радость. Верно в народе говорят: только общее дело сближает людей.

И не только сближает, но и делает их подлинными хозяевами своей судьбы и своей страны, формирует активное и сознательное отношение к общественному долгу. Вспоминается, как в апреле 1973 года я присутство-

вал на встрече командиров молодежных бригад КамАЗа с руководителями стройки. На сцене собрались руководители, в зале человек 200 бригадиров — вчерашних солдат, школьников, учащихся ПТУ.

Два часа шел этот своеобразный экзамен, причем экзаменаторами были бригадиры, а экзаменующимися — руководители. Молодежь рассуждала так: мы строим социалистический город, в котором будем жить и работать, растить и воспитывать наших детей, гигант-завод, на котором будем работать. Поэтому все должно быть удобным, красивым, культурным. Вопросы были животрепещущие: какие машины будет выпускать строящийся автогигант, отвечают ли они требованиям времени? Рабочие каких профессий будут нужны заводу? Какие культурные центры будут здесь созданы?.. Бригадиров интересовал не только сегодняшний день города, но и его весьма далекие перспективы. Я видел перед собой настоящих хозяев страны, увлеченных идеей построения нового общества и его конкретными делами, людей разных национальностей, объединенных одной верой — в коммунизм.

Кстати, я заговорил о Набережных Челнах еще и потому, что эти края мне особенно дороги. В Елабуге, на Каме, проходило мое голодное, босоногое детство. Приятно было видеть, как за годы Советской власти преобразились эти места, как хорошо стали жить тут люди. И это еще раз убедило меня: одной обеспеченной жизни теперь нам мало — обязательно надо активно, настойчиво формировать у вступающих в трудовую жизнь молодых людей честное, прямо-таки благоговейное отношение к труду — источнику общественного богатства. При забвении этого нас может подстерегать опасность, о которой сказал на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев:

«Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии».

Грандиозные задачи, которые поставил перед нами XXV съезд партии, касаются каждого советского человека, побуждают его к активным действиям, требуют повышения культурного уровня, пополнения знаний, прочной нравственной позиции. Нас, краснопролетарцев, к примеру, очень волнует проблема: как нам не отстать от времени, быть на уровне требований десятой пятилетки — пятилетки эффективности и качества. И каждый член нашего коллектива стремится внести тут свой вклад. Вот мой товарищ по работе, Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда А. Я. Рыбаков предложил создать оптимальные модели рабочего места станочника. Речь идет о коренном усовершенствовании технологии, оснащении самой прогрессивной техникой, научной организации труда на каждом рабочем месте. Все это открывает рабочим новые пути для творческого поиска, более полной реализации своих способностей. Молодым есть где приложить силы, знания...

Прощаясь, Виктор Васильевич сказал:

— Когда я по поручению Комитета по Ленинским премиям стараюсь разобраться в сложных для понимания рабочего вещах, или когда по просьбе Общества «Знание» готовлюсь к встрече с научными работниками, школьниками, студентами, или когда выезжаю с делегациями за рубеж, всегда чувствую себя неотъемлемой частицей рабочего класса страны, частицей большого коллектива станкостроителей. Отсюда и острое чувство ответственности за все, что происходит вокруг.

...Острое чувство ответственности! Я шла мимо старых и новых корпусов «Красного пролетария» и на минуту задержалась возле обелиска погибшим в войну краснопролетарцам, установленного на средства рабочих, вспомнила разговор с Виктором Васильевичем и эти его заключительные слова.

Какая активная, действенная жизненная позиция! Этот человек — подлинный хозяин жизни, он сам твердо, раз и навсегда, выбрал себе в ней дорогу и, неуклонно следуя по ней, заслужил всеобщее признание своими делами на благо Родины, стал уважаемым наставником, воспитателем нескольких поколений рабочих. И совершенно правильно он говорил, что сама наша действительность — главный аргумент в отходе людей от религии. Ведь именно эта его жизненная позиция по самой сути своей глубоко атеистична, в корне отвергает религию с ее эгоистической проповедью личного спасения, надежды на сверхъестественную помощь, ухода от больших дел на благо общества ради иллюзорного потустороннего блаженства. Очень хорошо, когда рядом с молодыми есть такие люди, как В. В. Ермилов, которые всегда помогут выбрать дорогу в жизни.

И. ЕВСИКОВА

ПОЕЗДКА В БАЛЫКЛЫ

М. ЮНУСОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

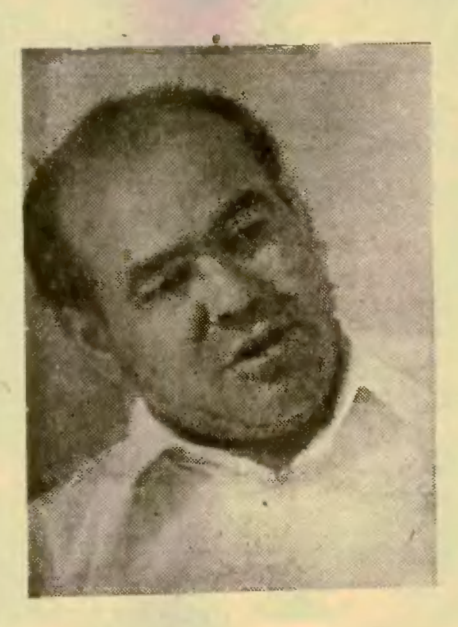
ПАЛИЛО НЕЩАДНО. Нагретый воздух волнами поднимался в небо. Раскаленный асфальт шипел под колесами, как масло на горячей сковороде. Дорога шла на подъем. Водитель сбросил скорость, повернул налево — и зной вдруг исчез. В лицо ударила чуть влажная, дышащая кипарисовым ароматом прохлада.

Могучие карагачи росли кругом. Чинары протянули горизонтальные ветви так далеко, что в тени одного дерева могли легко разместиться жители целого кишлака. На дне овальной, раскрытой амфитеатром лощины живой струей вспучивались прохладные родники. Пробегая к низине, каждый источник выкроил здесь несколько маленьких островков. Соединенные между собой деревянными мостками, они напоминали Венецию в миниатюре. Радостные птичьи голоса оглашали окрестность. Волнами раскатывалось тревожно-таинственное причитание среднеазиатской горлицы. Безумолку трещали скворцы. Диссонансом в этом птичьем гомоне звучал голос бесцеремонной майны.

Мы вышли из машины и спустились к роднику. Я нагнулся, чтобы напиться, и от неожиданности застыл — вода буквально кишела рыбами. Водитель достал из кармана горсть пшеницы и бросил в родник. вода забурлила. Яростно разгоняясь, рыбы высоко взлетали в воздух и шлепались, вздымая брызги. Их было так много и они держались так смело в присутствии человека, будто никогда им не угрожала опасность.

— Это и есть святое место Балыклы-мазар? — спросил я заместителя председателя Наманганского облисполкома Мухсина Адыловича Адылова.

— Жизнь не стоит на месте, — ответил он. — Теперь мы

М. А. Адылов.

называем этот оазис Балыклы-куль, он стал местом отдыха трудящихся Янгикурганского района, одним из самых прекрасных в Ферганской долине.

Мы выбрали беседку у самого родника, сели. Я достал блокнот и посмотрел свои записи: «В дни религиозных праздников число паломников за день достигает 300 человек. В Балыклы-мазар приходят пешком, приезжают на колхозных грузовиках, некоторые привозят сюда детей. Был даже такой случай: один верующий приехал на тракторе, проделав путь в 75 километров». Этот эпизод с трактором больше всего привлек мое внимание. Мусульманин-паломник за рулем трактора — об этом можно бы и фельетон написать.

— Вы опоздали на четыре года, — сказал Адылов. — Четыре года назад, когда мы приехали сюда с проектом комплексного благоустройства, мазар еще функционировал. Место заросло дикой травой. Возле источника были разбросаны кости жертвенных животных. Деревья были увешаны ритуальными лоскутами. В кустах водились ядовитые змеи. Когда здесь создали комплекс культурно-оздоровительных сооружений, паломничество постепенно прекратилось. По выходным дням в оазис приезжают жители кишлаков Бекабада, Чартака, Караскана, Каравана, Сарая и ближайшего отсюда города Намангана.

Меня давно интересовало: чем «святые» места привлекают паломников? Ведь не может быть, чтобы людей притягивали сюда одни могилы шейхов, легенды о них. Да и среди тех, кто приходит к мазарам, часто встречаются люди вовсе не верящие ни в святость покоящихся здесь шейхов, ни в целебность источников. Оказывается, Мухсина Адыловича тоже занимало это. Он кое-что для себя выяснил.

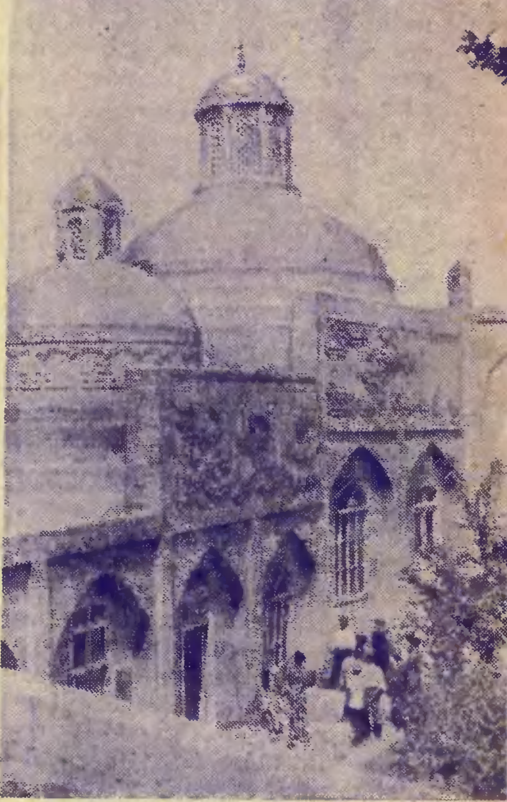
— Многие приходят просто полюбоваться самим местом. Все «святые» мазары в Средней Азии расположены прямотаки в райских уголках — в благодатных оазисах, у источников, возле причудливых скал, в реликтовых рощах, и я пришел к выводу: чтобы мазар стал местом поклонения, требуется по меньшей мере четыре обязательных условия — природная красота места, ле-

Посмотреть на соревнующихся собираются стар и млад.

Фото Г. Киселевой

Архитектурный памятник—медресе «Мулла Киргиз» в Намангане.

генда о покоящемся здесь человеке, люди, готовые поверить в эту легенду, и наконец, кто-то, заинтересованный в том, чтобы могила прослыла «святой». В Балыклы все это было, и он стал типичным мазаром. В оазисе, возможно, еще и до ислама, находилась какая-то языческая святыня. А суеверных людей здесь когда-то жило более чем достаточно. Смотрители мазара — муджавиры, по рассказам стариков, не скупились на выдумки, умели хорошо рекламировать свое «святое» место. А легенды, прославляющие того, кто захоронен в Балыклы, были весьма интригующие.

Легенды и в самом деле занимательные. Некоторые я знал, вот одна из них:

...По завещанию пророка Мухаммеда его зять Али приехал в Среднюю Азию, чтобы поклониться могиле султана Ваиса, который был беком знаменитого Захираддина Мухаммеда Бабура. Совершив по прибытии в Балыклы намаз, четвертый халиф поднялся и воскликнул: «Где ты, святой Ваис? Отзовись!» И тотчас же на том месте, где совершался намаз, выросло дерево, а там, куда был воткнут посох Али, забил прекрасный родник. Позже люди соорудили здесь мазар.

А вот другая легенда:

... У бедного дехканина было семеро сыновей, и всех семерых звали Ваисами. В поисках счастья Ваисы разбрелись по Средней Азии. Аллаху было угодно, чтобы все они умерли в один и тот же день, на одном и том же месте. Было известно, что одного из семерых братьев Аллах удостоил чести быть святым, поэтому его следовало похоронить отдельно. Но правоверные не могли определить, кто же из них святой. Долго спорили и вдруг услышали голос: «О чем спорите, правоверные? Накройте их, помолитесь, потом посмотрите!» Так и сделали, а когда открыли покрывало, увидели, что шестеро покойников лежат как и прежде, а седьмой повернут в сторону киблы, и на его лице появилась чудесная улыбка. Сразу стало понятно, что именно он и есть святой Ваис, и ему соорудили мазар в этом оазисе.

Кроме этих легенд я узнал еще и о рассказе Муллахана Тораханова, который умер в 1932 году в возрасте 92 лет:

«...Это место еще на моей памяти называлось не Балыклы, а Зирклы-мазар. Дерево зирк (барбарис) посадил здесь мой дед — он привез его из Бадахшана. Отвар из листьев

зирка помогает от болей в пояснице, лечит и трахому. А похоронен тут единственный сын слепой вдовы Бибирахат по имени Ваис. За то, что Ваис всю жизнь ухаживал за слепой матерью, был добрым, покорным и, чтобы не огорчать ее, даже не женился, Аллах сделал его святым».

Вероятно, этих легенд было гораздо больше. Старые забывались, уступая место новым. Верующие же не анализируют

Около источников в прохладе под чинарами веселятся отдыхающие.

легенды, и принимают на веру. Ведь нам знакомо такое ощущение: умом хорошо понимаем, что сказка наивна, даже смешна, а продолжаем искренне волноваться за судьбу ее героев. Так и тут. Конечно, среди верующих было немало людей, знавших, что зять пророка Али жил в VII веке, а султан Ваис — если в оазисе Балыклы и в самом деле похоронен бек того самого знаменитого Бабура — владел землями Касана спустя девять веков. В «Бабур-Наме» — автобиографических записках Бабура сообщается, что султан Ваис погиб в сражении под Кабулом, а Фергана находилась тогда в руках врага Бабура — Шейбони-хана.

Менялось и название самого оазиса. Как видим, совсем недавно это место называлось Зирклы-мазар. А последнее его название — Балыклы-мазар происходит от тюркского слова «балык» — рыба.

Смотрители мазара распространяли слухи о чудесных свойствах обитателей источника. Они говорили, например, что эти рыбы могут жить только в святой воде. Если кто-либо плюнет в родник, рыбы якобы исчезнут. Кроме того, ни в коем случае нельзя употреблять эту рыбу в пищу. Лакомки, пожелавшие отведать святых рыб, погибли страшной смертью. Но самое главное чудо в том, что рыбы после вечернего намаза исчезают. Смотрители мазара долго ломали головы: куда же деваются эти творения Аллаха?. Наконец им удалось «обнаружить», что рыбы по подземному водному пути отправляются в Мекку и, совершив за ночь такой хаджж, возвращаются обратно к утреннему намазу — собах. Вот почему Балыклы — особое святое место, почти такое же, как сама Мекка,— чудесные рыбы связывают его с главной святыней мусульман.

Но, пожалуй, главным козырем муджавиров, рекламировавших Балыклы-мазар, была легенда, будто источник излечивает от бесплодия. Молва об этом идет еще с тех давних времен, когда здесь было языческое святилище. Несомненно, совершаемые здесь языческие действия тоже идут еще с

доисламских времен — женщины, моля всевышнего послать ребенка, оставляют у источника деревянных кукол, обернутых в тряпки, и другие амулеты. Официально мусульманской религией такие действия запрещались. К тому же ортодоксальный ислам отвергал культ святых.

В условиях дореволюционной Средней Азии детская смертность достигала таких размеров, что демографический баланс поддерживался только за счет очень высокого уровня рождаемости. Кроме того, бесконечные войны и междоусобицы уносили множество человеческих жизней. А труд на земле здесь требовал большого количества рабочих рук. Поэтому и бездетность вызывала у среднеазиатских народов не сочувствие, а осуждение: на бездетных женщинах как бы лежало проклятье, их не жалели, а презирали и сторонились. Ведь за малые грехи не мог лишить всевышний женщину радости материнства! Значит, она — великая грешница! Бесплодные женщины, жившие в условиях жесточайшего фанатизма, готовы были на все, лишь бы избавиться от недуга. Они обращались к колдунам, совершали паломничества к мазарам...

Когда разговор зашел об этом, Мухсин Адылович заметил:

— Ведь и в наше время, пусть редко, но все же встречаются такие женщины, которые обращаются к знахарям, посещают «святые» места и, бывает, прибегая к «святым» средствам, окончательно лишают себя возможности иметь детей. Что-то я не припомню, чтобы посещение мазара помогло кому-нибудь от бесплодия. Конечно, могли быть и совпадения — ведь причины этого недуга бывают и временные, случайные! А вот из-за паломников люди здесь не могли отдыхать. Неверующие из деликатности не мешали верующим, хотя провести отпуск или выходной день в таком прекрасном месте хотелось каждому...

— Значит, вся проблема заключалась в благоустройстве оазиса? — спросил я.

— Не только. Сначала немало пришлось поработать нашим пропагандистам. Мы привлекли к «освоению» Балыклы врачей, биологов, историков, искусствоведов. Был исследован микроклимат оазиса, изучена история возникновения мазара, обследованы мечеть, надмогильник. Слово «мукаддас» — так у нас называют «святое» место — в дословном переводе на русский язык означает: уважаемое, святое; в нем есть и религиозный, и светский оттенок. Разумеется, такие места, как Балыклы, почитались не только из-за мазара; в жарком климате невольно вызывали почтение и источник, и деревья, и прохладная тень. В голой пустыне муджавиры не устраивали святых мест...

В целебных свойствах Балыклы-мазара можно не сомневаться. Влага, стекающая с деревьев после росы и дождей, действительно лечит кожные заболевания. Страдающий от удушья, посидев в прохладной тени у ручья, почувствует облегчение. И человек, томимый душевным недугом, в этом прекрасном уголке, где убаюкивающе журчит ручей, а воздух полон ароматной свежести, ощутит глубокое спокойствие...

Микроклимат оазиса целителен для тех, кто страдает болезнями дыхательных путей. В источниках Балыклы чистая и вкусная питьевая вода. Даже возможность излечения некоторых кожных заболеваний была подтверждена научно. Насыщенная растворенными древесными смолами, настоенная на листьях деревьев влага могла действовать дезинфицирующе. Но наиболее интересное открытие сделали биологи. Они установили, что в источниках Балыклы обитают рыбы маринки из семейства карповых. Оказывается, служители культа хорошо знали, что черная пленка брюшины и икра маринок ядовиты. Случаи тяжелого отравления рыбой были им на руку, ибо подтверждали сказки о том, будто рыбы эти — священные.

— Мы сохранили, — говорит Адылов, — и мечеть, возведенную под руководством мастера Тилла Ходжа, который оставил нам прекрасные образцы резьбы по дереву. Даже не тронули черный камень на могиле Ваиса, поставленный тут в подражание Каабе. Все это — хорошие наглядные пособия во время лекций на атеистические темы. Название оазиса тоже сохранили, только слово «мазар» заменили на «куль» — озеро: Балыклы-куль.

Мухсин Адылович достает блокнот.

— В благоустройство оазиса нам пришлось вложить немалые средства: только на материалы ушло 56 тысяч рублей. А если сюда приплюсовать стоимость рабочей силы, сумма, пожалуй, удвоилась бы. Одной какой-либо нашей организации такие расходы были не под силу, и мы решили организовать дело на общественных началах. На наш призыв отозвались республиканское Общество охраны памятников истории и культуры, Общество охраны природы, отдел культуры облисполкома, облкомхоз, облбыткомбинат, республиканский Дом атеизма, Наманганский областной музей и многие другие организации. Солидную сумму выделил совхоз «Ленинизм». В благоустройстве приняло участие все население Янгикурганского ра-

йона. В выходные дни приезжали сюда из областного центра. Много потрудились тут учащиеся.— Мухсин Адылович показал им новые постройки. — Здесь раньше, кроме полуразрушенной мечети и запущенного мазара, ничего не было. А теперь, сами видите, сколько построено.

В реставрированной мечети — музей атеизма и библиотека, в которой 15 тысяч книг. Есть в Балыклы клуб и кинозал. Здесь же расположилась чайхана с открытыми верандами. Рядом, в здании быткомбината, можно сшить модную одежду, взять напрокат велосипед или телевизор, постричься в парикмахерской, заказать в фотоателье портрет.

В Балыклы-мазар людей гнал страх, недуги, несчастья. В Балыклы-куль приезжают веселые, жизнерадостные люди. Раньше паломники уносили отсюда смутную надежду на исцеление, иллюзорную веру в избавление от грехов. А теперь колхозники окрестных кишлаков после отдыха в оазисе возвращаются поздоровевшими, бодрыми. Когда, осмотрев все уголки оазиса, мы шли к машине, Адылов заметил:

— Благоустраивая Балыклы, мы приобрели ценный опыт. Сейчас в Наманганской области больше десятка бывших «святых» мест стали доступны для отдыха трудящихся: в Ташбулаке, Шербулаке, Овчибулаке, Хужайли созданы пионерские лагеря, в бывших мазарах Бувана и Садбир организованы зоны отдыха. Вокруг мавзолея Лутфуллы Мовлоно посажен парк, сооружены спортивные площадки. Мавзолей Ходжа Амин Кабри превращен в филиал музея города Намангана.

Солнце спускалось за дальние горы. В Балыклы въехал автобус и остановился возле источника. Из него выходили колхозники, приехавшие сюда на вечерний отдых. На открытой веранде чайханы старики пили чай и о чем-то тихо разговаривали. В открытом окне парихмахерской виднелись две женские головки в бигуди. Откуда-то доносился стук биллиардных шаров. По радио передавали сводку о собранном за день хлопке. На мостке, перекинутом через ручей, женщина и мальчик лет пяти кормили рыбок.

Наша машина выехала на асфальт и повернула к Намангану. На Ферганскую долину спускалась теплая бархатистая ночь. Мимо пробегали огни кишлаков. Встречные машины, переключая фары, орошали дорогу брызгами света.

Проблема решается по-новому

П. СОЛОВЕЙ,
лектор Сумского обкома
КП Украины

У НАС в Сумской области сложилась определенная система атеистической работы. Здесь лекции и беседы, тематические вечера, массово-политическая работа в трудовых коллективах и по месту жительства. В городах и районах действуют 17 передвижных клубов атеиста, 20 передвижных планетариев. В культпросветучреждениях, общежитиях оформлено около тысячи уголков атеиста. К этому следует добавить 16 школ лекторов и организаторов-методистов атеистической работы, в которых ежегодно учатся 650 человек. Более двух тысяч человек повышают свои знания в системе партийной и комсомольской учебы, где изучают основы научного атеизма. Кафедры общественных наук вузов области закреплены за отдельными районами, периодически оказывают помощь в подготовке атеистических кадров.

Это результат того, что в последнее время областная партийная организация уделяет большое внимание учебе и переподготовке пропагандистов, организаторов атеистической работы с учетом новых задач, поставленных XXV съездом партии. Мы стараемся готовить высококвалифицированных специалистов атеизма, разбирающихся в религиозной догматике, обладающих искусством убеждать людей.

Исследование состояния атеистической работы в ряде городов и районов области показало, что уровень ее еще отставал от требований сегодняшнего дня. Дело в том, что подготовка кадров пропагандистов определялась у нас большей частью лишь количественной стороной.

Мы тщательно проанализировали причины такого положения и выяснили, что слушатели в процессе учебы получали знания теоретические, главным образом по истории религии и атеизма, а практике атеистической работы внимания уделялось гораздо меньше. В областной школе лекторов-атеистов неоправданно был растянут учебный процесс. Практические занятия почти не проводились. В результате выпускники школы не получали необходимых навыков, чтобы достаточно квалифицированно вести практическую работу.

Поэтому мы стали искать способы повышения эффективности подготовки кадров пропагандистов. Наши товарищи ездили в Киев, Николаев, Донецк изучать опыт работы, с тем чтобы взять все лучшее, особенно в плане преподавания методики. Постепенно родилась идея создания областных курсов по подготовке атеистических кадров с отрывом от производства.

Специальная комиссия провела тщательный отбор пропагандистов и лекторов, пригласив людей, действительно преданных своему делу. Программа была рассчитана на три недели. Она предусматривала чтение лекций, проведение семинаров и практических занятий, обмен опытом атеистической пропаганды.

Большую помощь в составлении программы и обеспечении курсов квалифицированными преподавательскими кадрами нам оказали научные сотрудники отдела атеизма Института философии АН УССР, кафедр научного атеизма Киевского и Московского университетов, а также Института науч-

ного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС.

За время учебы было проведено три семинара, на которых детально анализировались принципы и методика составления перспективных планов. Слушатели знакомились с особенностями проявления религиозности в области, с опытом индивидуальной работы, с организацией атеистической пропаганды на местах. Эти занятия проводились в селах Новая Слобода — Путивльского, Октябрьское — Белопольского и Верхняя Сыроватка — Сумского районов. Здесь слушатели знакомились с деятельностью координационных советов по атеизму, методической работой в школах, в медицинских учреждениях. В заключение мы провели научно-практическую конференцию на тему «Методика и организация атеистической работы среди верующих православной церкви и евангельских христиан-баптистов».

В течение 1973—1975 годов состоялись три выпуска курсов (всего 320 человек, в том числе 106 инженерно-технических работников и специалистов сельского хозяйства, 146 учителей, 68 медицинских, культурно-просветительных работников, юристов). Выпускники получили хорошую теоретическую и методическую подготовку для дифференцированной работы среди различных категорий верующих.

По-новому мы решаем также вопрос об использовании кадров. Многие из опытных атеистов оказывают помощь местным партийным организациям в перестройке системы подготовки лекторов и организаторов атеистической работы. Например, руководитель атеистической секции Белопольской районной организации общества «Знание» учительница биологии Валентина Георгиевна Сайко возглавила районную двухгодичную школу лекторов-атеистов, в которой учатся более 50 человек. Под ее руководством в ряде сел изучен уровень религиозности населения.

В селе Куяновка был создан координационный совет по атеистической работе, появились ответственные от партийной, комсомольской, профсоюзной организаций. На собрании общественности села решено было создать специальную школу, так как многие активисты, имеющие определенную теоретическую подготовку, не были знакомы с методикой и практикой атеистической работы. С марта нынешнего года тут начались занятия. Они проходят по программе, рассчитанной на восемь месяцев.

Конотопскую школу с двухгодичной программой уже закончили около ста лекторов. Руководит ею инструктор райкома партии В. А. Холоша. Особенность этой школы в том, что ежегодно она комплектуется специалистами какого-либо одного профиля. Так, в первом наборе были преимущественно советские и профсоюзные работники, во втором — учителя-естественники, в третьем — библиотечные работники. Нынешний, четвертый набор представлен медиками. Программа школы разнообразна, здесь лекции и беседы, теоретические конференции. На занятиях широко обсуждаются документальные и художественные фильмы, проводятся обзоры новинок литературы. Слушатели школы побывали в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, посетили Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. К итоговым занятиям, которые проходят в форме теоретических конференций, каждый слушатель готовит реферат. Все это привело к значительному улучшению атеистической работы в районе.

Активным и умелым атеистом показала себя Вера Макаровна Евтушенко — старший преподаватель педагогического института. Работу двухгодичной школы по подготовке атеистических кадров при Ковпаковском райкоме партии города Сумы она построила с учетом рекомендаций областного совета по координации атеистической работы. Основной упор здесь сделан на практических занятиях: проведении бесед в трудовом коллективе, прослушивании лекций, подготовке и рецензировании рефератов, участии в организации атеистических мероприятий на предприятиях, индивидуальной работе с верующими. Накануне выпуска слушатели ездили в Киев — познакомились с работой университета лекторского мастерства, музеем атеизма, присутствовали на торжественной регистрации новорожденных и т. д. 30 выпускников школы стали лекторами, возглавили атеистические секции общества «Знание», 11 человек ведут индивидуальную работу с верующими.

Этой работе мы придаем особое значение. В программе областных курсов есть темы, которые помогают лучше овладеть методикой работы. Более ста выпускников наших курсов ведут ее. Так, в поселке Чупаховка Ахтырского района в одной из семей баптистов дети частенько посещали молитвенные собрания. Кто знает, как бы сложилась их дальнейшая судьба, если бы рядом не оказался чуткий и внимательный пропагандист Владимир Филиппович Росолов, учитель средней школы. Вначале ему было трудно — не хватало опыта, не было возможности получить квалифицированную консультацию, а в ней он очень нуждался. Узнав об организации трехнедельных областных курсов по подготовке атеистических кадров, пришел в райком и попросил направить его на учебу. После окончания продолжал работать с ребятами. Проявляя необходимый такт, Владимир Филиппович стал особое внимание уделять их заботам. Сейчас дети из этой семьи — комсомольцы. Теперь, имея за плечами определенный опыт, Владимир Филиппович успешно ведет работу с другими верующими юношами и девушками.

Мы не порываем связей с выпускниками курсов. Ведь это наше основное ядро, с которым мы стараемся продолжать работать, учитывая их практическую деятельность.

В нынешнем году, например, специально для них был организован областной постоянно действующий семинар. При этом мы учитываем, что наши кадры уже имеют достаточную квалификацию и не только сами ведут атеистическую работу, но и оказывают помощь партийным организациям в координации атеистической работы на местах.

Очень помог нам и двухгодичный цикл лекций, которые читали сотрудники редакции журнала «Наука и религия». Наши пропагандисты не только пополнили свой атеистический багаж, но и обогатились опытом своих московских коллег.

Активная атеистическая работа помогает перекрыть каналы воспроизводства религиозных настроений. Поэтому партийные организации уделяют большое внимание распространению естественнонаучных знаний среди населения. В Конотопе, Шостке, селах Путивльского, Ахтырского районов Сумской области лекторы, организаторы атеистической работы умело сочетают индивидуальные беседы и лекции, тематические вечера и читательские конференции и т. д.

Сложившаяся сегодня в области система атеистического воспитания позволяет охватить все группы и возрастные категории населения. Мы сейчас стремимся к этому. Партийные организации принимают меры по дальнейшему совершенствованию форм и методов научно-атеистической пропаганды.

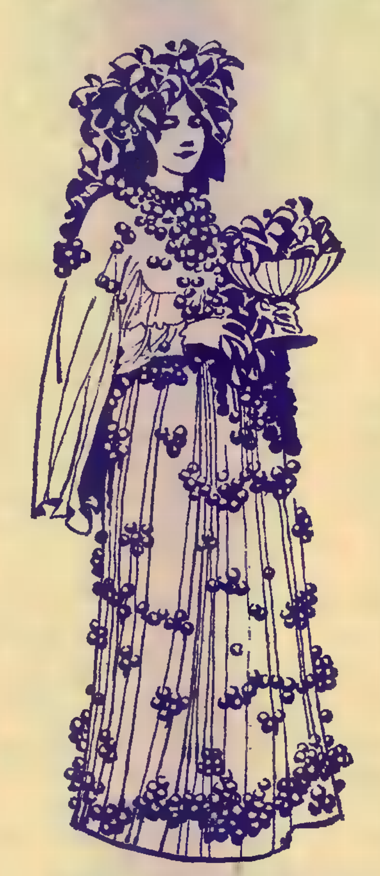
г. Сумы

УТВЕРЖДАЮЩИЕ ЖИЗНЬ

Г. РАЗИЛОВА

«СУЩЕСТВО ОБРЯДА — не в мистике, не в магии, не в «бытовой театральности». Главнейшее значение его в том, что он, с одной стороны, дает людям готовые, художественно закрепленные русла для проявления теснящихся в душе чувств, с другой же стороны, организует сами эти чувства, направляет, просветляет и углубляет их. Огромное действенное значение обряда великолепно учитывала церковь. Следовало бы учесть его и новой общественности. И представьте себе, как бы это было прекрасно, как бы это всех объединяло и поднимало, если бы вместо разных для каждой религии, в большинстве жизнеотрицательных церковных обрядов... везде были бы... светлые, утверждающие жизнь, полные веры в будущее обряды...»[1] — так писал в 1925 году В. В. Вересаев, одним из первых предпринявший попытку разобраться в психологии безрелигиозных обрядов и разработать их методику.

В то время, да и позднее, у нас было немало противников новых гражданских обрядов и праздников. Общественность волновал вопрос: нужны ли они, не пережиток ли это прошлого? Жизнь решила этот спор: новые гражданские обряды нашли свое место в быту всех народов Советского Союза. Стали они характерной чертой быта и у горцев Дагестана. Они играют немалую роль и в атеистическом воспитании трудящихся.

В день Праздника черешни.

В прошлом религиозность народов Дагестана была высокой. До революции здесь действовало 700 обычных и 356 джума-мечетей (большинство населения исповедовало ислам), 26 синагог и 22 православные церкви. Светских школ было всего 84, а религиозных — 871. Мусульманские школы готовили служителей культа для Дагестана, Кабарды, Чечни, Ингушетии и даже для Средней Азии, здесь был своеобразный центр северокавказского мусульманства.

Сейчас совсем другие цифры характеризуют духовную жизнь народов республики. Не будем приводить их полностью, скажем лишь, что на каждую тысячу жителей Дагестана теперь приходится вдвое больше студентов, чем во Франции, ФРГ, Италии, и в восемь раз больше, чем в Турции.

Религиозность за годы Советской власти резко снизилась, но дело не только в том, что уменьшилось число верующих, — изменился сам верующий, степень и характер его религиозности.

Современный верующий, в отличие от дореволюционного, критически относится к религиозным мифам, идея бога в его сознании находится на заднем плане, а главное место занимают реальные, земные, общественные интересы.

В Дагестане в основном сохраняется обрядовая сторона религии. В семьях верующих отмечают религиозные праздники: уразу-байрам, курбан-байрам, мавлюд, соблюдают религиозные обряды. Однако интересно, что, как правило, верующие не знают содержания праздников, их смысла. Так, мавлюд — праздник дня рождения пророка Мухаммеда — переосмыслен, фактически исчезло его религиозное содержание, остались только название и кое-какие внешние черты. В Дагестане устраиваются «мавлюды» по поводу новоселья, свадьбы, проводов и встреч и даже как поминание умерших.

---

[1] В. В. Вересаев. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М., 1926, стр. [illegible]

Праздник первой борозды открывается картинкой из прошлого.

А потом на поле выходят трактора.

Все религиозные праздники воспитывают в человеке пассивность, пессимизм, рождают чувство обреченности, в них нет истинной радости. Однако у каждого народа есть свои праздники, родившиеся независимо от религии. Еще в 1924 году М. И. Калинин говорил, что надо вырвать из рук духовенства народные праздники и регулярно проводить их в городе и деревне в противовес религиозным [2]. Характерная черта истинно народных праздников — оптимизм, они полны веры в будущее, утверждают жизнь. Это прежде всего праздники трудовые. В последнее десятилетие в Дагестане обрели новую жизнь многие из праздников, родившихся в стародавние времена. Они близки народу, любимы им. Один из них — День первого плуга.

Все земледельческие народы мира еще в древности отмечали начало пахоты. Так же было и в Дагестане. В прошлом это сопровождалось магическими обрядами: первую борозду проводил самый удачливый в селе человек — бывало, лучший пахарь, но чаще местный богач. Он облачался в шубу, вывернутую наизнанку, надеясь, что это окажет магическое воздействие на поля и они покроются хлебами, густыми, как мех. Его обливали водой, осыпали землей — это тоже было необходимо, чтобы шли обильные дожди. При этом люди произносили заклинание: «Да будет урожай!» С утверждением ислама в этих краях постепенно главным действующим лицом в обряде стал мулла или кади, а заклинания люди стали обращать не к силам природы, а к Аллаху.

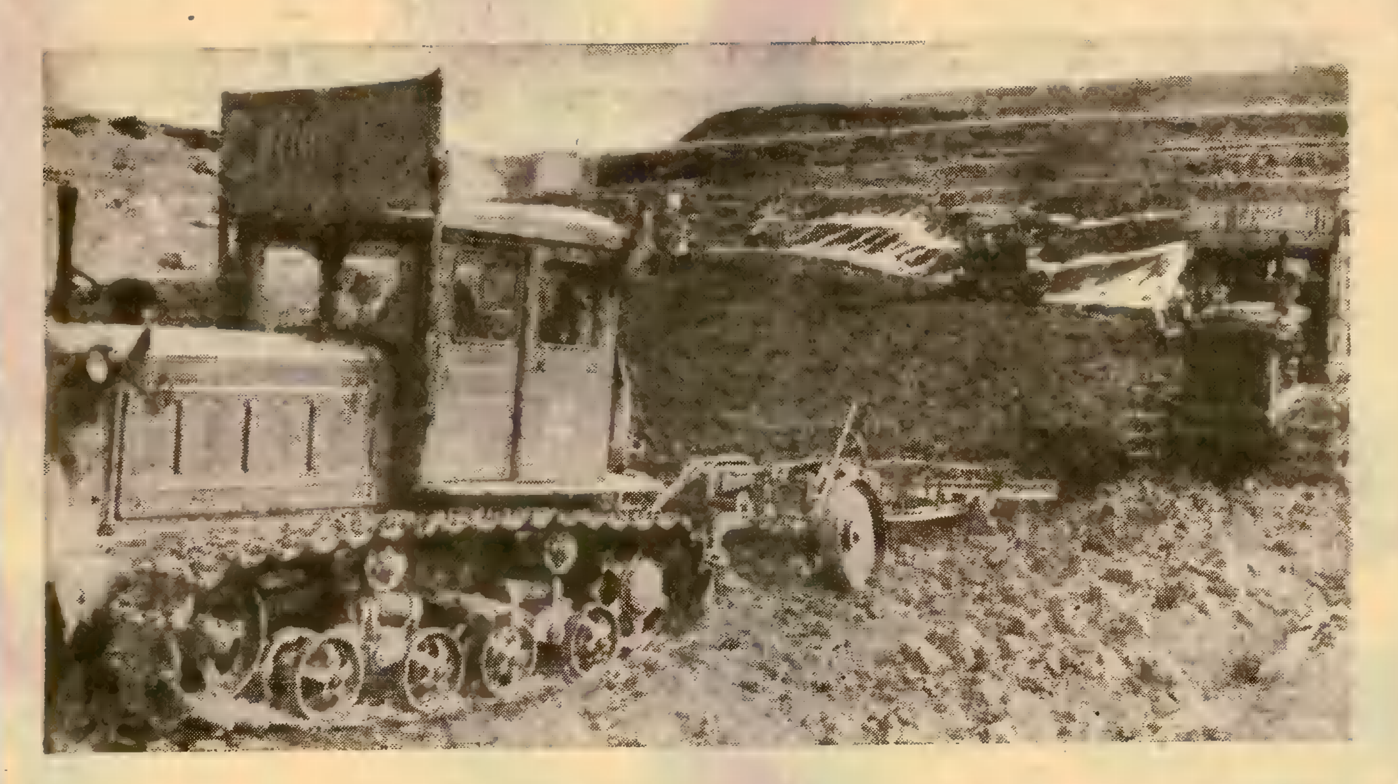
В наши дни Праздник первой борозды освободился от религиозных наслоений. Теперь его героями стали земледельцы. А участвуют в нем все жители сел — взрослые и дети, старики и молодежь, мужчины и женщины. Везде, в каждом ауле и селении к нему задолго и тщательно готовятся. К этому дню должен быть в полном порядке весь сельскохозяйственный инвентарь, починены дороги, наведен образцовый порядок во дворах и на улицах. Проводятся смотры коллективов художественной самодеятельности — надо отобрать лучшие номера для праздника. В этот день хозяйки готовят праздничное национальное угощение.

Вот как, например, проходил Праздник первой борозды (или как его по-старому называют — первого плуга, по-аварски — оубай) в селении Ахалчи Хунзахского района. Хозяева праздника, колхозники сельхозартели имени Энгельса, пригласили к себе много гостей — из семи соседних сел. Это был действительно народный праздник, в нем участвовало полторы тысячи человек. Все вышли в поле. Отцы несли на руках детей, родившихся в течение последнего года, матери несли на головах подносы с круглым хлебом и ветку, увешанную фруктами, яйцами, сладостями, — символ изобилия. Шествие возглавляли зурначи и барабанщики. Сначала на поле медленно выехал буйвол, запряженный в деревянную соху, за ним — пара быков, тянущих плуг. Эта картинка из прошлого помогает ярче увидеть наш сегодняшний день. А потом выехали трактора.

Честь проложить первую борозду выпала старейшему трактористу колхоза Сулейману Магомедову, бывшему батраку. За ним вели машины другие механизаторы. Получилась своеобразная демонстрация техники колхоза: шли 15 автомашин, 13 тракторов, шесть комбайнов.

На этом празднике состязались самые сильные и ловкие — в беге, в борьбе, прыжках, в метании диска. Были и скачки. К наезднику, перерезавшему

[2] См.: М. И. Калинин. Избр. произв., т. I. М., 1960, стр. 507.

ленточку, по традиции подбегали женщины, снимали платки с головы и вешали их на скакуна. Лучшие джигиты, победители спортивных игр, получали денежные премии и «гор» — 12-килограммовый бублик из сдобного теста с орехами, который, как лавровый венок, вешают на шею победителю. Во многих селениях в День первой борозды в центре праздника — семьи, в которых за прошедший год родились дети. Такая связь понятна: ведь в основе праздника лежит идея плодородия, забота о будущем.

В даргинских селениях победителям состязаний преподносят каравай, украшенный разноцветными яйцами.

В аварском ауле Зило, а также во многих лакских селениях лучшим труженикам преподносят призы в виде «дерева» изобилия, на ветви которого нанизаны всевозможные яства. В аварских аулах джигиты состязаются в старинном виде спорта — метании бычьей головы (надо, взявшись за рог, кинуть ее как можно выше и дальше).

В некоторых селениях в этом празднике сохраняется внешняя форма магических обрядов. Например, в ауле Какамахи Левашинского района обязательный ритуал этого дня — обливание водой, для чего приспособили поливальную машину. В других местах в пахаря кидают камешки, старую обувь или комочки земли. Но, разумеется, все это воспринимается не как магическое действие, которое, как думали прежде, должно помочь вырастить хороший урожай, а как веселый игровой элемент.

Совершенно новое содержание получили и другие старинные праздники. Например, в Южном Дагестане, где живут народности лезгинской группы, популярны цуквер сувар — Праздник цветов и киару — Праздник черешни. Цуквер сувар раньше устраивали, когда мирились враждовавшие. Предание рассказывает, что он возник, когда настал мир между жителями селения Ахты и соседним обществом. В наши дни этот праздник превратился в чествование тружеников полей: он проводится после окончания сева, обычно в конце мая, когда гора Чепер-сив покрывается альпийскими цветами.

Его открывает цуквер-ханум — королева цветов, обычно это красивая девушка, одетая, как невеста: с венком на голове и в яркой цветастой шали. Ранним утром, еще до восхода солнца, она приглашает всех участников праздника идти в горы, чтобы на альпийском лугу встретить зарю. Это очень красивое шествие — путь освещают факельщики, звучат музыка и песни, шутки, смех. На лугу они встречаются с колхозниками, пришедшими на праздник из других сел. Потом здесь начинаются состязания в танцах и различ-

ных видах спорта, например кто быстрее спустится с гор на деревянных коньках. Девушки плетут венки, составляют букеты, чтобы подарить их героям труда, друзьям, любимым. За самый красивый букет и венок присуждается премия. В этот веселый день не забыты и те, кто отдал свою жизнь за мирное счастье людей, — на могилы воинов молодежь возлагает венки и букеты цветов.

Праздник черешни раньше был своеобразным соревнованием богатых и хвастливых людей. Они приезжали в центр праздника — большое селение, покупали одно или несколько деревьев, с которых могли собрать урожай. Самые богатые покупали целый сад и жили в нем несколько дней. Все хвастали друг перед другом скакунами, оружием, пышными папахами. И празднество, как правило, заканчивалось драками или ссорой.

В наше время осталось от старого лишь поэтичное название праздника, а содержание его стало совсем иным. Он проходит в дни сбора урожая. Обычно его центром становится аул Касумкент, весь в черешневых садах. Сюда приезжают из окрестных сел, из соседних районов, из столицы республики. На главной улице во всю ширину вывешиваются полотнища с приветствиями на всех языках народов Дагестана участникам и гостям праздника. В центре его, как и положено, — те, кто вырастил самый богатый урожай черешни, кто вывел новый сорт. Звучат песни, музыка. На улицах танцует молодежь. Все празднично и красиво одеты. Стало традицией, что в этот день поэты Дагестана читают свои стихи. Нам кажется, что этот праздник был бы более полным, если бы вернулись к такой прежней традиции: раньше праздник открывался шествием по садам красивых девушек в сопровождении музыкантов. Сегодня в этом шествии должны быть те девушки, которые отличились в труде[3].

В последние годы в селениях Ахты и Курах проводится Праздник весны — яран сувар. С 15 по 21 марта объявляется неделя посадок фруктовых саженцев, очищаются дворы, благоустраиваются парк, улицы и площади. Днем 21 марта проходят соревнования конников, борцов, стрелков, бегунов, силачей. Выступают по традиции канатоходцы, собираются певцы, музыканты. А вечером на площади яранханум — королева весны — девушка в национальном костюме с гирляндой из листьев и цветов обращается к людям, заполнившим площадь, желает им успехов в труде, счастья. Она объявляет, кто в этом году был лучшим в труде. Им и честь — разжечь на площади большой праздничный костер. Вокруг костра королева весны собирает всех в хоровод, звучат песни о весне, о труде, о любви.

Победители забега стариков с призовыми караваями.

На холмах вокруг села люди разжигают маленькие костры, устраивают фейерверки, идут по селу с факелами. В полночь дети ходят из дома в дом и в стихах поздравляют всех с весной, за это им дают гостинцы.

Некоторые называют этот праздник новруз, однако он не имеет по содержанию ничего общего с религиозным новрузом, который раньше проводился в день весеннего равноденствия. Новруз — слово персидское, означает «новый день». С этого дня — 22 марта — начинался по календарю у народов Южного Дагестана новый сельскохозяйственный год. Этнограф А. Г. Трофимова так пишет об этом: «Праздник был связан с иранским кругом религиозных верований

---

[3] Эту мысль высказывают С. С. Агаширинова и Г. А. Сергеева в статье «К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана». «Советская этнография», 1966, № 4, стр. 124—125.

(домусульманского и отчасти раннемусульманского времени). По одной из легенд, данный праздник справляли по случаю смерти в Иране жестокого шаха, ежегодно в этот день убивавшего людей. Особенно ярко он отмечался мусульманами-шиитами и считался у них самым большим годовым праздником»[4]. В шиитских легендах говорится, что в этот день пророк назначил Али своим преемником. Наши наблюдения и проведенные опросы показывают, что в сознании современных дагестанцев День весны не ассоциируется больше с тем новрузом, который проводило мусульманское духовенство. Ушли из памяти народа религиозные легенды, связанные с ним. Остались лишь внешние элементы празднования: костры, факельное шествие, спортивные состязания, поздравления детей, угощение детей разными лакомствами и т. д. Сохранилось народное содержание праздника: начало весны — начало нового сельскохозяйственного года. На этом празднике обычно представители хозяйств рапортуют о своих делах, о готовности к весенним полевым работам, передают и принимают трудовую эстафету. Все это делается красочно и торжественно.

Мы описали гражданские праздники, которые близки народу, полюбились ему, имеют свое неповторимое лицо. В Дагестане проводятся и другие праздники, например дни по профессиям, но многие из них безлики, лишены национального колорита, мало чем отличаются друг от друга и не получили еще признания в народе. В них копируются обычные формы общественной жизни: собрание с докладом, награждение передовиков, концерт художественной самодеятельности. Нельзя сказать, что они получили обрядовую форму и заняли то место в духовной жизни народа, о котором писал В. В. Вересаев. Формирование новой обрядности — сложный процесс, он не стихийный, а управляемый. Уже утвердившиеся в жизни праздники надо сберечь, а рождающиеся не только поддержать, но и развить, обогатить эмоциональными и иными красками, чтобы они соответствовали моральным и эстетическим потребностям советского человека.

г. Махачкала

[4] А. Г. Трофимова. Обряды и праздчества лезгин, связанные с народным календарем. «Советская этнография», 1961, № 1, стр. 143.

Хорошо у наримановцев

Мы приехали в ордена Трудового Красного Знамени колхоз имени Нариманова в День первой коробочки — так называется праздник, знаменующий начало уборки хлопка, — на полях появились первые пушистые комочки, раскрылись хлопковые коробочки. Село это можно назвать садом—за фруктовыми деревьями не видно домов, кругом цветут розы, воздух напоен их ароматом. Прямые улицы с новыми красивыми домами названы именами узбекских поэтов, ученых—Навои, Фурката, Айбека. На центральной площади—фонтан, а от него живописные дорожки ведут в Дом культуры, Дом счастья, на стадион, в школу, в детский сад, пионерский лагерь, летнюю чайхану, столовую. Сюда, к фонтану, на призыв карнаев, шли нарядные, оживленные люди.

Когда все собрались, председатель колхоза Герой Социалистического Труда Искандер Досов поздравил хлопкоробов с началом страдной поры и пожелал каждой бригаде трудовых успехов. Стало традицией, что в этот день происходит посвящение в хлопкоробы, механизаторы, животноводы юношей и девушек, решивших после школы остаться в колхозе. К ним со словами напутствия обращаются ветераны труда, знатные колхозники. А после начался концерт коллектива ансамбля песни и пляски «Калдиргач» («Ласточка»). Этот коллектив знают во всей республике, да и за ее пределами, он — дипломант ВДНХ СССР. Были в этот день и танцы, и игры, и состязания. Новый праздник уже прочно вошел в быт наримановцев. За последние годы немало появилось у них новых обрядов, ритуалов, без которых люди уже не представляют свою жизнь.

Так сложилось, что все свои главные события наримановцы отмечают в колхозном Доме счастья. Его построили несколько лет назад, и для колхозников он сразу стал вторым родным домом. Он красивый, нарядный, удобный. В банкетном зале, где празднуют свадьбы, рождения, стены расписали мастера национальными узорами, пол покрыт коврами. Есть и танцевальный зал с блестящим паркетным полом.

В уютной чистой комнате на втором этаже происходит регистрация новобрачных и новорожденных. Все организационные вопросы решает совет Дома культуры, в который входят уважаемые люди колхоза.

Не пустует Дом счастья в колхозе имени Нариманова. После праздника пахта-байрами, когда окончена уборка хлопка, одна за другой здесь шумят молодежные свадьбы, веселые, не похожие на те, что еще не так давно были приняты в этих местах, когда невесту скрывали от жениха, а женщины не смели принимать участие в веселье. Теперь на свадьбах звучат веселые песни, искрится шампанское. Под звуки старинного узбекского инструмента сурная лихо пляшут юноши и девушки любимый танец хорезмцев — лязги. Не забыты и старые добрые обычаи, но в общем свадьба стала новой.

В Доме культуры вместе с колхозом устраивают проводы тем, кто идет служить в ряды Советской Армии. Часто здесь проводятся вечера-встречи с ветеранами труда, знатными людьми хозяйства, встречи трех поколений.

Хорошо, весело отдыхают в свободное от трудов время наримановцы. Молодежь, да и люди средних лет с удовольствием участвуют в колхозных спартакиадах (стадион здесь, пожалуй, лучше, чем в областном центре). О том, какая здесь художественная самодеятельность, мы уже говорили. Здесь богатая библиотека, новый кинотеатр. Любят колхозники бывать в гостях друг у друга. В каждом доме есть михмонхона — комната для гостей, самая просторная и красивая.

Л. ДОЛИНА,

Хорезмская область

КАКИМ БЫТЬ ДВОРЦУ БРАКОСОЧЕТАНИЙ

М. ЛИМОНАД, архитектор

Развитие социалистической обрядности всегда привлекало широкое внимание общественности. Особенно это относится к обряду бракосочетания. Естественное влечение человека к красоте и стремление сделать отдельные этапы своей жизни более праздничными и, в частности, желание показать важность такого события, как создание новой семьи, заставляет взглянуть на этот обряд по-новому, с точки зрения его эмоционального воздействия.

Жизнь, в частности, настоятельно требовала и создания соответствующего здания, в котором совершается брачная церемония. Необходимо было, чтобы оно по своей архитектуре и внутреннему убранству отвечало уже сложившимся требованиям. И первое слово, естественно, здесь должны были сказать архитекторы.

Однако появление в ряде городов Дворцов бракосочетаний объясняется скорее делом рук отдельных энтузиастов, чем результатом планомерной работы архитекторов, психологов, работников горсоветов, то есть тех, кому, казалось бы, в первую очередь предоставлялось широкое поле деятельности.

Публикуя настоящую статью, автор не ставит перед собой задачу дать исчерпывающий ответ на все вопросы. Главная цель — привлечь внимание всех, кто имеет отношение к этой важной проблеме, высказать свое мнение и поделиться соображениями на страницах нашего журнала.

МОЖЕТ ЛИ город сегодня обойтись без Дворца бракосочетаний? Впрочем, на этот отнюдь не риторический вопрос уже ответила сама жизнь. Если еще десять лет назад такие Дворцы были привилегией лишь городов-гигантов — Москвы и Ленинграда, то теперь их строят практически в каждом городе.

Первый Дворец бракосочетаний открылся в Ленинграде в 1959 году, а вскоре на страницах журнала «Строительство и архитектура Москвы» уже началось обсуждение проблем проектирования таких зданий. Участники тогдашней полемики указывали, кстати, на большие трудности в поисках образного решения, объясняя это, в частности, отсутствием какого-либо прототипа во всей мировой и отечественной архитектурной практике.

Но здесь они ошибались. Прототип был. Первое здание для гражданской регистрации брака — Башня бракосочетаний — появилось в 1907 году в немецком городе Дармштадте. Спроектированная архитектором Йозефом Ольбрихтом, она была построена в центре городка художников на холме Матильды. Сейчас трудно восстановить все детали проходившей в этом здании брачной церемонии. Но удача в выборе художественного решения бесспорна: стремительный силуэт и пластическое завершение, напоминающее ладонь с сомкнутыми пальцами, создают впечатление торжественности.

Кстати, следует заметить, что проектирование и строительство подобного здания в тогдашней Германии можно расценить как чрезвычайно смелый шаг. Это в равной степени относится, разумеется, и к тем, кто предпочитал светское бракосочетание венчанию в церкви.

Но вернемся к разговору о трудностях. Опыт показал, что при реконструкции бывших жилых домов или старинных особняков удается с известным успехом решить вопросы технологической планировки, однако создать законченное здание для проведения обрядов, говорящее языком современных художественных форм, оказалось делом необыкновенно трудным.

И в этом нет ничего удивительного. Внедрение новой обрядности, а светское бракосочетание является одной из ее форм, требует неустанного творческого поиска. Рассматривая особенности данного обряда, его природу, можно с уверенностью сказать, что здесь важную роль играет эмоциональная сторона, воздействующая на чувства молодых и всех присутствующих. Без этого воздействия нет и полноценного обряда бракосочетания.

В середине 60-х годов, например, была предпринята попытка внедрения типовых проектов Дворца бракосочетаний и Дома торжественных церемоний (Дворца счастья). Однако она не увенчалась успехом, поскольку авторам проектов не удалось найти яркого решения, которое сделало бы эти здания подлинным украшением города, а также не удалось достичь необходимого эмоционального эффекта.

Но специалисты не отступали. Длительная и кропотливая подготовительная работа, которую провели архитекторы М. Мендикулов из Алма-Аты и Г. Баравикас из Вильнюса, наконец дала необходимые результаты. Спроектированные ими Дворцы стали неотъемлемой частью художественного облика города, удовлетворяли самым взыскательным вкусам. Интересно, что прежде чем принять окончательное решение, архитек-

торы обсуждали схемы будущего здания со специалистами по проведению обрядовых церемоний, с жителями.

Светское бракосочетание, в основе своей, несомненно, более торжественно, чем венчание. Судите сами. Гражданская церемония состоит как бы из трех частей: подготовительной, символико-ритуальной и поздравительной. В церкви же проходит лишь венчание, то есть та часть, которая при гражданском бракосочетании соответствует церемонии в актовом создается ощущение, похожее на то, какое возникает у стоящего на горе, над обрывом. Этот эффект характерен как для исторических памятников (София Новгородская и София Киевская, Нотр-Дам в Париже, Реймсский собор, Исаакиевский — в Ленинграде, собор святого Петра в Риме и т. д.), так и для современных зарубежных культовых построек (собор Сен-Мери в Токио архитектора К. Танге, капелла в Раншане архитектора Ле Корбюзье и др.). Кроме того, высокие уровни реверберации, ре-

Его круглое здание стоит на возвышенном берегу реки. Небольшой объем, охваченный по фасаду декоративной решеткой, производит впечатление легкости и цельности. Пластика входа скромна и не спорит с общим решением фасада здания.

Внутри Дворец начинается с залитого светом холла, позволяющего охватить взором буквально весь интерьер здания. Отсюда виден и торжественный зал, к которому ведет беломраморная лестница.

Вильнюсский Дворец бракосочетаний.

зале. Однако, несмотря на то что функциональное содержание в обряде венчания менее богато, само здание церкви, нередко являющееся шедевром архитектуры, служит сильным эмоциональным фоном.

С точки зрения психологии художественного восприятия этот эффект достаточно хорошо проанализирован в специальной литературе. Устремленность вверх и бóльшая, чем в других типах зданий, декорированность создают у посетителей эмоциональную напряженность — основу всякой торжественности. И уже на этом фоне зритель воспринимает интерьер — пышный, красочный, остро устремленный вверх и растворяющийся в сводах покрытия. Человек, находящийся в церкви, не в состоянии одновременно охватить высоту, ширину и глубину зала. У него

льефная отделка стен, колонн создают хорошую акустику, что, безусловно, усиливает эмоциональное напряжение.

Специально спроектированных светских ритуальных зданий пока немного, однако уже сегодня можно видеть тенденцию их развития, специфические черты, а также недочеты. Совершим, к примеру, экскурсию по алма-атинскому и вильнюсскому Дворцам бракосочетаний.

Что для них характерно? Прежде всего здесь явственно ощущается единство замысла архитектора и режиссера, которым удалось отобрать все ценное, что создавалось в процессе поиска новых форм, и приблизить к современности, к нашему образу жизни. Безусловно, не все еще совершенно, но главное: начался поиск.

Возьмем алма-атинский Дворец.

Зал является как бы естественным логичным продолжением холла. Впечатление от такого решения двоякое: с одной стороны, это приближает молодоженов к месту, где совершается важнейшая часть обряда, с другой, — поскольку регистрация браков во Дворце идет практически непрерывно, — невольно создается ощущение, что находишься на чужой, а не на своей свадьбе.

Гостиные комнаты. Они расположены на первом этаже по обе стороны холла. Жених, невеста и свидетели выходят из них на середину холла и уже отсюда начинают свое шествие по парадной лестнице в актовый зал. Приглашенные же проходят на галерею. Во время церемонии их почему-то в зальную часть не пускают. Вряд ли такое решение логично: обряд,

безусловно, многое теряет в торжественности.

По окончании ритуала бракосочетания молодые и гости направляются в банкетный зал, который находится на первом этаже под залом бракосочетаний. Обычно туда проходят по галерее в обход холла и далее, спускаясь по узкой боковой лестнице. Странно, что спуститься по той же парадной лестнице разрешается не всегда, а лишь «в виде исключения», хотя выход спроектирован таким образом, чтобы люди именно по этой лестнице шли в банкетный зал. Ведь во время выходного марша никто навстречу по лестнице еще не поднимается. Боковая же лестница создана не для торжественного выхода. По ней, в частности, ходят те, кто пришел подать заявление о вступлении в брак.

Один из лучших примеров архитектурного решения — вильнюсский Дворец гражданской метрикации. В нем два зала, что дает возможность вести регистрацию брака одновременно в каждом из них. Правда, находясь в холле, можно порой увидеть сразу два потока: входящих в зал и выходящих. Безусловно, это снимает у ожидающих новобрачных ощущение исключительности собственного праздника, снижает степень торжественности момента. Однако недостаток легко устраним, в частности с помощью внутренней сигнализации.

К большому холлу со светлыми торцовыми стенами, что несколько роднит это здание с алма-атинским, примыкают симметрично расположенные относительно входа гостиные и комнаты жениха и невесты. Отсюда через боковые двери холла можно пройти в богато декорированные торжественные залы. После совершения церемонии молодые и гости через боковой коридор возвращаются в холл.

Таким образом, путь по зданию образует непересекающуюся петлю, потоки встречаются только на выходе. Выходной путь длинный, вдоль всего здания, чем подчеркнута важность, торжественность, значительность свершившегося события.

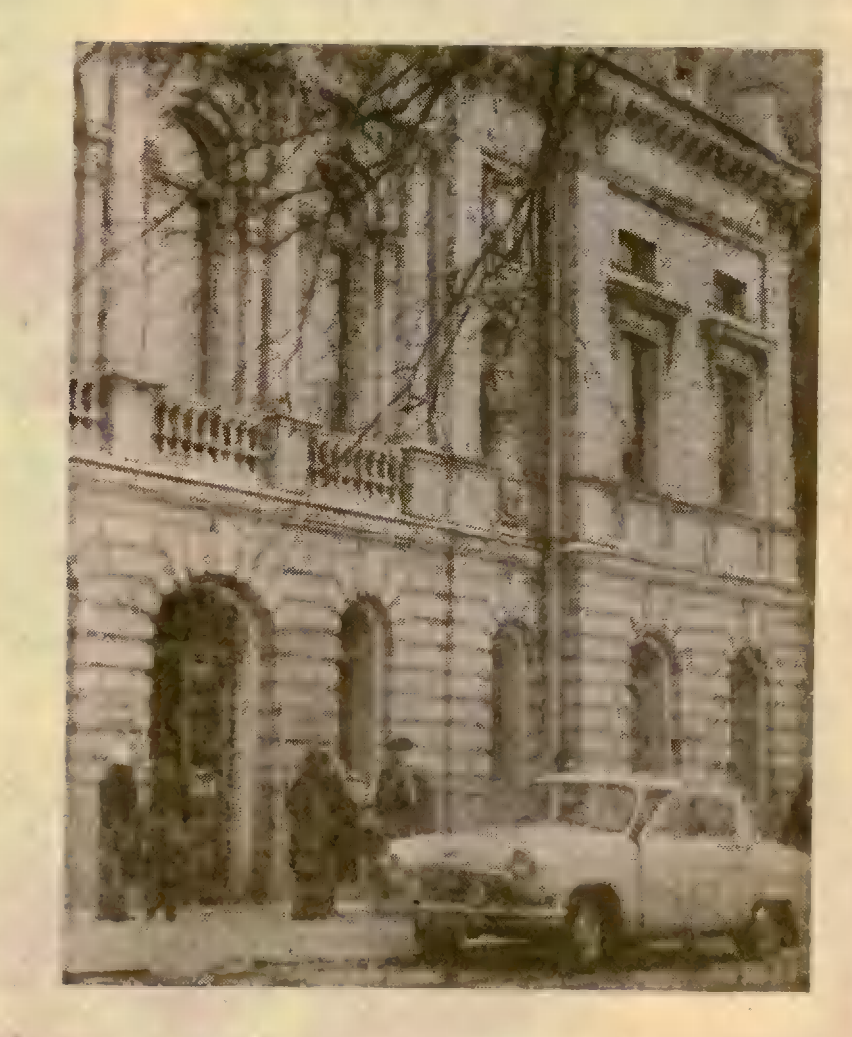
Разумеется, мы не собираемся рекомендовать всюду следовать примеру Алма-Аты или Вильнюса. Одно дело — столица союзной республики, а другое — небольшой город, районный центр. Но и в таких масштабах можно найти удачное архитектурное решение, исходя из тех общих принципов, о которых здесь говорилось на

Так выглядела Башня бракосочетаний, построенная в немецком городе Дармштадте.

Интерьер Дворца бракосочетаний в Алма-Ате.

Первый Дворец бракосочетаний был открыт в Ленинграде в 1959 году.

примере алма-атинского и вильнюсского Дворцов. В частности, интересные поиски в этом направлении ведутся на Украине, где создано несколько удачных вариантов Дворца бракосочетаний — для городов с небольшим числом населения, в частности районных центров.

Вероятность удачного художественного решения тем выше, чем больше соприкасаются личный опыт, интересы и интуиция архитектора со знанием им законов психологии. Прежде всего он, конечно, обязан знать, как чисто психологически воспринимается посетителями вся церемония обряда бракосочетания.

Уже сам вид ритуального здания должен вызывать чувство нарастающей торжественности. Такое впечатление возможно лишь в том случае, если форма яркая, легко запоминающаяся. Психологическое состояние виновников торжества, характеризующееся, в частности, повышенной напряженностью ожидания, требует на каждом очередном этапе их движения нового, более сильного ощущения торжественности. Поэтому кажется целесообразным на всем пути ритуального шествия архитектурно создать серию последовательных переходов — цветовых, световых, пространственных, пластических. Здесь проектировщику необходимо учесть, что по мере продвижения к залу, где состоится главный ритуал, у шествующих сужается попадающая в поле их зрения зона и одновременно появляется возможность более детального знакомства с интерьером.

Самое сильное впечатление должен оставлять, конечно, вход в зал — последний аккорд шествия. Предзальная зона и сам зал, где эмоциональная напряженность достигает апогея, безусловно, нуждаются в экспрессивном композиционном решении. Поэтому внешнее воздействие пространства как можно полнее должно соотноситься с общим эмоциональным состоянием пришедших. Архитектура зала, как и весь облик здания, должна быть экспрессивно-стремительной, напряженной, но не давящей. Ведь именно здесь, в этом зале, завершается формирование зрительного образа всего ритуального здания.

Заключающая обряд поздравительная часть снимает у присутствующих на торжестве значительную часть эмоционального напряжения. Соответственно, и зрительные ощущения должны от экспрессивных переходить к более спокойным, уравновешенным, с тем чтобы эмоциональное состояние участников обряда установилось на том уровне, который будет соответствовать переходу к семейному застолью.

Бракосочетание как обряд существует много веков и на одном месте не стоит. Когда-то церковь, ведавшая всей духовной жизнью, взяла его под свое покровительство. Теперь он вышел из-под ее контроля. Объясняется это прежде всего тем, что обряд бракосочетания, динамичный по своей сути, довольно легко смещался в область народного творчества, особенно в его неформальной части. Кстати, именно это обстоятельство и позволило обряду бракосочетания довольно легко вписаться в нашу действительность.

Конечно, это сложная задача — создать такую архитектурно-пространственную среду, которая стала бы органичной частью комплекса психо-эмоциональных средств обряда. Но, как показал опыт, в принципе создать «запланированное» настроение возможно. Необходимо только, чтобы архитектурное решение соответствовало объективным законам формирования эмоциональных реакций человека.

Читайте в следующем номере:

ЛЮДИ И СЕВЕР

Образ жизни, духовный мир заполярного города

РАССКАЗ О ГЛАВНОМ КОНСТРУКТОРЕ

Д. УГРИНОВИЧ

РЕЛИГИОЗНОЕ ИСКУССТВО: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

К. ГОРЮНОВ

ИЗ ПЛЕНА АЛТАРЕЙ

Автобиографическая повесть

Ю. РУСАНОВ, А. ТРУШИН

ЧИЛИ — ДИКТАТУРА И ЦЕРКОВЬ

СЕМИНАР В КИЕВЕ

В КИЕВЕ прошел представительный семинар, [redacted] который со всей республики съехались заместители заведующих отделами пропаганды и агитации обкомов партии, секретари обкомов комсомола, секретари областных советов профсоюзов, начальники областных управлений культуры, быта, заведующие облкоммунхозами, областными [redacted] городскими отделами загса, председатели областных комиссий [redacted] новой обрядности, организаторы [redacted] исполнители новых обрядов, работники культуры и искусства, ученые.

Насыщенными, содержательны[redacted] были четыре дня работы семинара. Перед его участниками выступили заведующий отделом пропаганды [redacted] агитации ЦК КП Украины Ю. Н. Ельченко, заместитель председателя Совета Министров Украинской ССР П. Т. Тронько, председатель республиканской Комиссии по изучению и внедрению новых гражданских праздников [redacted] обрядов С. Е. Стеценко, заместитель председателя Госплана Украинской ССР Б. Г. Цомая, министр бытового обслуживания населения Л. К. Шпаковский, министр коммунального хозяйства В. Д. Площенко, заместитель министра культуры Я. Д. Витошинский, заместитель министра юстиции О. Г. Павшукова, секретарь Украинского совета профсоюзов Л. К. Шендрик, секретарь ЦК ЛКСМ Украины Г. Д. Максименко, директор Института психологии Министерства просвещения Украинской ССР доктор философских наук В. И. Войтко, главный архитектор института «Укргипроинжпроект» Б. Ф. Игнатов, заведующий кафедрой массовых праздников Киевского института культуры Н. С. Корецкий, заведующий кафедрой народного хорового пе[redacted] того же института доктор искусствоведения А. И. Гуменюк, старший научный сотрудник Института искусствоведения, фольклора [redacted] этнографии АН Украинской ССР В. Е. Келембетова [redacted] многие другие ученые, работники культуры и искусства, организаторы но[redacted] праздников и обрядов.

На семинаре был всесторонне обсужден и обобщен накопленный на Украине богатый опыт становления новой, социалистической обрядности, успехи [redacted] недостатки в этой важной [redacted] сложной, с полным правом можно сказать, новаторской работе.

Издавна славилась Украина красочными, увлекательными народными праздниками [redacted] обрядами, богатым обрядовым фольклором, художественной символикой. За годы Советской власти традиционная обрядность освободилась от архаических, мистических, религиозных элементов, наполнилась социалистическим содержанием, стала органическим компонентом нового быта, советского образа жизни. С 1969 года на Украине действует республиканская Комиссия по новым обрядам; такие же комиссии созданы во всех областях, [redacted] многих городах [redacted] районах.

Сейчас [redacted] республике действует 126 дворцов [redacted] домов, более трех [redacted] половиной тысяч комнат торжественных событий, 32 праздничных зала, 311 обрядовых салонов [redacted] 289 бюро ритуальных услуг.

Несколько лет назад [redacted] Украине были созданы областные отделы загса, а районные и городские бюро преобразованы [redacted] отделы исполкомов местных Советов, что существенно улучшило [redacted] деятельность, расширило [redacted] сферу. Работники загса проводят вечера молодоженов и циклы лекций для них, тематические передачи по радио [redacted] телевидению. Например, [redacted] Донецкой области [redacted] прошлом году прочитано 475 лекций [redacted] бесед, в Кировоградской — 412 лекций [redacted] бесед, 75 выступлений работников загса в лекториях [redacted] 97 — [redacted] радио [redacted] в газетах.

Постоянно расширяется [redacted] совершенствует свою работу сеть салонов [redacted] залов обрядового обслуживания. Во Львове, например, обрядовый салон [redacted] лекционный зал, мастерскую для пошива свадебной одежды, пункт проката [redacted] широким ассортиментом. В Киеве создана фирма «Праздник», цель которой — обрядовое обслуживание трудящихся.

Республиканская Комиссия разработала, издала массовым тиражом [redacted] разослала на места детальные, снабженные нотами, текстами песен, иллюстративным материалом рекомендации по проведению свадебного обряда, торжественной регистрации новорожденных, похоронного ритуала. На очереди — праздник Слава труду, День советской молодежи, вручение первого паспорта, проводы в Советскую Армию и другие, которые [redacted] совокупности составят годичный цикл [redacted] 10 праздников [redacted] 12 обрядов — ту основу, на базе которой в дальнейшем будет развиваться [redacted] совершенствоваться новая обрядность.

Она все прочнее входит [redacted] быт людей, обогащая [redacted] украшая его, вытесняя еще не изжитые до конца церковные обряды. Однако успокаиваться на достигнутом нельзя, впереди огромное поле работы, нужно сделать еще много, особенно [redacted] свете тех требований, которые поставил XXV съезд КПСС по дальнейшему обогащению духовной культуры советских людей, их коммунистическому воспитанию. Наряду с такими областями, [redacted] Ивано-Франковская, Донецкая, Житомирская, где успешно ведется работа по становлению [redacted] совершенствованию новой обрядности, есть [redacted] республике области, города, районы, где [redacted] этом направлении делается очень мало, где пока часты случаи крещения новорожденных, церковного отпевания умерших.

Опыт лучших должен стать достоянием всех, чтобы всюду, [redacted] каждом городе [redacted] селе утвердились [redacted] жизни люди новые, содержательные, красочные праздники [redacted] обряды. Именно такую цель ставили перед собой [redacted] организаторы нынешнего семинара. Его участники не только слушали выступления [redacted] обменивались опытом работы, но [redacted] посетили дворцы [redacted] дома торжественных событий столицы Украины, приняли участие [redacted] торжественных обрядах и ритуалах. Было организовано показательное проведение обрядов представителями ряда областей.

Большой интерес вызвала оборудованная к семинару обширная выставка. Здесь можно было увидеть созданные архитекторами [redacted] нескольких вариантах (для сел [redacted] городов с различным количеством населения) проекты дворцов [redacted] домов торжественных событий, образцы ритуальных кладбищенских площадок, памятников [redacted] надгробий, различные атрибуты [redacted] символы, применяемые в обрядах, образцы одежды исполнителей ритуалов [redacted] т. д.

В работе семинара приняли участие гости из ряда союзных республик, [redacted] также руководители Польского общества распространения светской культуры — его председатель профессор Тадеуш Ярошевский [redacted] генеральный секретарь Веслава Круль.

[redacted] БОЙКО

О «ДУХОВНЫХ ДАРАХ» И ИХ ПОЧИТАТЕЛЯХ

В. ГРАЖДАН,
кандидат философских наук

В ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВЕ, одном из направлений позднего протестантизма, особое значение придается библейским «духовным дарам». На основании первого послания апостола Павла к коринфянам обычно почитают девять из них. Это «слово мудрости», «слово знания», «вера», «дар исцеления», «дар чудотворения», «дар пророчества», «дар различения духов», «дар говорения на иных языках», «дар истолкования языков». Впервые они якобы были получены апостолами в Иерусалимском храме на празднике пятидесятницы (отсюда другое название — «пятидесятнические дары»), а теперь даются через «крещение духом святым» лишь «истинным последователям Христа».

Внешним признаком крещения духом святым большинство пятидесятнических сект признает разговор с богом на «ином языке». Многие участники так называемых ревнительных молений, которым предшествуют многодневные посты и другие физические и также психические «испытания плоти», впадают в состояние, близкое к помрачению рассудка. Психиатры, наблюдавшие это состояние, квалифицируют его иногда как сумеречное. Сознание «ревнующего», то есть просящего у бога крещения духом святым, на некоторое время как бы затухает, гаснет. Нередко происходит полное выключение сознания. При этом торможение почти не затрагивает двигательную область, иногда даже возбуждает ее. В большей степени оно распространяется на вторую сигнальную систему, порождая хаотические связи: речь превращается в беспорядочный набор слов, слогов или отдельных звуков. Это и есть желанные «иные языки» — знак так называемой богоизбранности.

О характере переживаний во время «духовного крещения» верующий из украинского села Святец Г. Х. Коржан рассказывал следующее:

«Крещение духом происходит на ревнительном собрании, которое отличается от простого моления тем, что на нем молятся продолжительное время, почти всегда целую ночь. Молитву произносят в полный голос, а затем часами повторяют слово «аллилуйя» для излияния святого духа. И так до полного изнеможения, пока язык не начнет заплетаться и выговаривать какие-то непонятные слова, что мы и называем «иными языками» и считаем, что получивший их уже крещен духом святым.

На одном из таких молений произошло и мое крещение духом. В эту ночь я молился до того долго, до того усердно, что весь пол был залит потом. И только после продолжительного повторения слова «аллилуйя» начал произносить слова, значения которых не знаю, но большинство из них заучил на память, а именно: гот фэтер, майс флей, гой фуль майт...»[1].

Из этого рассказа видно, что, стремясь заговорить на «ином языке», верующие в период сумеречного состояния нередко выкрикивают запомнившиеся им иностранные слова и фразы.

Считается, что в результате крещения духом святым верующие получают в пользование для более успешного служения богу один или несколько «духовных даров», причем наиболее важен, по их мнению, «дар говорения на иных языках», ибо это — свидетельство «присутствия» духа святого в избранном богом «сосуде». Заговорить на молитвенном собрании на «иных языках» — значит засвидетельствовать свою богоизбранность, продемонстрировать контакт с духом святым.

Поскольку получение этого «дара» достигается при помощи различного рода психических и физических перегрузок, когда верующие долго постятся, много молятся, участвуют в длительных и изнурительных богослужениях, ограничивают себя в сне, отдыхе, в общении с другими людьми и т. д., то есть ког-

---

[1] Первые два слова искаженное немецкое «бог отец», остальные — произвольный набор звукосочетаний.

да они всячески изощряются в том, чтобы сильнее «истязать плоть» и тем самым «дать свободу духу», все это не проходит без последствий для здоровья. Говорение «иноязыками», связанное с огромным перенапряжением, вызывает дрожание рук, всего тела, подергивание головы, плеч. За это пятидесятников представители других конфессий презрительно именуют «трясунами». Наиболее фанатичные регулярно доводят себя до психопатологического состояния, которое нередко перерастает в истерические припадки. Наше государство из соображений гуманности не может мириться с тем, чтобы под предлогом религиозных отправлений наносился вред здоровью граждан. Поэтому подобные действия законом запрещены. Если же молитвенные собрания не ведут к таким последствиям, религиозная община получает полную свободу организации и деятельности.

Сказанное на «иных языках» («указания бога-отца и бога-сына, переданные через духа святого») разъясняют те, кто «обладает даром истолкования языков». Почти в каждой пятидесятнической общине есть такие «истолкователи», которые при крещении духом святым якобы получили сверхъестественную способность быть переводчиками «языка божественного» на обычный человеческий. Руководители общин нередко заранее подсказывают истолкователям, как надо «переводить» «божественные указания». Бывают случаи, когда истолкователи под нажимом руководства общин подстрекают верующих к антиобщественным и антигуманным действиям.

Вторым по значению после «дара иных языков» многие руководители пятидесятников считают «дар пророчества». Считается, что пророчество есть не что иное, как волеизъявление кого-нибудь из членов святой троицы.

Иногда во время молитвы у кого-то из присутствующих возникают галлюцинации (зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые), именуемые «видением» или «откровением». Их содержание пересказывается единоверцам, а затем толкуется особо «избранными для этого богом» членами общины.

Бывает, что молящийся в состоянии экзальтации под впечатлением «видения» начинает выкрикивать бессвязные слова, которые и расцениваются присутствующими как проявление божьей воли. Их также потом истолковывают. Пророчества рассматриваются руководителями общин и рядовыми верующими как непосредственные указания бога о том, что должны делать в ближайшем будущем члены общины.

Особое место у пятидесятников занимает «дар исцеления» — учение об исцелении от любых болезней кровью Христа. Поскольку, по их мнению, причиной болезни является грех, то лечение необходимо не врачебное, а молитвенное: ведь Христос не только спаситель, но и целитель; своей пролитой кровью он обеспечил и прощение грехов, и искоренение их последствий — человеческих болезней. Пятидесятники считают, что, уверовав в это, можно всякое заболевание излечивать молитвой.

В результате внушения и самовнушения у глубоко верующих больных формируется особый психический настрой. В отдельных случаях это помогает организму мобилизовать скрытые резервы для преодоления болезни (особенно если заболевание связано с различными неврозами). Как известно, внушение и самовнушение — своеобразная психотерапия, и поэтому не удивительно, что бывают случаи исцеления. Если же больной не выздоравливает или умирает, не получив своевременно врачебной помощи,— это объясняется недостатком веры. Нередко бывает, что запрещение обращаться к врачу и прибегать к лекарствам приводит к смертельному исходу.

Среди пятидесятников имеет хождение рукопись, в которой так говорится об исцелении:

«И если будет вера тверда на исцеление у больного, так и у тех, которые молятся о больном, и не будет сомнения, то сразу и по первой молитве, получат желаемое исцеление. А если не получили сразу просимого, то знайте, что в ком-то были нити протянуты сомнению, и если суточный пост не преодолел и не усилил веру, и трехсуточный пост совершили, и не получили желаемое, то знайте, что большое неверие в ком-то было на то. И потому и не могли получить просимое».

Пятидесятники в нашей стране делятся на ряд направлений (деноминаций), последователи которых действуют разрозненно и недоброжелательно относятся друг к другу. Самое многочисленное и наиболее распространенное направление исторически связано с крупнейшей пятидесятнической международной церковью «Ассамблея бога», штаб-квартира которой находится в городе Спрингфилде (штат Миссури, США). При ее активной финансовой поддержке и с помощью ее миссионеров в 20-х годах XX века на территории нашей страны и распространилась эта разновидность пятидесятничества. На юге (с центром в Одессе) ее возглавляли выученик американских пятидесятников И. Е. Воронаев и его помощник

В. Р. Колтович. Последователи ее именовались «христианами евангельской веры» (ХЕВ). На западе (главным образом в Полесье) под руководством А. Берхгольца и Г. Шмидта обосновались «христиане веры евангельской» (ХВЕ). Этих религиозных деятелей содержала Русская и Восточно-Европейская миссия в Чикаго, являющаяся дочерней организацией генерального совета «Ассамблеи бога». Поскольку ХЕВ и ХВЕ формировались обособленно друг от друга, у них имеются некоторые различия, главным образом культовые. ХЕВ, например, совершают обряд омовения ног, при хлебопреломлении используют только пресный хлеб и виноградное вино. ХВЕ не признают первого из этих обрядов, а при хлебопреломлении применяют любые хлеб и вино.

Приехав из США в Одессу в 1921 году, Воронаев в 1924 и 1925 годах проводит первый и второй областные съезды ХЕВ. На втором съезде был создан всеукраинский союз ХЕВ — к тому времени пятидесятничество вышло за пределы области. В 1926 и 1927 годах здесь же состоялись два всеукраинских съезда, причем второй был объявлен «первым всероссийским». В 1928 году в Одессе выходил ежемесячный пятидесятнический журнал «Евангелист».

В годы Отечественной войны на временно оккупированной фашистами территории руководители пятидесятников широко использовали бедствия советских людей для привлечения новых «овец» в свое «стадо». Многие из них открыто сотрудничали с оккупантами, пророчили гибель Советскому государству, молились за победу гитлеровцев.

Открывшийся в июне 1943 года в Александрии Кировоградской области пятидесятнический собор прочел благодарственную молитву за свободу вероисповедания, якобы дарованную немецко-фашистскими захватчиками. Антисоветски настроенные участники собора приветствовали гитлеровскую оккупационную власть.

После присоединения пятидесятников в 1945 году к союзу евангельских христиан-баптистов часть пятидесятнических священнослужителей (особенно опорочивших себя в годы войны) не была привлечена Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) к пастырской деятельности. Недовольные этим, они в конце 40-х годов взяли курс на выход из объединения. На основе прежних вероучений они составили новое, приняли название «христиане веры евангельской» и сделали попытку отмежеваться от тех пятидесятников, которые объединялись с баптистами и евангелистами, начали насаждать в сознании верующих крайние взгляды.

Другим относительно многочисленным направлением пятидесятничества в нашей стране являются евангельские христиане в духе апостолов. Поскольку они, отвергая догмат святой троицы, признают единого бога Иисуса Христа, их нередко называют «евангельскими христианами единобожцами», «единственниками» и «иисусовцами». Часть из них после 1947 года объединилась с ЕХБ.

Самостоятельными, хотя и малочисленными деноминациями, являются «пятидесятники-сионисты», появившиеся на Украине в начале 20-х годов, и «евангельские христиане святые сионисты» («мурашковцы»), возникшие в начале 30-х годов в Польше, на территории нынешних западных областей Украинской и Белорусской ССР. Их руководство никогда не соглашалось на объединение с ЕХБ. Это замкнутые, негативно относящиеся к светскому миру общины. Эти два направления пятидесятничества не следует смешивать ни между собой (они возникли в разное время, и у их истоков стояли разные люди), ни с еврейским буржуазным национализмом — сионизмом, с которым у них нет ничего общего.

Преимущественно пятидесятнической является и имеющая совсем немного приверженцев религиозная секта, которая носит название «церковь божия» («дети божьи», «община божья»), ведущая свою родословную от американской «церкви бога», с центром в городе Андерсон (штат Индиана).

В настоящее время внутри всех без исключения пятидесятнических деноминаций идет сложный процесс разделения на два крыла.

Большинство верующих считается с нормами социалистического общежития, признает законодательство о культах, протестует против исступленных молений, наносящих вред здоровью. Например, в решении, принятом на общем собрании общины евангельских христиан в духе апостолов города Сарапула, сказано:

«Все законы, издаваемые правительством нашей страны, признаем и выполняем... Дети наши учатся в школе, вступать в пионеры и комсомол не запрещаем... Медицинским лечением пользуемся как на дому, также и коечным... Работаем на заводе, фабрике или в учреждениях честно... Служим в рядах Советской Армии как в мирное время, так и во время военных действий... Крещение духом святым признаем, если человек имеет один из следующих даров: слово мудрости, слово знания, или исцеление по молитве, или иные

языки, или пророчество, но все должно происходить благопристойно и чинно».

Значительная часть пятидесятников, стоящих на таких позициях, присоединилась к союзу ЕХБ, но и в неприсоединившихся общинах все заметнее стремление отказаться от вредных для здоровья экстатических молений.

Однако есть в пятидесятничестве верующие, стоящие на экстремистских позициях. Руководство таких общин не одобряет службы единоверцев в Советской Армии, призывает отказываться от голосования при выборах органов Советской власти, нарушает законодательство о культах, при проведении богослужений стремится к эмоциональному и экстатическому возбуждению, дар разговора на «иноязыках» объявляет непременным атрибутом культа. Пятидесятники-экстремисты не признают объединения с ЕХБ, выступают за создание особых конфессиональных центров.

Бывают случаи, когда верующие других конфессий, разочаровавшись в своей религии, переходят в пятидесятничество. Насыщенная интенсивными религиозными переживаниями, жизнь этих общин и групп кажется им реальным воплощением христианских заветов и идеалов, притягивает наиболее строгим, на их взгляд, выполнением библейских требований, иллюзией «связи с богом». Правда, большинство таких ищущих новообращенных со временем покидают пятидесятничество, но некоторые (особенно с неустойчивой от природы или надломленной в жизненных неурядицах психикой) оседают в пятидесятнических общинах.

При анализе деятельности пятидесятничества следует учитывать, что международные пятидесятнические центры стремятся к расширению любых (официальных и неофициальных) контактов с целью активизации деятельности единоверцев в СССР. Для этого миссионеры зарубежных центров приезжают в Советский Союз, завязывают знакомства с руководителями пятидесятников, снабжают их литературой, магнитофонными записями проповедей, богослужений, бесед, инсценировок на религиозные сюжеты, приглашают к себе, ведут активную переписку и т. д. Все это не может не оказывать определенного воздействия на пятидесятнические общины.

Опыт показывает, что в атеистической работе с пятидесятниками особо необходим строго дифференцированный подход.

Важно учитывать степень религиозности, национальную и вероисповедную принадлежность верующих. К сожалению, некоторые лекторы и пропагандисты атеизма, журналисты, советские работники не уделяют этому должного внимания. Вместе с тем практика говорит о том, что без учета всего этого, в том числе и особенностей различных пятидесятнических деноминаций и даже отдельных групп внутри них невозможно рассчитывать на успех ни в атеистической работе, ни в прекращении нелегальной деятельности сектантов.

Для того чтобы поколебать в глазах верующих авторитет Библии, пропагандисту необходимо хорошо знать ее тексты. Ссылки на великих людей, на исторические события, достижения науки, техники и т. д. на верующих пятидесятников часто не производят нужного впечатления. Многие бывшие верующие подчеркивают, что именно сомнения в истинности библейских догм сыграли важную роль в их отходе от религии. Кроме того, необходимо знать основные положения вероучения, особенности догматики и культа. Разбор и критика сущности пятидесятнического «Полного Евангелия», хилиазма, представлений о свободе воли производят, как правило, сильное впечатление на верующих.

Среди тех, кто находится под влиянием экстремистских элементов, необходимо наряду с критикой пятидесятнической идеологии разоблачать антиобщественную деятельность сектантских руководителей. Следует также иметь в виду и стремление к экзальтированности в выражении религиозных чувств. Этим пастыри стараются удержать верующих в плену религии. Поэтому пропагандисты должны быть вооружены соответствующими знаниями, чтобы разъяснять верующим механизм «крещения духом святым», «разговора с богом на иных языках», «пророчеств», «чудесных исцелений», показывать вред, который они приносят.

Разговор с верующими должен быть выдержанным, предельно тактичным. Нужно не только тщательно продумывать содержание и форму выступления, но и уметь выбрать для него удачный момент. Бестактность, навязчивость, неосведомленность в тонкостях вероучения недопустимы. Грамотное, тактичное выступление пропагандиста с критикой идей, высказанных религиозными проповедниками, обычно оказывает должное впечатление на верующих.

Пятидесятничество — относительно небольшое религиозное объединение, находящееся в состоянии кризиса. Но оно существует, имеет своих, хотя и немногочисленных, приверженцев. И пропагандисты атеизма не могут обходить их своим вниманием.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

В. ПИВОВАРОВ,
кандидат философских наук

ЧТОБЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ религиозности отвечали своему назначению и могли быть использованы в теории и практике атеизма, они должны обеспечивать получение достаточно полных и представительных данных об индивидуальных характеристиках религиозности и их взаимосвязи с социально-демографическими, культурно-бытовыми и другими характеристиками. Какие же конкретно методы должны использоваться для получения этих данных? Есть ли специфика в их использовании при исследовании религиозности по сравнению с другими социальными объектами? Для ответа на эти вопросы нужно обратиться к опыту проведения социологических исследований.

Социология религии не располагает какими-либо собственными специальными методами, она использует имеющиеся. Однако при этом учитывается специфика изучаемого объекта. Практической базой для выработки научно-организационных принципов изучения религиозности послужили социологические исследования, проведенные в 1962—1973 годах в Тамбовской, Липецкой, Воронежской, Горьковской, Орловской, Пензенской областях, в Алма-Ате, а также в Чечено-Ингушской и Марийской АССР.

Разработка методики и техники сбора первичной социологической информации основывается на общесоциологической теории, основные принципы которой обеспечивают не только получение достаточных данных, но и научную организацию самих исследований. Эффективным является сочетание разных методов, форм и приемов изучения, в том числе и таких широко распространенных, как наблюдение, анализ статистических данных, архивных материалов, изучение опыта работы партийных и общественных организаций.

В ряде исследований, когда необходимо дополнить конкретные данные, для установления многих характеристик религиозности применяется метод наблюдения[1]. Специфика его заключается в том, что исследователь схватывает конкретные детали, живые, образные впечатления. Есть несколько видов наблюдения: включенное (наблюдатель — полноправный участник изучаемой группы); невключенное (наблюдатель со стороны изучает группу, человека); открытое (исследователь извещает группу о том, что ее изучают); интимное (изучаемая группа не знает, что за нею ведется наблюдение); полевое (исследователь наблюдает реальный социальный процесс); лабораторное (исследование проводится в приближенных к реальным условиях); нестандартизированное (исследователь работает без четкого плана); стандартизированное (исследователь работает по программе, данные фиксирует в документах). При изучении религиозности включенные и лабораторные наблюдения практически не применяются.

По объектам исследований можно проследить, как в конкретных ситуациях «работает» тот или иной вид наблюдений. Например, при изучении состояния религиозных сект и внецерковных православных организаций маршруты экспедиций разрабатывались так, чтобы охватить как можно больше активных очагов их деятельности[2]. Члены экспедиций посещали молитвенные дома, знакомились с домашней обстановкой верующих, фиксировали в памяти внешнее состояние и внутреннее убранство жилищ, особенности одежды верующих, их манеру держаться, характер речи и т. д. При изучении религиозных общин методом наблюдения исследователи фиксировали содержание проповеди, импровизированные выступления, коллективную и индивидуальную реакции присутствующих, ритуал богослужения, состав участников собраний.

Объективные данные для анализа при изучении православной религиозной общины были получены путем невключенного, полевого и стандартизированного наблюдений. В частности, с помощью полевых и стандартизированных наблюдений определялись внешнее религиозное поведение прихожан во время обрядовой и культовой практики, их общее число и представительность выборки. Метод наблюдения применялся и для получения данных по типологическим признакам с целью восполнения информации для построения динамических рядов численности верующих, посещающих богослужения[3].

При изучении религиозности сельского населения Орловской области широко применялись полевые наблюдения. Исследовательская группа посещала храмы во время богослужений, присутствовали в домах колхозников в дни крупных религиозных праздников, в дни постов и т. п. Участники исследования длительное время жили в изучаемых колхозах, наблюдали живую практику колхозной

Статья третья. Первую и вторую см. в № 10 и 11.

[1] См.: А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; «Лекции по методике конкретных социальных исследований». М., 1972.

[2] См.: А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность. М., 1969; Его же. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.

[3] См.: В. Г. Пивоваров. Методологические предпосылки и программа исследований групп, составляющих религиозную общину. Сб. «Атеистическое воспитание на научную основу». Чебоксары, 1972.

жизни в повседневной обстановке. Метод наблюдений, как правило, предшествовал применению других методов, в частности опросу[4].

Методом наблюдения изучались также национальные традиции и верования, паломничество верующих к святым местам, специфические стороны культовой деятельности мюридов. Выяснялись некоторые традиционные формы быта, взаимоотношений в семье, особенности общения верующих с людьми других национальностей, использование при этом родного языка, языка гостя и т. п.[5]. Этим методом было выявлено большинство запланированных в социологической работе показателей по специфическим вопросам быта, культуры, национальных традиций и верований населения Чечено-Ингушетии.

В общем метод наблюдения позволяет, с одной стороны, охватить изучаемое явление в целом (религиозную группу, семью или отдельного верующего), в совокупности культурно-бытовых, социально-экономических связей. Это дает возможность подойти к изучаемому явлению комплексно, подвергнуть его качественному анализу. С другой стороны, метод наблюдения позволяет выделить специфическое, особенное, единичное в изучаемом вопросе (например, лучше понять этнические особенности группы населения, уловить малоизвестные стороны духовной жизни верующего).

Метод опроса разделяется в зависимости от характера искомой информации, способов ее получения на анкетный метод, интервью и социометрический. С их помощью уточняются взгляды, чувства, настроения исследуемых лиц, выявляются мотивы и причины их взглядов, поступков, а также другие сведения, необходимые для анализа. При этом исследователь может получить информацию, содержащую не только оценки настоящего, но и прошлого, а также прогнозы на будущее. Недостаток метода опроса состоит в том, что объектом изучения оказывается мнение обследуемого. Отсюда проблема доверия, объективности и точности получаемой информации.

Применительно к анализу проблем религии и атеизма не все виды метода опроса получили широкое распространение. Например, не применяется социометрический опрос, так как для его использования необходимо предварительно знать весь состав религиозной группы, верующему должна быть предоставлена возможность оценивать религиозность окружающих людей, выявлять религиозные авторитеты и т. п. Как правило, исследователь не располагает такого рода данными.

Не всегда оправдывает себя при изучении религиозности анкетный опрос. Например, при изучении религиозного сектантства такой метод исследования не применялся. Причина этого в недостаточно глубокой разработке понятийного аппарата, характеризующего духовный мир человека, а также в том, что далеко не во всех случаях верующий способен правильно фиксировать в исследовательских документах свою религиозную принадлежность, характер религиозности и т. п. К тому же необходимо иметь в виду, что самостоятельное заполнение анкет для многих пожилых верующих — трудная задача из-за малограмотности. Однако анкетный опрос может быть использован для изучения предварительного мнения небольших групп населения по узкому кругу вопросов. Так, по ответам на анкеты, разосланные работникам партийных и общественных организаций, представителям творческой интеллигенции Чечено-Ингушской АССР, накануне планируемого исследования удалось уточнить отдельные специфические вопросы быта, культуры, национальных традиций и верований, сформулировать дополнительно некоторые практические предложения по проблемам изучения, определить смысловое выражение основных понятий, содержащихся в социологических документах, а также степень и характер трудности сформулированных в них вопросов.

Самым распространенным методом опроса при исследовании религиозности являются интервью (беседы). При изучении религиозного сектантства наиболее полные данные получены именно этим методом. Во время бесед с верующими выяснились отдельные детали, существенно обогащавшие исследователей, особенно если у собеседника удавалось вызвать чувство заинтересованности, желание свободно и открыто выражать свои мысли и чувства. Это возможно только в том случае, если у верующего возникает заинтересованность в разговоре, а она появляется, когда в беседе затрагиваются интересующие его вопросы, связанные с конкретными условиями жизни, быта, практическими нуждами или же с раздумьями над мировоззренческими проблемами.

Методом интервью определялись структура религиозной общины, социально-демографические, социально-экономические и культурно-бытовые характеристики лиц, посещающих богослужения, а также отношение опрашиваемых к религии и церкви, характер их религиозных убеждений. В целом этот метод позволил уточнить степень и характер религиозности прихожан и степень их связи с религиозной и атеистической информацией, изучить причины и мотивы участия людей, не связанных с церковью, в обрядах крещения, венчания, религиозного погребения и других. Интервью проводились с помощью стандартизированных вопросников. Одна часть вопросов применялась для получения кратких сведений об опрашиваемом, другая предоставляла возможность опрашиваемому более полно изложить свои ответы, по которым исследователи могли устанавливать новые характеристики. Предполагалось и несколько запрограммированных вариантов ответа на группу вопросов. Выбор того или иного варианта позволял исследователям делать также важные выводы.

Метод интервью применялся на различных объектах для получения основных характеристик быта, культуры, традиций и верований. Особое внимание было обращено на использование национального языка. В качестве анкетеров выступали люди среднего и пожилого возраста, женщины, молодежь — в зависимости от категории опрашиваемых. Во время интервью выявлялись некоторые ведущие тенденции в религиозной идеологии, а также основные показатели быта, духовной культуры, национальных традиций.

При проведении массовых опросов населения не наблюдалось каких-либо отклонений от предполагаемых процедур исследования. Вопросы анкет не вызывали отрицательного отношения у опрашиваемых. Справедливости ради нужно сказать, что иногда встречалось и настороженное отношение со стороны некоторых верующих, но оно, как правило, исчезало в процессе благожелательной беседы. На

---

[4] См.: Н. П. Алексеев. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). «Вопросы научного атеизма», вып. 3, М., 1967.

[5] См.: В. Г. Пивоваров. На этапах социологического исследования (теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). Грозный, 1974.

многие сложные, [redacted] ряде случаев интимные, вопросы были получены достаточно полные ответы.

Сомнения в возможности опроса возникали зачастую и у самих исследователей. Однако после завершения работы ее участники пришли [redacted] единодушному заключению: откровенная беседа [redacted] верующими о религии вполне возможна и дает большой достоверный материал. Привлеченные [redacted] участию в исследованиях анкетеры и инструкторы одобрили применяемые методы и технику исследования, порядок заполнения документов и процедуру их отправки в адрес исследовательского коллектива, а также соблюдение анонимности. Было отмечено, что интерес [redacted] исследованию очень высок, отношение к документам серьезное, [redacted] анкетерам — доброжелательное.

Показателем эффективности массового обследования населения является возврат документов от опрашиваемых. В Чечено-Ингушской АССР при исследовании [redacted] коллективах рабочих и колхозников, инженерно-технических работников [redacted] служащих методом интервью возврат документов составил более 95 процентов; при выборочном обследовании возврат документов составил 99 процентов. Однако при самой тщательной подготовке исследовательского коллектива, подборе и обучении анкетеров интервью не всегда может быть применено из-за формализации вопросов [redacted] отсутствия абсолютно надежных методов контроля объективности [redacted] достоверности получаемых первичных данных.

[redacted] социологической литературе важное место отводится методу подбора и анализа личных [redacted] официальных документов[6]. [redacted] полной мере это относится и [redacted] исследованиям проблем религии [redacted] атеизма. Так, при изучении религиозного сектантства значительная часть времени была посвящена вопросам группировки и сбора документального материала и работе над архивами. При исследовании религиозной общины особое внимание уделялось изучению документов партийных и общественных организаций по вопросам атеистического воспитания, отчетов о состоянии атеистической работы на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах, материалов предшествующих конкретных социологических исследований, литературы по истории церкви, о характере деятельности религиозных организаций [redacted] т. д. [redacted] основном изучались документы текущих архивов за пятилетний период. Для анализа привлекались документальные материалы демографического характера.

При исследовании процесса высвобождения трудящихся масс из-под влияния религии [redacted] Пензенской области [redacted] основе документальных материалов была создана своеобразная база отсчета исходных положений. С этой целью изучались документы, характеризующие религиозность Пензенской губернии начала XX века. Архивные материалы позволили сравнить полученные характеристики религиозности с теми, которые были выявлены на основании обследований 1909—1910 и 1924—1925 годов. Например, Ленинградский институт этнографии АН СССР обследовал в 1924—1925 годах население 68 сел Пензенской губернии, а губком партии — 33 тысячи хозяйств. Научная ценность исследований безусловно неизмеримо возрастает при возможности сопоставления однопорядковых характеристик за различные периоды.

[redacted] Чечено-Ингушской АССР при исследовании вопросов быта, культуры, национальных традиций [redacted] верований широко применялись данные статистики. Так, для формулировки вопросов демографии отдельных групп [redacted] использовались материалы всесоюзной переписи населения (в виде бланков опросных листов). Итоговые статистические материалы всесоюзной переписи применялись для выяснения структуры занятого и незанятого населения республики, тенденций перемещения населения из одной социальной группы [redacted] другую, [redacted] также для выявления качественного и количественного изменения сельского населения.

Метод подбора и анализа документов широко применяется для отбора социологических показателей [redacted] их использования [redacted] первичных документах массового опроса, определения качественных характеристик отсчета при построении последующего динамического ряда. Этот метод имеет важное значение также для сравнительного изучения вопросов религии и атеизма. Однако надо иметь [redacted] виду, что официальные документы (например, церковная статистика) могут искажать истинное положение дел. Личные документы, письма также могут быть необъективными. Поэтому во всех случаях документы, характеризующие религиозность, должны быть проверены на достоверность, чтобы выявленные [redacted] результате их анализа тенденции и закономерности отражали объективную реальность.

В последние годы исследователи отказываются от использования одного какого-либо метода при изучении проблем религии и атеизма, [redacted] стремятся применять разные [redacted] их комплексе. К сожалению, этот опыт пока еще не нашел обстоятельного обобщения [redacted] литературе, хотя ученые-религиоведы высказали тут много интересных идей, и прежде всего мысль об оптимальном применении комплекса методов для решения конкретных социологических проблем.

Выделенные в качестве основных три метода — интервью, наблюдение, анализ документов — применяются в определенной связи друг [redacted] другом: информация, полученная [redacted] результате массовых опросов, сопоставляется [redacted] результатами анализа документов; наблюдения — со статистическими данными. Все это позволяет обеспечить объективность результатов и надежность выводов.

При изучении быта, культуры, национальных традиций [redacted] верований [redacted] районе с многонациональным населением [redacted] наличием различных вероисповеданий применяются наблюдение, письменное анкетирование, интервью, анализ данных статистики о движении населения, анализ архивных материалов. При изучении закономерностей формирования научно-материалистического, атеистического мировоззрения, выявлении своеобразия этого процесса у различных групп рабочих на промышленных предприятиях Алма-Аты применялся, [redacted] примеру, целый комплекс методов. Изучались архивные материалы по истории отдельных предприятий, документы отделов кадров, партийных и общественных организаций, отчеты, доклады, приказы. Социологи посещали цеховые и общезаводские собрания, производственные совещания. Применялись различные формы наблюдения, использовались интервью и беседы (индивидуальные [redacted] групповые) с рабочими, с представителями дирекции [redacted] партийно-комсомольского актива. Был проведен опрос ветеранов производства. Изучались публикации в многотиражных газетах, письма членов коллектива [redacted] редакции газет, заявления, предложения, жалобы. Выяснялись материальное положение членов коллектива и их семей, условия их быта и культурный уровень. По отдельным проблемам формирования научного ми-

---

[redacted] См.: А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура [redacted]циологических исследований.

ровоззрения проводились научно-практические конференции.

Поскольку при изучении религиозности анализируется вся совокупность социальных связей и зависимостей, определяющих ее существование, социологический аспект исследования определяет и меру этих связей. Методы социологии, предназначенные для установления связей и взаимозависимостей, также используются в органическом единстве.

Сочетание методов наблюдения, интервью, бесед, анализа документов, архивных материалов, изучение живой практики и опыта работы по атеистическому воспитанию позволили выявить для теории научного атеизма и практики атеистического воспитания ряд принципиальных вопросов, связанных прежде всего с состоянием, характером и динамикой преодоления религиозности населения в различных районах, с тенденциями изменения религиозного сознания, своеобразием процесса высвобождения масс из-под влияния религии в условиях развитого социалистического общества.

Наряду с традиционными методами социологии в Чечено-Ингушетии и Марийской АССР применялся также метод экспертных оценок и учета мнений. Это вызывалось необходимостью учета реальной практической надобности в социологической информации, проверки гипотез планируемого исследования, ограничения его рамок, уменьшения числа элементов, признаков и характеристик в нем до пределов, обеспечивающих, с одной стороны, полноценность исследования, с другой — учитывающих материальные и технические возможности исследовательского коллектива. Предложения, советы и рекомендации, полученные в ходе выявления мнения общественности, были максимально учтены при составлении программы исследования и определении объекта изучения.

Тщательный учет опыта и результатов проведенных социологических исследований становится обязательным и необходимым методическим требованием. От него зависит характер организации каждого последующего исследования. Особую важность имеют факторы научной обоснованности и тщательности разработки инструментария исследования, всесторонний учет особенностей (исторических, национальных, бытовых, конфессиональных и других) региона, где проводится исследование, комплексность социологических обследований, а также учет данных, полученных другими исследовательскими коллективами. Все это обеспечивает надежность, точность и достоверность при изучении религиозного сознания и поведения.

В практике комплексного изучения религиозности встречаются еще трудности, нерешенные проблемы, недостатки и ошибки. Труднее всего преодолеть недочеты, возникающие при попытках регионального обобщения материалов локальных исследований. Суть этих недочетов — в разнопорядковых социологических характеристиках почти всех составляющих (демографических, социальных, культурно-бытовых). Что же касается показателей собственно религиозности, то и здесь, несмотря на частичную их сопоставимость, еще встречаются разнопорядковые основания ее типологии, включаемой в соответствующий инструментарий исследований. Оставляют желать лучшего анализ и обработка материалов. Даже плодотворная тенденция рассматривать вопросы религиозности во взаимосвязи с другими социальными явлениями медленно пробивает себе дорогу. Социологические исследования все еще занимают много времени, что объясняется нечеткостью их проведения. В итоге практические рекомендации вырабатываются с большой задержкой и в ряде случаев носят абстрактный характер, оторваны от жизни. Бывает, что рекомендации, имеющие большое значение для атеистического воспитания, слабо внедряются в практику.

Есть и некоторые трудности в применении методики и организации социологических исследований религиозности. Нередко высказываются сомнения в возврате необходимого для анализа числа документов от опрашиваемых, в возможности получения искренних и полных ответов на некоторые вопросы, в обеспечении анонимности при массовых обследованиях религиозности, в налаживании необходимого контакта с верующими, особенно живущими в замкнутом кругу. Зачастую возникают опасения по поводу возможности обработки данных, применения счетной техники или ЭВМ.

Имеются определенные трудности и в получении социологической информации, связанные со спецификой объектов изучения, отсутствием обобщенного опыта формирования коллективов исследователей, применения принципов выборки, использования статистического и математического аппаратов для анализа и т. п. Особую трудность представляет разъяснение населению и опрашиваемым целей и задач исследования религиозности.

Нерешенными остаются еще вопросы своевременного и полного анализа, максимального использования накопленной социологической информации, создания упорядоченного архива материалов социологических исследований во всех научных коллективах, а также создания единого фонда социологических данных по проблемам религии и атеизма и, наряду с ним, единой комплексной программы обработки социологических данных.

Чтобы давать верную оценку социологическим материалам качественного и количественного характера и тем самым получать достоверные данные о состоянии религиозности и тенденциях ее изменения, необходимо решить ряд вопросов, связанных с их научной оценкой, в частности, с оценкой их надежности, точности и репрезентативности.

Возросший объем и сложность организационно-технических вопросов ставят социологов, изучающих проблемы религии и атеизма, перед необходимостью наладить деловое сотрудничество. Такое сотрудничество в организационном плане нашло свое воплощение в деятельности опорных пунктов Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Однако оно носит несистематический, порой случайный характер, ограничивается отдельными консультациями, выполнением разовых заказов. Нередко обобщение материала тормозится из-за отсутствия методического описания, устойчивого контакта исследовательского коллектива социологов с технической группой, осуществляющей обработку материала на ЭВМ.

При всех этих и многих других трудностях социологические исследования различных проблем религии и атеизма продолжают развиваться. Научные учреждения, партийные и общественные организации провели целый ряд социологических исследований во многих районах страны. Накоплены большая социологическая информация о различных сторонах религиозной жизни и данные, характеризующие современное состояние атеизма. Предстоит серьезная работа по их полному освоению и анализу, а также внедрению в практику атеистического воспитания следующих из них выводов и рекомендаций.

ШАМАНЫ И «СВЯТЫЕ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Г. СНЕСАРЕВ,
кандидат
исторических
наук

Фото Г. Киселевой

Когда-то Ташбулак (в переводе с узбекского — большой родник) был местом паломничества бездетных женщин, воды родника считались священными. Сейчас в этом уголке Узбекистана, щедро одаренном природой, отдыхают дети — здесь построен межколхозный пионерский лагерь имени Юрия Гагарина.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ наука имеет немало свидетельств тому, что в Средней Азии научная медицина зародилась в глубокой древности. А в средние века этот край дал миру замечательные открытия в области познания природы человека, его здоровья и болезней. Вспомним великого ученого X—XI веков Абу Али ибн Сину, или, как его называли европейцы, Авиценну, и его знаменитый медицинский трактат «Медицинский канон» или гератскую медицинскую школу, созданную в XV веке Гиясэддином Мухаммедом.

Однако во все времена, включая первую четверть нашего столетия, медицинские знания и практика здесь тонули в море ложных, основанных на религиозном миропонимании представлений о природе человека, о функциях его организма, о причинах болезней и способах борьбы с ними. Веками создавался и рос огромный комплекс верований и обрядов, связанных с этими представлениями, составлявший «лечебную» практику на религиозной основе. Пережитки этой практики существуют и по сей день, хотя все республики Средней Азии располагают развитой системой научного здравоохранения.

Этнографы, исследующие жизнь народов Средней Азии, в силу особенностей своей методики, позволяющей глубоко проникать в область быта, имеют возможность детально изучить эти пережиточные явления — от их истоков до сегодняшних форм. Многие их наблюдения, как нам кажется, должны заинтересовать не только представителей смежных наук, но и тех, кто ведет пропаганду атеистических и медицинских знаний.

Остановимся на тех связанных с религией пережитках, которые составляют «лечебную» практику, — они представляются нам наиболее распространенными и живучими. Здесь наше внимание прежде всего должны привлечь пережитки шаманства и культа святых, который проявляется в Средней Азии в основном в виде паломничества людей, страдающих различными недугами, к «священным» могилам — мазарам. Страждущие идут к «святым» местам и подвизающимся там «специалистам» по лечению болезней не всегда потому, что верят в бога, а чаще всего просто на всякий случай.

В дореволюционном прошлом шаманство в этом крае было распространено довольно широко. Во многом оно было сходно с «классическим» шаманством Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, но имело и свои особенности. Среднеазиатский вариант несколько упрощен: ряд типичных представлений и некоторые функции шаманов здесь отсутствовали, и в основном все сводилось к «ле-

чебной» практике. С точки зрения шаманства, недуг возникает вследствие того, что в организм человека внедряются враждебно настроенные сверхъестественные существа — духи, демоны; цель камланий — особых шаманских церемоний — изгнать их из тела больного. На стороне шамана в этой церемонии выступают духи особой категории, доброжелательно настроенные, — с ними у каждого шамана как бы заключен длительный договор. Шаманами в Средней Азии — их тут именовали «пархан», «бахши», «фолбин» — были и мужчины, и женщины.

В свое время шаманство заполняло своеобразный вакуум: то, что не могло быть объяснено житейским опытом, на что не давала ответа официальная религия — ислам, получало объяснение с точки зрения шаманства — пусть крайне примитивное, но доступное обыденному сознанию. Оно было настолько популярно в Средней Азии, что мусульманское духовенство вынуждено было сквозь пальцы смотреть на столь греховные отступления верующих от «истинного» пути.

Но, пожалуй, наиболее глубокие причины живучести этого древнего комплекса заложены в самом характере шаманства. Камлания производили огромное эмоциональное воздействие на участников и зрителей этой церемонии. Рассказы очевидцев шаманских камланий и тех, кто испытал на себе шаманское «лечение», рисуют весьма колоритную, эмоционально впечатляющую картину таинственного действа. Все в нем как будто специально рассчитано на то, чтобы привести в смятение человеческие чувства и довести их до экстатического состояния: и то, что камлание происходит ночью; и тесное помещение, где люди сидят близко друг к другу; и таинственный полумрак; и коллективные пляски, не похожие на обычные, «мирские»; и фантастический обряд, когда больной, окруженный свечами, изображает усопшего; и своеобразные, волнующие ритмы бубна; и монотонные заклинания; и даже цирковые манипуляции — когда шаман или шаманка вскакивают на лезвие мечей, которые мужчины держат в метре над землей, или лижут раскаленное железо.

Если все это сравнить со скучноватыми, внешне ничем не примечательными богослужениями в мечетях, — становится понятнее, почему шаманство столь цепко удерживалось в быту и находило своих приверженцев даже в сугубо ортодоксальной мусульманской среде.

Эмоциональным воздействием шаманства можно объяснить и его популярность в женской аудитории, если учесть, что в прошлом женщины в Средней Азии не имели доступа даже в мечети. Шаманство в какой-то степени удовлетворяло их зрелищный голод, и это также немало способствовало тому, что пережитки его сохранились до наших дней.

Сегодня шаманство в Средней Азии явно сходит на нет, и это вполне закономерно. Успехи медицинской науки столь существенны, авторитет советского здравоохранения среди населения так велик, что лечатся люди, разумеется, не у шаманов. Тем не менее и в наши дни шаманство еще окончательно не утратило клиентуру, и сегодня с некоторыми заболеваниями люди идут к шаманам. С какими же?

Трудно сказать, каков был в прошлом диапазон заболеваний, с которыми люди обращались к шаманам и которые считались «диверсией» враждебных духов. Вероятно, он был довольно широк. Но уже в позднейшие времена истории среднеазиатского шаманства и особенно в период, доступный для этнографических исследований, бросается в глаза одна примечательная черта: шаману в процессе его «лечебной» практики приходилось иметь дело в основном с нервными недугами и психическими расстройствами. И сегодня в компетенции шаманов остались в основном заболевания такого характера[1].

Как уже говорилось, здравоохранение в целом и санитарно-гигиеническое просвещение в частности в среднеазиатских республиках достигло высокого уровня; многие болезни вообще исчезли из быта, с другими ведется успешная борьба. Население достаточно просвещено в области медицины. Во время эпидемий гриппа сейчас даже древние старухи соблюдают элементарные правила санитарии. Знают теперь достаточно и о сердечно-сосудистых заболеваниях; никто, например, почувствовав боли в сердце, не пойдет к шаману.

К шаманам идут люди с разными формами нарушения психики и нервной системы, острыми и хроническими; в случае послеродовых психозов и разного рода параличей; с нарушениями зрения, слуха и речи на почве нервных расстройств. Этому можно найти объяснение.

Психические и нервные расстройства испокон веков были окружены ореолом таинственности. Сталкиваясь с подобными явлениями, человек, не имеющий достаточного образования и общей культуры, становится в тупик. Тут, как правило, вступает в силу извечный закон, лежащий в основе возникновения любых религиозных верований: то, что находится вне пределов понимания, приобретает характер сверхъестественного, рождаются фантастические представления, а вслед за тем складывается соответствующий обряд; возникает необходимость в помощи посредников между людьми и сверхъестественным миром духов.

В этом отношении представляют интерес наши наблюдения в Хорезмской области, недалеко от города Шават, где расположена почитаемая усыпальница Юсуфа Хамадани (умер в 1140 г.), одного из основателей среднеазиатского суфизма. Еще и сегодня кое-кто верит, что этот «святой» исцеляет душевные болезни. В надежде выздороветь к его могиле приходят люди, страдающие нервными и психическими заболеваниями. (Кстати, на самом деле Юсуф Хамадани похоронен совсем не здесь, а в Мерве.) Двадцать лет назад, когда мы были у этого мазара, сюда со всего Хорезмского оазиса стекались душевнобольные с разными формами психоза; среди них были заболевшие недавно и с застарелым недугом. Они подолгу жили здесь, и шейхи, хранители гробницы, понаторевшие в «лечении», пользовались характерными шаманскими приемами, «изгоняя» демонов из больного при помощи нагайки.

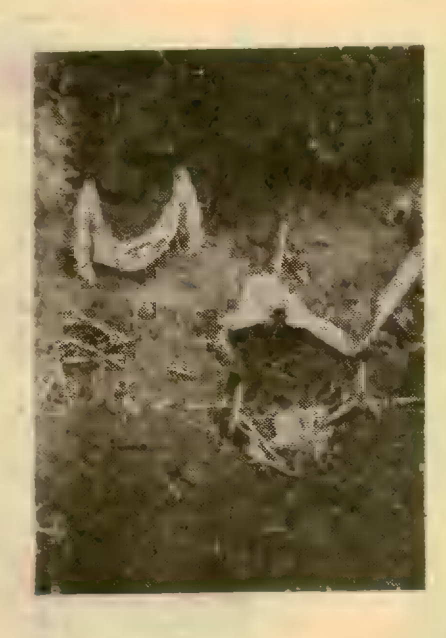
Таким образом, при ближайшем рассмотрении становится ясна природа такого пережиточного комплекса, как шаманство. Во всяком случае, можно утверждать, что шаманская практика в сегодняшней Средней Азии держится главным образом на желании и надежде людей излечиться от психических заболеваний и разного рода нервных расстройств. Однако тема о психических заболеваниях в пропаганде медицинских знаний среди населения представлена слабо. Разумеется, популярно объяснить природу психических и нерв-

---

[1] Известны случаи, когда шаманы излечивали некоторые нервные заболевания, но дело здесь не в ритуале камлания, а в приемах психотерапии, которыми нередко владеют служители этого культа. Речь может идти только о функциональных нервных расстройствах, но не об органических нарушениях. О механизме такого излечения рассказывал кандидат медицинских наук врач-психотерапевт В. Я. Деглин («Наука и религия», 1974, № 6).

ных болезней довольно трудно. Но оставлять эту сферу без внимания нельзя. Ведь люди, которые сталкиваются [redacted] подобными болезнями, чаще всего абсолютно не подготовлены [redacted] этому. Нередко болезнь наступает внезапно, и это еще усугубляет [redacted] растерянность, создает почву для всяких фантастических домыслов. Когда заболевание проявляется неожиданно, всегда находится объяснение, почерпнутое [redacted] арсенала религиозных поверий, запас которых создавался [redacted] предшествовавшими поколениями.

Мне приходилось встречаться [redacted] такими фактами. Одну женщину слепота поразила мгновенно, когда она рано утром [redacted] саду срезала цветы шиповника, чтобы сделать настой для заболевшего мужа. Ей показалось, что кто-то из куста «схватил ее [redacted] руку», — так рассказывала она об этом. По старинным поверьям, шиповник — «аджина гуль» (буквально: «цветок джиннов») — обиталище зловредных духов, и, конечно, объяснение слепоты пришло тут же. С другой женщиной аналогичный случай произошел, когда она проходила мимо зарослей джиды (лох серебристый), пользующейся такой [redacted] славой; после «консилиума» старух был приглашен шаман [redacted] организовано камлание.

Возле мазара Кара-Кылы. Туркмения. [redacted] г.

«Магическая» щель [redacted] мазара Султан-бобо. Жаждущие исцеления должны пролезть [redacted] нее. Хорезм, [redacted] г.

Фото автора

Разумеется, совершенно необходимо, чтобы пережитки шаманского комплекса постоянно находились [redacted] поле зрения организаторов атеистической работы. Однако пропагандисты атеизма часто не придают значения шаманскому комплексу. С нашей точки зрения, это большая ошибка.

Обратимся теперь ко второму пережиточному «лечебному» комплексу, который значительно разнообразнее по своим приемам, нежели тот, что связан с шаманством. Если шаманская практика сейчас превратилась в явление эпизодическое, обитающее где-то на задворках жизни (однако, подчеркиваем, не столь еще деградировавшее, чтобы его можно было не замечать), то второй комплекс [redacted] семейном быту значитель-[redacted] чаще дает о себе знать. [redacted] главная причина его живучести — особенно остро переживаемый недуг женского бесплодия. Мы не преувеличили, подчеркнув особую остроту этого вопроса именно в Средней Азии. Поясним эту мысль.

Причин здесь много, корни их уходят [redacted] далекое прошлое. Традиционно имели немалое значение религиозные воззрения, укоренявшиеся веками. Общение живых с духами предков у среднеазиатских народов считалось [redacted] только возможным, но [redacted] обязательным: пред-[redacted] приносили удачу [redacted] благополучие в дом; [redacted] свою очередь они требовали повседневного почитания и вполне реальных забот [redacted] себе. До наших дней дожил связанный с этим обряд «джума акшом» (канун пятницы), когда духи предков якобы навещают своих близких и [redacted] полагается кормить, дабы [redacted] навлечь на себя

их гнев. О человеке, не оставившем потомства, некому было заботиться, и дух его влачил жалкое посмертное существование. Такая перспектива вызывала ужас. Бездетным не сочувствовали, к ним было презрительное отношение, нередко с оттенком враждебности.

Мы не преувеличим, сказав, что прежде недуг женского бесплодия в среднеазиатских условиях, как дамоклов меч, висел над каждой молодой семьей и вызывал чувство панического страха. Не имея никаких зримых причин, он казался неожиданностью, и это поражало больше всего. Простому человеку — дехканину, например, — этот недуг был столь же непонятен, как, скажем, нервные и психические расстройства. И тут снова вступал в силу древний закон, определяющий рождение религиозных представлений: непонятное приобретало в глазах людей сверхъестественный характер; пытаясь доискаться причин недуга, люди обращались к фантастическим образам и действиям; ответ давала и традиция — вера в сглаз, порчу, колдовство, в активность враждебных духов. Возникали столь же фантастические и ложные приемы борьбы с этим недугом. Они находили свое выражение в обрядах культа плодородия, который некогда занимал весьма значительное место в духовной жизни земледельцев и скотоводов Средней Азии.

Этот культ вырос из первобытного почитания природных стихий, прежде всего земли и воды, и прошел в своей истории множество этапов. Примитивные духи сменялись развитыми божествами древних религий; среди них богиня плодородия Анахита, олицетворявшая водную стихию и более конкретно — мощную водную магистраль Средней Азии реку Амударью, была особенно популярна. Она считалась покровительницей женщин и деторождения, ей приносили жертвы даже в позднейшие мусульманские времена [2].

С появлением в Средней Азии новой религии — ислама — старые божества этого культа постепенно забывались, но их функции перешли к многочисленным мусульманским святым, а местом культа стали их усыпальницы — мазары. Вокруг этих святилищ и сосредоточивались обряды, оставшиеся от домусульманского прошлого. Культ мазаров дожил до наших дней и является, пожалуй, самой характерной особенностью сегодняшней религиозности в республиках Средней Азии.

Когда-то одни святые считались покровителями земледелия, другие — скотоводства, третьи — торговли, ремесел и т. д.; некоторые специализировались в «излечении» разных болезней, в частности женского бесплодия. К нашему времени четкость этих функций в значительной степени стерлась, множество мазаров заглохло. И лишь один повод для посещения мазаров и соответствующих обрядовых церемоний пока что остается достаточно стойким. Это — недуг женского бесплодия.

Если женщина не рожает, находятся те, кто убеждает ее, будто в этом виноваты враждебные силы, поселившиеся в ее организме. Бездетные женщины сохранили в обрядах паломничества к мазарам очень многое из арсенала магических и жертвенных приемов домусульманского прошлого. Они совершают ритуальные обходы надгробного сооружения, молятся у порога усыпальницы, натирают тело пылью с могилы святого, привязывают тряпицу на шест со знаменем мазара. Многие привозят в дар святому новые покрывала на его гробницу. Иногда у мазара совершается жертвоприношение — супруги режут барана, козленка, чтобы святой помог им обрести потомство.

Седой древностью веет от некоторых обрядов вокруг таких мазаров. В Хорезме, например, бесплодные женщины делают около мазара из щепочек и лоскутков миниатюрные изображения детских люлек, бывает, что кладут в них крохотных «младенцев» — обернутые тряпочкой палочки. Это типичный пример имитативной магии — когда люди стремятся сходным предметом и действием вызвать желаемое. С магией связан и обряд, который автору этих строк привелось много лет назад наблюдать у мазара Аюба в Джалал-Абаде (Киргизия): женщины, не имеющие детей, садились верхом на большой камень причудливой формы, напоминающий колыбель, или касались его грудью; он так и именовался — «бешик таш» (буквально — колыбель-камень).

Особым почитанием окружены «священные» деревья, растущие при мазарах. На их ветви бездетные женщины вешают лоскутки от своей одежды или платков, надеясь установить магическую связь со святилищем. К стволу этих деревьев они прижимаются всем телом. В этих манипуляциях отразились древнейшие примитивные представления о том, что деревья являются приютом для душ, которые могут дать новую жизнь.

Родники и колодцы вокруг мазара тоже считаются священными; воду из них паломницы увозят с собой, чтобы пить ее, желать ею лицо, тело.

Следует сказать, что бездетные женщины пользуются разнообразными магическими приемами и за пределами мазаров. Они перебегают дорогу похоронной процессии, чтобы «уловить» душу умершего, которая якобы может зачать новую жизнь. То же самое проделывают они и во время свадебного шествия, надеясь «перенести» свой недуг на другого. С приобщением к плодотворной силе земли связаны и такие обряды бездетных: они скатываются с холмов, протискиваются через промоины в земле или под обнажившимися корневищами деревьев. Силой своей плодовитости привлекают их внимание фруктовые деревья в садах — к ним они прикасаются, совершают вокруг них ритуальные обходы.

Река Амударья также была необычайно притягательна для бесплодных женщин. По традиции считалось особенно действенным совершить своеобразное путешествие: пересечь на рыбацких лодках течение реки и на самом стрежне сбросить в волны жертвенные лепешки и соль. Все, что соприкасалось с сакрально чистыми водами Амударьи, бездетные женщины превращали в фетиш. Некогда они проникали на баркасы, возвращавшиеся из длительного плавания, пили воду, скопившуюся на их дне, подлезали под скамьями для гребцов и старались прикоснуться к «баша» — носовой части судна, которую в далеком прошлом украшали изображения водяного божества. Вряд ли можно сомневаться, что перед нами — сохраненные традицией реликты древнего культа богини плодородия Анахиты — Амударьи, покровительницы женщин и деторождения. В этих обрядах, зафиксированных нами в низовьях Амударьи, сочетаются элементы магии и умилостивительного культа.

Можно упомянуть еще и о религиозно-мистической «профилактике», элементами которой насыщены традиционные свадебные обряды [3]. Если ислам в этом комплексе дает о себе знать, пожалуй, только в самый момент заключения брака

---

[2] См.: Г. П. Снесарев. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960, стр. 198—202.

[3] Подробнее см.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, гл. II. Магия семейно-бытовой обрядности, стр. 73—106.

Бальнеологический санаторий «Чартак» (Узбекская ССР) построен возле целебного источника. Раньше к источнику приезжали не лечиться, а вымаливать исцеление.

(обряд «никах»), то пережитки древних магических представлений пронизывают все этапы традиционной свадьбы. И почти все они преследуют одну цель — предохранить молодых от «порчи», обеспечить будущее потомство. Многие из этих магических действий живы еще и сегодня, из чего следует, что, создавая сейчас новый свадебный обряд и совершенно справедливо используя в качестве основы местную традиционную свадьбу, необходимо очень осторожно отбирать элементы ее сценария.

В чем же причина такой стойкости пережитков культа плодородия? Можно смело утверждать, что прежде всего — в отсутствии у многих людей научных знаний о природе женского бесплодия. Так же как причиной сохранения шаманской практики можно считать недостаточное распространение знаний о природе нервно-психических расстройств. Следует умно и тактично распространять научные знания о причинах и симптомах этих недугов, это будет способствовать быстрейшему исчезновению связанных с ними религиозных пережитков. Прецедентов здесь вполне достаточно. Ведь с тех пор, например, как современный крестьянин пришел к научному пониманию процессов, происходящих в сельском хозяйстве, полностью исчез обширный комплекс магических и жертвенных представлений и действий аграрной обрядности.

К культурно-просветительной работе необходимо шире привлекать специалистов-медиков. Должны быть разработаны методические материалы для пропаганды медицинских знаний. В то же время следует массовыми тиражами издать короткие, изложенные доходчивым языком памятки, предназначенные для самого широкого круга читателей. Их можно распространять через медицинские учреждения, Дома санпросвещения, библиотеки, чтобы их прочло как можно больше людей. Эта сложная работа займет немало времени, но, несомненно, в сочетании с прямыми мерами борьбы советского здравоохранения с недугами, о которых мы здесь вели речь, будет активно содействовать отмиранию целой группы религиозных пережитков, скрытых сейчас в недрах семейного быта.

Жертвенный петух

Х. АВШАЛУМОВ

Был канун праздника судного дня*. Как только Шими Дербенди вернулся с колхозных виноградников, где он работал весь день, его набожная жена сказала ему:

— Ай, муж, пока еще не поздно, отправляйся немедленно на базар, купи для себя жертвенного петуха, а для меня — жертвенную курицу, покрутим их над нашими головами и будем чистыми перед богом.

Шими сейчас до смерти не хотелось отправляться на базар. Он очень устал и проголодался, а в доме варился хинкал, распространяя аппетитный запах.

— Ай, жена, клянусь памятью усопших, никакого греха или вины я за собою не чувствую, — принялся Шими толковать жене. — Я ни в этом году, ни в том никого не обманывал, как это делает твой братец-мясник, когда продает козлятину вместо баранины, а второй сорт мяса выдает за первый, чтобы набить себе карман... Что за выдумка: почему бедный петух должен страдать и позорно умирать за мои или чужие грехи?

Шими хотел уже привести и другие доказательства нелепости этого священного обряда, лишь бы не идти на базар, но жена, не на шутку разозленная богохульством мужа и тем, что он так нелестно отозвался о ее брате, закатила ему такой скандал, что миролюбивый и добродушный Шими Дербенди бежал из дома.

Вскоре Шими вернулся, неся в корзине петуха и курицу, и молча поставил ее в угол. Потом взял курицу, уселся посредине комнаты и, держа курицу за ноги, начал крутить ее над головой.

Жена схватила его за руку.

— Ай, муж, ты с ума сошел?! Почему ты крутишь над головой курицу вместо петуха? Ты же мужчина, а не женщина!

— Ай, жена, ради твоих покойных родителей, отстань от меня! Сам знаю, что делаю! — закричал на нее Шими, весь багровея, с трудом удерживая в руке курицу, которая, испугавшись перепалки между мужем и женой, начала тревожно кудахтать и так неистово хлопать крыльями, что от нее полетели перья в разные стороны. — Какой же я мужчина — разрази меня гром! Будь я действительно мужчиной, разве бы я слушал такую женщину, как ты?!

г. Махачкала

* Верующие таты (народность в Дагестане, исповедующая иудаизм) накануне этого праздника совершают жертвоприношение. Мужчины крутят над головой жертвенного петуха, а женщины — жертвенную курицу, читая при этом специальную молитву-заклинание, которая якобы снимает с верующих все грехи, совершенные ими в течение года.

С НЕБОМ НАЕДИНЕ

НЕПРИДУМАННЫЙ РАССКАЗ

В. РАЗИН

Рисунок И. Разиной

ВЫЕЗЖАЛИ ни свет ни заря, чтобы хоть полпути по холодочку. Городок [illegible] колесах только-только еще пробуждался.

Есть-пить [illegible] рань эдакую не хотелось, но Ковальчук имел свое мнение.

— Ты, наверно, святым духом прожить можешь. А мне для поддержания сил харч требуется.

Такой он, этот Ковальчук. Обязательно ему поддеть, подколоть надо. Другие ничего, по-доброму как-то, [illegible] он... Не след бы вообще с [illegible] ехать, да машин больше нет, все в разгоне. Начальник колонны торопит...

Окна вагончика-столовой лили [illegible] серый сумрак электрическое сияние. На краю железной крыши орел Митька досматривал свои земные сны. Должно быть, земные, потому как [illegible] небеса его пока еще особо не тянуло. Шоферы подобрали птенца [illegible] скалах на берегу Арала, отдали на выкорм поварихам. И теперь Митька почти безотлучно при кухне.

Главная повариха, Федотовна, ушла, видимо, досыпать, за хозяйку была Лида. В этот ранний час [illegible] белой косынке [illegible] белом фартуке, оттенявших мягкий загар, она показалась Прокушеву совсем юной. Юной [illegible] очень привлекательной.

— Привет, Лидок! — громыхнул на все помещение Ковальчук.

— Здравствуйте, Лида! — поклонился ей Прокушев.

Лида улыбнулась [illegible] обоим, покивала [illegible] ответ. Спросила:

— Чем вас потчевать, молодые люди?

Прокушев взял оладьи, холодное молоко. Ковальчук насмешливо покосился на эту еду, зычно скомандовал:

— Раз, два, три, Лидок! Как всегда.

С аппетитом выхлебал миску борща со свининой, умял крепко поперченные, сбрызнутые уксусом манты, запил все это двумя стаканами компота.

— Теперь — порядок! Можно двигать.

Лида вышла вместе с ними за порог.

— Счастливый путь! До скорого...

Ковальчук подхватил ее под руку, пошептал что-то, громко расхохотался. Лида погрозила ему:

— Смотри, Матвей! — Строго добавила: — Николая не обижай.

Все еще смеясь, Ковальчук ткнул Прокушева в бок:

— Везде у тебя защитники. И там,— показал глазами вверх,— и тут тоже. Ловко устроился. Николай угодник!

— Перестань, Матвей,— досадливо проговорила Лида.

— Ну ладно, ладно.

«ЗИЛ» бежал легко, ходко. Груз в кузове не ахти какой: фанера, доски, гвозди, плотницкий инструмент. Да еще картошка в мешках, ящики с крупой. Для такой машины груз пустяковый. «ЗИЛ» плети многотонные таскает, стальные трубы, сваренные в нитку. И запросто.

Плети возят на потолки, куда и он. Прокушев, теперь едет. Там асы-сварщики соединяют плети, тянут трассу газопровода все дальше и дальше. Живут оторванно: до них три сотни километров с лишним. Все поселенье — несколько вагончиков впритык друг к дружке. И больше ничего. Вокруг — пустыня, Устюрт. Надо им подсобить, благоустроить их маленько. Навес от солнца, загородку от ветра и песка. Столы, скамейки.

Вообще-то он мебельщик. Это у них в роду: отец, дед, прадед — все были мастера, краснодеревцы. Он тоже перенял, работал у себя на верхней Волге, и неплохо. Люди хвалили. Теперь вот на этом строительстве. Тут, правда, мебельщики не нужны, ни к чему. Нанялся плотником, тоже дело знакомое. А для души, рукам в радость, кое-что мастерит. Лиде на день рождения подарил креслице. Витые ножки, фигурные подлокотники, спинка в узорах. Рада была Лида. Все удивлялась: ужель, мол, такое сотворить можно здесь, в этом диком месте, почти без ничего? Ковальчук к ней, было, с конфетами сунулся, шоколадный набор. Но тут же понял, что дал промашку. На машину — и укатил в неизвестном направлении. Полдня пропадал, вернулся весь исцарапанный, одежда разодрана. Варана Лиде приволок. Здоровенного. Пасть зубастая — клац, клац, хвостом махнет — берегись! Крокодил, сухопутный крокодил. Но забава эта оказалась недолгой: варан сбежал. Ковальчук за самовольство выговор схлопотал. А креслице, сработанное Прокушевым, служит Лиде и будет служить.

В кабине посветлело. Обнажая пустыню, таяла, растворялась зыбкая темнозорь. Вот высветлились, стали зримы ближние пески, вот различимы уже дальние. Справа, на востоке, высоко над горизонтом — половодье красок. Оранжевая, желто-зеленая, голубая, синяя... С каждой минутой они все ярче, сочнее, неистовей. Предвестник скорого дня. Скорого, долгого и, должно быть, нелегкого.

Пока еще все ничего. Устюрт дышит утренней свежестью. Машина катит по пухляку, потряхивает, не так чтобы слишком, но все-таки. Пухляк — вековечный слой пыли, плотным ковром устилающий это сухое, выжженное плато.

Ковальчук поглощен ездой, жмет на газ, спешит. Ясно, чего спешит. До ночи хочет вернуться обратно, быть в городке. И ясно, зачем. Приедет, ввалится в столовую, скомандует свое «раз, два, три» — ну и здоров же есть! Потом подсядет к Лиде и будет ей лапшу на уши вешать, отпускать плоские шуточки, заглядывать в глаза.

Не раз Прокушев задавал себе вопрос: зачем она с ним вожжается, с пустомелей этим, терпит его назойливое, неуклюжее ухаживание? Что вообще находит в его обществе?

Недавно был случай, к Камалу привязался. Там же, в столовой, при всем честном народе. Что, мол, дурью мучаешься, почему только чай да чай? На калым копишь? Еще от этой древности не отказались? Эх, вы! Да так и до женитьбы не дотянешь. Загнешься к чертовой бабушке. Другому твоя краля достанется... И пошел, и пошел. Ни урезонить его, ни остановить. Камал над пиалой склонился, глаз поднять не смеет, побелел, даром что смуглый. Тут Лида вмешалась. Ковальчука за рукав и прямо-таки вытолкала. Чтоб не шумел, к людям не приставал. Грубоват мужичок.

И не в калыме вовсе дело-то. Камал из местных, каракалпак. Год назад отец у него умер. Съехалась отовсюду родня, куча народу. Неделю целую кормить, поить пришлось. Потом, как это у них водится, надо одежду усопшего раздать. Но старое, ношеное — нельзя. Осудят. Влез в долги, купил полдюжины костюмов, пальто, плащи, другую одежду. На строительство поступил: расплачиваться надо. Мало кто эту историю знает. Прокушев тоже не знал, Лида рассказала. Видимо, не без умысла. Вот, дескать, как еще бывает. Молодой, грамотный парень, вполне сознательный. Ну что ему нелепые старые обычаи, шариат этот премудрый? Только жизнь портят. Сам видит, понимает, а все-таки подчиняется. Как же так, почему?

Ничего тогда Прокушев не ответил. Сказать ей что-то так вот, сходу, он не мог.

Небо на востоке размыто алым. Золотом в алое вплывает солнечная дуга... Хорош мир божий! Ковальчук молчит, желвак по скуле катает. Видит он красоту эту, чувствует эту благодать?

Да, Лида сказала неспроста. Хотела вызвать на разговор. Но разговор этот трудный. Для него, для Прокушева трудный. Начнут они с Камала, а дальше? О себе, о своем Прокушев говорить не хочет, даже с Лидой. Когда-нибудь, попозже — там видно будет. Но не теперь.

Он, как прибыл сюда, вообще никому ничего. Незачем, не нужно: дело сугубо личное. А все равно известно стало. Пришло из дому письмо, конверт расклеился, материны каракули на виду. А мать про одно ему пишет: бога помни, бога не забывай... Так и узнали.

Отнеслись к этой новости всяк по-своему. Кто с любопытством, кто с недоумением. Ковальчук — тот с откровенной насмешкой. Пытались разговоры затевать на эту тему. Прокушев уклонялся, переводил на другое. Толку в тех разговорах... Что думаешь о том, о пятом, о десятом? Да как же ты не понимаешь? И ну разубеждать, переубеждать. Словом, разбивать оковы религии, в которых ты, бедняга, томишься и гибнешь. Столько всякого наворотят — как будто этим можно что-нибудь доказать! Заблуждаются люди, притом неглупые, уразуметь не могут. Бог истинный — он в сердце. Только сердцем, чутким, исполненным веры, можно его постичь. Мудрого, справедливого, великодушного. Но разве об этом скажешь? Да и к чему?

Мать в письмах тревожится: как ты там на чужбине один-одинешенек? И довериться, небось, некому? Не с кем о душе поговорить. Зачем только уехал? Не к добру это, ох, не к добру...

Зря старая убивается. Ну, уехал. Что в том худого? Не мог больше дома. На простор потянуло, к людям. Как услышал про эту стройку, про этот размах — аж дух захватило. Понял: не усидеть. Собрался и — сюда. И не жалеет. Даже гордится, пусть и про себя. Вон они какое громоздят! Для страны, для всеобщего блага. А это ли дело богоугодное, так он понимает. И веру свою блюдет. Помнит о Нем постоянно, возносит Ему молитвы... Любит выйти, когда все уже спит, обратить лицо к небу, смотреть и смотреть туда. в таинственную просинь, где это вечное мерцание, где так торжественно и чудно... Ночь тиха, пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит. Удивительно, как это сказано, как это надо было понять и почувствовать!.. В такие минуты он как бы наедине с небом, со всем огромным мирозданием. Он как бы ближе к Нему. На душе светло, благостно, хорошо до слез. В такие минуты он счастлив.

— Ну, отче наш, что приуныл? — знакомая ухмылка, хитроватый прищур. Решил, видно, малость развлечься.— Попить не желаешь? А то вон в термосе, холодненькая. Нет? Ну, ну... Солнышко-то жмет, чуешь? Старается, туды его в качель!

Высокое уже солнце и впрямь ярилось непомерно. В кабине качался зной, туманил, тяжелил голову. Прокушев драл глаза, вдыхал поглубже, сопротивлялся, потом все-таки сник.

Проснулся он от тишины: машина стояла. Чертыхаясь, Ковальчук толкнул дверцу, вылез, лицо у него было сумрачное, злое. Поднял капот. Прокушев тоже вылез: пока там что — ноги размять.

Недвижный, ошалевший от жары Устюрт казался напрочь вымершим. Все живое, что тут есть, попряталось, укрылось. В такую пору худо живому, всему живому.

— Ах, так твою растак!..— Ковальчук длинно, в сердцах выругался.— Недавно ж профилактику делал. Вот что песок-злыдень творит!

— Чего стряслось-то?

— А-а, тебе, плотнику, все одно не понять. Словом, дрянь дело! Дня два тут прокукуем, если никто не поможет. Дня два, усек?

Кляня все на свете, он снял сиденье, достал инструмент, выложил на расстеленный брезент.

— Ты вот что, святой апостол, залезай-ка на кабину да обозрей окрестность. В оба гляди! Как увидишь машину — сигнал ей подавай. Сос, терпим бедствие. Заодно, так сказать, без отрыва, помолись своему всемогущему, чтоб помощь послал побыстрее.

И полез в мотор. А Прокушев, ничего не ответив: ну что отвечать, человек в расстройстве, да и в самом деле неприятность, притом большая, взобрался на кабину. Вспомнилось: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним...» Евангелие от Матфея, читанное-перечитанное.

Окрест над пустыней марево. Дрожащее, вселяющее неосознанную тревогу. До самого горизонта — ни одного пыльного облачка...

— Зришь, раб божий? — потная, лоснящаяся физиономия Ковальчука приподнялась над мотором. — Или спишь стоя? Ну, зри, зри, всевышний воздаст тебе за твое старание.

Прошло полчаса, час — ни одной машины. Может, стороной где-то ходят? Или пережидают жару?

Солнце печет обалденно! Добела раскаленное, лютое. В глазах резь, марево мельтешит, создает видимость какого-то движения... Нет, это уже не марево, это похоже на легкое облачко пыли. Темная точка — и облачко.

— Машина! Ну да, машина!

Прокушев срывает с себя рубашку, размахивает над головой. Ковальчук, приподнявшись, смотрит из-под ладони.

— Навряд, больно далеко.

Внезапно облачко пропало. А точка — точка как будто есть. Не движется, на месте. Заметили? Или остановились по какой другой причине?

Прокушев спрыгнул, быстро пошагал, на ходу натягивая рубашку.

— Может, успею, пока стоят. Приведу.

Уже вслед ему Ковальчук прокричал:

— Ежели что не то — сразу назад! Слышь?

Прокушев только махнул ему: дескать, ясно.

Пухляк под ногами, что ссохшаяся пудра. Пнешь — разлетается серым дымом, садится на ботинки, на брюки. Пухляк, верблюжья колючка, кой-где жидкие кустики саксаула. Небогато живешь, Устюрт! Просто даже скукота какая-то.

Ба! Да где ж та точка? Машина где? Только что была видна — и вдруг исчезла. Ушла? Но он заметил бы ее летучий след. Обернулся, своей машины тоже не видать. Сторожко, внимательно осмотрелся: плато в этом месте давало легкий крен. Понятно, стало быть, понижение, ложбина. Нужно точно держать направление. Когда низина кончится, он снова увидит обе машины — свою и чужую. Если, конечно, та, чужая, не уйдет. Хорошо бы не ушла...

То тут, то там низина взблескивает серебром. Оспины соли все чаще, крупнее, жесткие, каменно-твердые. Дальше — сплошной солончак. Тут нет даже признаков жизни, даже намека на живое. Одна только мертвая, в застывших волнах, какая-то доисторическая соль. Почему ж он не приметил ее с машины? Впадина, вот почему, гигантская солонка.

Сколько он уже топает по этому белокаменному безмолвию? Топает, топает, а ни конца ему, ни края. Думал, все по-быстрому,— не тут-то было! Так, чего доброго, и машина ускачет. Ускакала уже небось, и зря он тащится по жаре. Плюнуть, вернуться? А если машина все еще стоит? То-то Ковальчук потешится, растрезвонит потом на всю стройку. А уж как подаст, как преподнесет это Лиде, можно себе представить! Надо идти, надо прибавить шагу. Дышать уже как-то легче, воздух двинулся, потянуло ветерком.

С каждой минутой тянет все крепче, ветер набирает силу, злобится. Он уже налетает, шквал за шквалом, хлещет по лицу, слепит. Взвихрил, поднял к небу тучи песка, пыли, соляной крошки... Афганец, его повадка: сразу, врасплох, к тому бешеный. Эх, не вовремя, до чего ж не вовремя! Смотреть нельзя, Прокушев прижимает к глазам платок и движется почти что наугад.

Соль все-таки кончилась. Снова пошел рыхлый, податливый пухляк. Где же машина? Какое там! В десяти шагах ничего не разглядеть. Небо в серых, тугих крутящихся космах. Они сшибаются, рвутся на куски, пропадают, возникают вновь. Померкшее светило мутным пятном маячит на мятущемся небосводе. Нос, рот, глаза — все у Прокушева забито песком и пылью. Песок мерзко скрипит на зубах. Прокушев сплевывает, но песка во рту меньше от этого не становится. В общем как в старой каракалпакской песне, которую пел как-то Камал:

В зубах у меня песок,
И в кишках у меня песок,
И весь я в песке с головы до ног...

Нет, в этой анафемской круговерти ему машину не найти. Если даже она и стоит до сих пор. Но вряд ли. Давно ушла. И Прокушеву надо возвра-

-щаться к своей, время уж позднее. Он порядком устал, в горле пересохло, да и подкрепиться бы не мешало. Там, в машине, есть хлеб, консервы. Но где ее теперь искать, в какую сторону идти? Буря сбила его с пути, закружила, запутала.

Он постоял, пытаясь сориентироваться поточнее, соображая, где было солнце и куда оно теперь клонится. Выбрал направление, хотя и не был уверен, что это то самое, какое ему нужно, мысленно помолился и двинулся снова.

Теперь он желал поскорее ступить на твердое, вновь выйти на солончак. Выйдет — значит направление верно. Только бы выйти.

Уймись хоть немного буря, было бы легче идти, он мог бы шагать быстрее. Но буря и не думает униматься. Ветер носится сатаной, толкает в грудь, в спину, рвет одежду. Как будто хочет помешать, лишить сил. Сил и так уже здорово поубавилось. Прокушева шатает, он тяжело загребает ногами, спотыкается. Болит голова: перегрелся. Такое оно — это солнце.

Багрово-красный закат за плотной завесой из песка и пыли кажется зловещим. Быстро темнеет, скоро ночь, а он, Прокушев... Проклятье! Попасть в такое положение. По собственной своей неосторожности. Его никто не гнал, сам сдуру кинулся невесть куда. Пустыня ж, не берег Волги. Есть, наверно, любители приключений, искатели. Есть. Прокушев не из их числа. Не по нем эти острые ощущения, совсем не по нем. О, господи!

Примерно он себе представлял, сколько добираться до того солонца. И сейчас с ясностью сознавал: пройдено уже вдвое, может, втрое больше. А солонца все нет и нет. Взять левее? Правее? Худо — кидаться из стороны в сторону, метать икру. Худо...

Безлунье, темень. Как назло, еще и это. И на десятки, сотни километров вокруг — ни души. Только он, Прокушев, уже порядком измочаленный, бредущий сквозь бурю. Да еще где-то — знать бы где! — в кабине своего «ЗИЛа» Ковальчук. Все, что тот сейчас может,— фары зажечь, посветить ему в ночи. Наверно, и зажег, светит. Да разве ж в непогодь такую свет пробьется! Ни звезд не видать, ничего. Ровным счетом.

Под ногами жестко скрипнуло. Снова и снова. Соль, наконец-то! Солончак уже недалеко, где-то рядом. Почему ж так долго пришлось до него добираться?

По твердому идти лучше. А было б еще лучше пройти его поскорее да выбраться из ложбины. Выбраться и увидеть горящие в ночи фары.

Внезапно ноги у Прокушева поехали. Он потерял равновесие, шлепнулся, почувствовал, что куда-то сползает, скатывается по скользкому. Уперся руками, не удержался, жгуче вспыхнули ладони. Хотел притормозить ногой, каблуком — неудачно; стопа подвернулась, в ней что-то хрустнуло, остро кольнуло. Наконец скольжение прекратилось. Первым делом Прокушев стащил ботинок, ощупал стопу. Вроде бы ничего такого, только сильно ноет. Потом стал выяснять, куда это его занесло. Похоже, попал в какую-то котловину, воронку: вкруговую покатый, отшлифованный ветром склон.

Как же отсюда выбираться? Еще в такую темь. Придется на четвереньках. Пополз, упираясь коленями, локтями, ободранными ладонями. Метр, другой — снова скатился. Еще раз — тот же результат. Еще и еще... Был бы топорик, нож, что-нибудь. Эх, незадача! Теперь он тут как в ловушке.

Чувство досады, горечи, какой-то незаслуженной обиды давит его тяжким камнем. Чтоб так не повезло! Чтоб так все нелепо... И откуда она взялась, эта злосчастная воронка? Почему днем, пересекая солончак, он ничего такого не заметил? А позже, на обратном уже пути, чересчур долго добирался до солонца этого самого. Почему? Может, сбился, убрел куда-то в сторону, и солонец не тот, совсем другой?

Впервые за весь этот долгий, мучительный день в душу заполз холодок страха. Столько всякого толкуют про Устюрт. Есть какое-то жуткое, гиблое место, Барсакельмес называется, пойдешь — не вернешься. Возможно, это где-то здесь?

Прокушеву зябко, тело бьет противная дрожь. Все сильнее ломит голову, ноет нога. Он выдохся, изнемог, ему хочется пить, есть, спать. Какие-то недолгие минуты, прикрыв голову руками, он чугунно дремлет. Дремлет и видит Волгу, разливанное море прозрачной, чистой воды. Припадает к ней жадно, ловит сухими губами. Но воды уже нет, она растеклась, расплескалась, дрожит в отдалении знойным маревом. Еще видит мать, шепчущую молитвы. Он хочет узнать, о чем те молитвы, тщится услышать... Но слышит все тот же свист ветра над головой, все тот же не стихающий шум бури.

Да надо же отсюда выдраться наконец! Прокушев снова лезет по склону, работает всеми четырьмя. И снова, обессиленный, валится навзничь. Что ж ему делать? Как быть? Пропадешь тут, в этом треклятом месте, очень даже просто... Нет, нет-нет, невозможно ему, молодому, здоровому, полному сил, так вот — ни за что, ни про что — расстаться с жизнью. Даже думать об этом... Так хочется жить, что-то делать, и столько еще интересного. Нет, это было бы несправедливо, жестоко. Слишком. Этого не должно случиться, не должно: Он, всеведущий, праведный, не допустит. Не даст такому свершиться.

А может... Может, неспроста все это — сразу столько бед? Может, ему послано испытание? Но почему? Что он такого сделал? Чем мог прогневить Его? Тем, что здесь, вместе со всеми? Это вере нисколько не вредит, молитвам не мешает. Иосиф, муж Марии, божьей матери, тоже плотничал. Про то в писании сказано. Возможно, и самого Христа ремеслу своему обучал.

Чем еще он, Прокушев, мог вызвать такую немилость? Правда, он не все принимал как есть — из того, что читал в священных книгах, слышал в молитвенном доме. Разве можно всему поверить! Но это ж идет от людей: славят творца всемогущего, усердствуют. Сам господь тут ни при чем. Господь над всем, превыше всего. И Он — сама мудрость, совершенство, сама суть бытия, средоточие высших помыслов. Он всепонимающ и милостив. Он — божество. Таким, истинно великим, мыслью и духом обращенным к людям, детям своим, всегда представлял себе бога Прокушев, такому поклонялся, такого носил в сердце своем. И в Него, такого, веровал...

До чего же сумрачна, удручающе тягостна эта ночь в пустыне. Он раньше и не замечал, что тут так бывает. Ни тебе земли, ни неба, ничего. Только ветер да вот этот затверделый пласт, на который он, Прокушев, брошен... Что принесет утро? Новые страдания? Или все-таки?.. Скорей бы кончилась эта жуткая ночь, скорей бы, скорей...

Тяжелая дрема не освежала, тревожила обрывками неясных, путаных видений, не давала отдыха душе. Каждый раз, очнувшись, он всматривался в темноту, вслушивался. Но слышал все то же...

Первое, что он увидел в рассветной, редеющей мгле, были темные, бородавчатые наросты на гладкой поверхности склона. Сердце гулко заколотилось. Он потянулся к ближнему — тот был шершав и прочен. И поспешно полез вверх. Вскоре, чуть прихрамывая, уже шел прочь от места своего вынужденного ночлега. Еще несколько таких воронок попалось ему на пути. Он глядел на них с содроганием.

Да, вчерашний солонец был ровнее. Вообще выглядел не так угрюмо, не так угрожающе. При свете вновь рожденного дня Прокушев окончательно понял: заблудился. Все-таки заблудился! Только он, было, вздохнул с облегчением, да выходит — поторопился.

Буря, натешившись за ночь, понемногу стихала. Еще упругий и резкий, ветер был уже не так свиреп. Прокушев шел и шел. Кончился недобрый солонец, поднялось солнце. Во всей своей неохватности открылась пустыня. Он рыщет по ней глазами, всматривается до боли. И гонит себя дальше.

Дышать все тяжелее: душит зной. Непокрытая голова налита свинцом. Мучит жажда, каждый шаг стоит усилий. Наконец усталость валит его на горячий, мягкий пухляк. Он прикрывает голову руками и долго, мертво лежит.

Беспощадное солнце терзает, жалит его. Ох, это солнце! Оно плавится в небесах, грозя затопить все и вся своим текучим жаром. Хочет сжечь Прокушева, уничтожить.

Подниматься трудно, но и лежать больше нельзя. Опять он идет под палящими лучами, волочит ноги. Опять глядит до боли, до отупения: ничего, до самого горизонта — никакого, даже малого движения. Ветер, и тот умер; серая, перевеянная пудра застыла волнистыми гребешками. Звенящая тишина оглушает... Один, во всем огромном мире он один, забытый, никому не нужный.

Острая жалость к себе вдруг сжимает сердце. Из горла сам собою рвется стон, слезы застилают глаза. Прокушев опускается наземь и в бессильном отчаянии молотит кулаками. Потом, опомнившись, истово молится. Взывает о помощи, о милосердии. Теперь господь — его единственная надежда. Он не должен, не может оставаться безучастным. Он добр, отец небесный, добр. Он услышит эту мольбу... Если веришь — услышит, всенепременно. А Прокушев верит. Верит, может быть, как никогда. И надеется, ах, как надеется! И ждет, очень; он весь сейчас в этом своем нетерпеливом, горячечном ожидании. Услышь, господи, окажи милость, не дай сгинуть живой душе. Не дай...

Спохватившись, Прокушев обрывает себя. Писание учит: «А молясь, не говорите лишнего... ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

Снова ночь, уже вторая ночь в пустыне. Тревожный, беспокойный сон, кошмары. Прокушев просыпается от собственного крика, опять забывается. Плещет вода, он ненасытно пьет, но жажду утолить не может. Внутри у него все горит, он весь в сухом жару. Полыхающий рубиновый восход чудится ему вселенским пожаром.

Он пугается самого себя, вновь устремляется мыслью к небу. Избави — сойти с ума, избави! Понуждает себя встать и, с трудом переставляя ноги, идет. Куда и зачем, уже сам не знает. Но лучше идти, двигаться. Пока ты в движении, ты хоть както еще борешься. Подкрепляешь дух свой, свою надежду. Иначе — худо, совсем худо, невтерпеж. Как это там говорится... А-а, вот как: «Тогда Иисус возведен был... в пустыню... для искушения от диавола... и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал». Сын божий, и тот взалкал, не выдержал. А что уж взять с него, Прокушева: простой смертный, самый обыкновенный.

...Над головою, в таинственной просини, — звездный хоровод. Ночь тиха, пустыня внемлет богу. И он, Прокушев, распластанный, как труп, но все еще живой, тоже внемлет Ему. Внемлет, внимает, но, как ни силится, ничего уловить, почувствовать не может. Холодный, мертвенный блеск далеких звезд не проникает к нему в душу, ни о чем не говорит. Неужели его страдания, жизнь или смерть небу безразличны? Неужели же Он, милосердный и всемогущий, так и не сжалится над ним, не поможет? Помочь надо уже, сей же час. Долго Прокушев не протянет, нет, не протянет...

Спокойно, безучастно равнодушное ко всему небо. А жизнь Прокушева, его единственная жизнь отсчитывает, похоже, свои последние часы. Она уходит, ее остается совсем немного, и надо, необходимо додумать, решить, наконец, то, что так гнетет, тяготит душу, не дает ей покоя.

Почему Он так жесток? Почему? Может, Он вообще такой, а доброго Прокушев себе просто придумал?.. От этих мыслей теснит в груди, перехватывает дыхание, тупо стучит в висках... Да есть ли, есть ли Он там... хоть какой?

Едва в воспаленном мозгу складываются эти кощунственные слова, — Прокушеву становится дурно. Как он мог усомниться, подумать такое?! Что натворил! Знает же: не веруешь твердо — Он от тебя отвернется. Отвернется! Наверно, это уже случилось, и надеяться больше не на что.

Страх, внезапный, ошеломляющий, потрясает его. Завыть, закричать от досады, но уже ни голоса, ни слез. Страх постепенно проходит. Другое завладевает прочно умом и сердцем.

Всегда, сколько помнит себя, он верил. Что бы ни говорили вокруг, он знал, был убежден: господь-отец навечно с ним. Верь, уповай — и Он тебя не оставит. Но это же обман! Предательство! Зачем такой бог? Кому нужен?.. Или на самом деле — все выдумки и вранье? И нет его — н и к а к о г о? А?

О-о, как он устал... Даже думать больше не в силах, даже смотреть в это бездонное, пустое небо. Теперь ему, Прокушеву, уже все равно — как бы там ни было. Все едино...

Их нашли на пятый день. Сначала оставленный «ЗИЛ», а затем и людей.

Ковальчук, едва стихла буря, повесил на плечо термос, прихватил буханку и пошел искать заплутавшего плотника. Через двое суток обнаружил его следы.

Согнувшись, покряхтывая, он тащил Прокушева на себе, когда вдруг услышал гул самолета. Тот приземлился почти рядом, в какой-нибудь полусотне метров.

— Ну вот, видишь? Что я тебе говорил! — прохрипел Ковальчук.

От самолета бежал худой, коричневый Камал, бежал в форменке летчик, за ним еще кто-то. Бежала в своей белой косынке Лида. Добежав, она порывисто кинулась к Ковальчуку и Прокушеву, обняла и громко, по-бабьи, заплакала, обливая того и другого слезами.

— Живые, живые...

— Да будет тебе, Лидок, ну что ты! — успокаивал ее Ковальчук.

А Прокушев не спускал глаз с Лиды и молчал: говорить еще мешала слабость.

Фото А. Суткуса

РАЗГОВОР НЕ ТОЛЬКО О ПОМОЛВКЕ

ЗАМЕТКА С. Бенклиева «Сохраним красивое», напечатанная в № 2 нашего журнала за нынешний год, вызвала у многих читателей желание высказаться по поводу помолвки и вообще по обрядам. Мнения очень разные: одни решительно за, другие — против. Такое разногласие не удивительно. Новая обрядность только начала прививаться, те, кто занимается этим вопросом, не знают порой, с какой стороны к нему подойти, как за него взяться, какие формы придать новому обряду, чтобы сохранить торжественность и красоту. Церковные обряды зиждились на непоколебимости религиозных устоев, потому даже само стремление критически пересмотреть старые традиции, отделить народное от религиозного представляет собой ломку традиционного мышления.

А всякая ломка вообще не проста. Легче выбрасывать совсем, чем синтетически соединять старое и новое, подсказанное жизнью, учитывать все многообразие, сложность и противоречивость народных традиций и обрядов.

«Наше поколение комсомольцев 30-х годов боролось с мещанством во всех его проявлениях, — пишет нам инженер Сидоров из Костромы, не пожелавший сообщить ни подробного адреса, ни своих инициалов. — Но сейчас мещанство снова поднимает голову. Сосед не хочет отстать от соседа. Свадьба и похороны должны быть «приличными». Убеждение это горячо поддерживается, ибо любители выпить на дармовщинку не перевелись. Поить же их принято не один день. «Приличная» свадьба стоит полторы-две тысячи, но наши фабричные ребята, например, зарабатывают в среднем 120 рублей в месяц, а девушки-чертежницы или из бухгалтерии — 80. Где же им, этой трудящейся молодежи, не успевшей сделать накоплений, где им взять такие средства на свадьбу? Из каких доходов? Вот и залезают жених с невестой в долги, но зато свадьбу справляют не хуже людей». Однако с долгами расплачиваться надо. Молодая неокрепшая семья, если нет родителей с большим достатком, бьется год, а то и полтора, и возникают на почве безденежья неурядицы и ссоры. Тут и до развода недалеко. Как вижу из заметки «Сохраним красивое», воронежцам свадебных расходов мало. Давайте им еще и помолвку. Значит, еще 500—600 рублей долга. А сколько к тому же прибавится драк и прогулов? Боком выходят производству частые праздники...»

Резковато высказался товарищ Сидоров, но, пожалуй, кое с чем можно и согласиться. На страницах нашего журнала не раз рассказывалось, как проводятся красивые, торжественные обряды, но, к сожалению, нет еще советов, как сделать их дешевле. А ведь до сих пор актуальна старая поговорка: «Свадьбу отгуляли, будто овин сгорел», говорящая о том, какие большие расходы несет в связи с этим обрядом семья. И действительно, мы привыкли к тому, что свадьба сопряжена с большой тратой денег, смирились, что радостное событие в доме — сына женили или дочь замуж выдали — проходит, словно стихийное бедствие.

Подкатывает к сельпо автомашина, загружают в нее ящики со спиртными напитками, продавец беспрепятственно отпускает товар — свадьбу не каждый день справляют, — и всякий прохожий только похваливает — эк, сколько вина и водки! Едва ли не на тысячу рублей. Оправдание одно: чтобы всем хватило, стыда же не оберешься, если вдруг чего-то не хватит. А сколько требуется, чтобы всего было вдосталь? Где мера?

Ответы, к сожалению, часто сводятся к одному: мол, по старой народной традиции свадебный стол — не стол, если под ним в разгар веселья никого не окажется. Таково обывательское суждение о «приличной» свадьбе. Гулять так гулять!

Откуда повелся у советских людей этот уж даже не мещанский, скорее купеческий, размах? Откуда взялось стремление удивить пьяным застольем друзей и соседей, а точнее, боязнь не отстать от них? Сосед, в свою очередь захваченный пылом «соревнования», тоже будет лезть из кожи, но постарается, чтобы свадьбу его чада отметила пьянством не только улица, на которой он живет, а и все село.

Трудно ответить в двух словах, откуда произрастают корни столь бессмысленного подхода к радостному семейному торжеству. Возможно, из того тяжкого времени — военных и послевоенных лет, — что довелось пережить нынешним тестям и свекрам. Наголодались они тогда, нахолодались, возвратившись с войны в разрушенные, сожженные врагом села и города. Им, молодым и молоденьким совсем ветеранам Великой Отечественной, пришлось подымать хозяйство, отстраивать жизнь заново. Были они в ту пору завидными женихами, хотя и богатства всего — ордена да медали. И не было им, этим уцелевшим женихам, отбоя от невест... А тогдашние невесты? Полной мерой изведали они трудности, выпавшие на долю их поколения, не обряжались на свадьбу в белое шелковое платье и фату, застолье собирали скромное — как позволял достаток. Но теперь-то он несравнимо больше! Вот и отгуливают отцы и матери на дочкиных да на сыновних свадьбах. Нам, дескать, не на что было праздновать в свое время, зато нашим детям есть, — вот и закатываем пир на весь мир.

М. М. Гостев из Воронежа очень резко отзывается о свадебном обряде вообще. Как и Сидоров, он называет всякий обряд мещанством и считает, что «вся обрядность торжественных событий, как ни поворачивай ее, копируется с церкви»:

«...Стоит ли вливать новое вино в худые старые бурдюки? Обряд в век Космоса! Это же нонсенс! Язычество! Наивные люди полагают, что, чем ярче свадебный спектакль, тем крепче узы Гименея. Заблуждение!..»

И так далее в том же стиле. Но вот такую мысль нельзя не одобрить:

«Попробуй сделать скромную свадьбу — осудят, скажут, скупец! Ведь у нас очень считаются с мнением окружающих. Делай, как все. Отчего же не слышно голоса в пользу скромных свадеб? Отчего забыт старый обычай — свадебные путешествия?»

Здесь, Михаил Михайлович, мы с вами вполне согласны. Взяв из доброй старины обручальные кольца, свадебные кортежи, подвенечный наряд, мы, действительно, забыли о свадебных путешествиях. А на них-то и надо бы тратить средства, которые изводятся на «пыль в глаза».

Следует отметить, что в «свадебной пыли» в немалой степени повинны кинофильмы. Экран — это зеркало, отражающее нас, и мы, доверяя ему, любуемся собой, забыв, что не все, что видишь в зеркале, достойно подражания. Завороженные сюжетом, забываем, что видим всего лишь бутафорию. А на экране проплывают перед нашими глазами батареи бутылок, горы яств на свадебных столах, гнущихся под их тяжестью, длинной чередой прибывают и прибывают гости. И начинает верить зритель, что именно такой богатой, многолюдной и должна быть «приличная» свадьба.

Трогательно выглядит, например, в кинофильме эпизод, когда невеста, встречая каждого приглашенного, повязывает его полотенцем. А вот что стоит эта умилительная сцена в натуре: льняное полотенце на свадьбах в молдавских селах нынче, как правило, преподносится всем гостям. На память. Приглашенных бывает до 300 человек. Размер холщового сувенира должен быть не менее полутора-двух метров — иначе не перепояшешь. Но эти холсты не сотканы дома самой невестой, а куплены в магазине, и заплатила она уж не дешевле, чем по семьдесят копеек за метр. Перемножили? А ведь только на эти деньги молодожены могли бы совершить прекрасное свадебное путешествие или приобрести полезную в хозяйстве вещь. А если к тому же на приобретение этих полотенец средства взяты в долг, то уж лучше обойтись без подарков.

Но без самого обряда обойтись никак нельзя. Запоминающимися вехами обогащает обряд жизнь советских людей, наполняя ее высокими гражданскими чувствами и переживаниями.

«Освещайте больше новые обряды! — просит нас Дмитрий Иванович Бурлюк из Сумской области, наш давний читатель, и сообщает: — В нашем селе Рябушки церковь не действует уже более 10 лет. О венчании и думать забыли. Торжественная регистрация брака проходит в сельском Доме культуры. После регистрации новобрачные в сопровождении родных и приглашенных на свадьбу идут к священному месту в селе — к мемориальному комплексу, где находится братская могила и памятник 213 воинам, которые погибли в августе 1943 года, освобождая село от немецко-фашистских захватчиков. Здесь же, на стелах, фамилии 280 односельчан, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны... Молодая семья в знак благодарности за счастливый сегодняшний день возлагает к памятнику цветы...

А вот организовать торжественные «звездины» что-то не удается, и, наверное, поэтому некоторые родители возят младенцев крестить в районный центр, в церковь. Но особенно меня — и не только меня — возмущают похороны. Умерла в селе старушка. Не предали еще тело земле, а уж родственники и соседи засуетились, забегали, покупают выпивку и продукты. И начался пир горой. Причина есть — поминать усопшую. Поминали и на второй день. Хоронили на третий. И снова большой обед. Сходили на кладбище утром следующего дня «проведать», возвратились — опять за стол... Такие многократные поминки входят у нас в моду. Это же кощунство — устраивать гулянку рядом с комнатой, где стоит открытый гроб с покойником. Получается какое-то соревнование, кто пышнее, богаче справит поминки. Выпивохи так наклюкаются, что и забудут, где сидят, начинают хохотать, ругаться. Хозяевам же приходится терпеть. Спросите, почему люди идут на такие расходы, устраивают веселье в печальный день? А потому что боятся соседей. Те обзовут их скупердяями, пожалели, мол, деньги, чтобы помянуть как следует. Вот о чем бы вашему журналу необходимо писать!»

Принимаем ваш справедливый упрек в свой адрес, уважаемый Дмитрий Иванович, и выносим письмо на страницы журнала.

Обряды, конечно, требуют расходов, но они, если не стремиться к купеческому размаху, могут быть весьма скромными. В этом случае и помолвка может стать приятным и полезным торжеством перед свадьбой. Так думает, например, наша молодая читательница А. В. Яловик:

«Писем в редакцию я никогда не писала, хотя мне уже 20 лет. Но, прочитав заметку «Сохраним красивое», решила сказать слово в ее защиту. Помолвка, на мой взгляд, просто необходима, и не столь важно, где ее отмечают — дома или во Дворце. Я, например, вышла замуж рано — на четвертом курсе Минского техникума легкой промышленности, и было мне всего 18. Окончила его, получила назначение в Киргизию. Работаю технологом, работа мне нравится, я счастлива — у меня есть все: любимый муж, любимая профессия, хороший растет сынишка. Чего еще нужно для счастья? И вот мне кажется, что большое, общее счастье складывается из маленьких, из таких, как наше семейное — мое и моего мужа. Это же прекрасно, если все семьи счастливы, все живут в добром согласии и любви. Жаль, что не у всех так получается. Встретила я как-то одну замужнюю подругу свою, спрашиваю, как они живут. Отвечает она мне грустно: «А мы развелись. Оказывается, мы разные люди, я его совсем не знала. Времени не было узнать поближе: влюбились и сразу же поженились».

О них, об этой паре, я и подумала, когда в вашем журнале прочитала о помолвке. И страстно влюбленным необходимо время, чтобы серьезнее обдумать свое решение, познакомиться с будущей родней, узнать вкусы и стремления друг друга. Разводов было бы гораздо меньше».

И это не единственный голос в пользу помолвки.

«Приветствую воскрешение народного обряда — помолвку, считаю ее нужной и полезной и надеюсь, что меня поддержат многие читатели журнала», — пишет нам бывший учитель, ныне пенсионер Георгий Федосеевич Руднев и рассказывает о том, как проходил обряд сватовства в родном его селе Терновке, в Саратовской губернии: «Когда сватовство уже состоялось, назначается сговор: родители жениха и невесты ведут разговор о приданом и свадьбе. После сговора устраивали небольшой ужин с близкими родственниками с обеих сторон. Обе семьи считались с этой поры почти что породнившимися и ходили друг к другу в гости со всеми домочадцами. Ярмарка в Терновке бывала на троицу, наезжали купцы с мануфактурой, закупали ее в большом количестве наши сельские невесты. Шить наряды им помогали подруги, собираясь по вечерам. То-то было смеху и шуток, однако работа спорилась, хотя шили вручную. Швейная машина в те времена — редкость в крестьянском хозяйстве.

По воскресеньям невеста с подружками водила хоровод, где били в косу, пели и плясали под эту символическую музыку, означавшую, что скоро выйдет девушка замуж, а девичью косу расплетут и спрячут под бабий платок. Хороводов таких по селу бывало множество — у каждой невесты свой. Все девушки носили тогда народную русскую одежду (ее теперь только в кино да по телевизору увидишь), и все это зрелище было ярким, праздничным.

Сосватанных обязательно оглашали в церкви до трех раз в разное время по окончании службы. Священник спрашивал у прихожан, нет ли близкого родства между женихом и невестой.

Был еще обряд обручения, его совершали местные мещане-торговцы, кустари, но не крестьяне. На обручение (оно проходило в доме жениха) приглашали священника с певчими. Здесь жених и невеста обменивались кольцами. Обряд этот считался частью обряда венчания, при котором уже кольцами не обменивались.

Теперь скажу свое мнение относительно нынешней помолвки. Как ее проводить — дома или в официальной обстановке? Я сторонник того, как это делается в Воронеже, конечно, если не в обязательном порядке, а с согласия жениха и невесты. Обряд этот имеет, по-моему, большое значение, проводить его надо красиво и торжественно. Пусть молодые люди получают звание жениха и невесты перед лицом общественности. Это заставит их серьезнее прочувствовать значение совершаемого шага. Я не могу равнодушно слышать о разводах. От них больше всего страдают дети, оставаясь полусиротами при живых отцах. Бедные дети! Я проработал в школе 57 года, вся моя трудовая жизнь отдана ребятишкам, в этом я видел смысл своей жизни. И еще, думаю, хорошо бы удлинить срок между помолвкой и бракосочетанием...»

Думаем, уважаемый Георгий Федосеевич, ваш добрый совет наши читатели оценят. Наверное, нет у нас такого человека, который не порадовался бы, увидев в потоке автомобилей машины, убранные цветами и лентами. Свадьба едет! Это счастливое событие радостным мостом высится на дороге жизни. Переходят заветный мост только вдвоем, крепко взявшись за руки. А от того, с кем и

как перейдешь, зависит, какова будет дальнейшая дорога твоя. Не ошибитесь, приближающиеся к мосту, в выборе спутника! Проверьте себя, подумайте о тех, кто более вас самих пострадает от вашей опрометчивости, — о ваших будущих детях. Остановитесь перед мостом и подумайте...

Помолвка как раз и предоставляет возможность для таких раздумий. Проводить ли помолвку в официальной обстановке или в домашней — дело чисто семейное. На наш взгляд, главное здесь не в форме, а в сути.

Е. СЕРГИЕНКО

БЕСХОЗНАЯ ЦЕРКОВЬ

ПРИХОДИТСЯ СЛЫШАТЬ иной раз, будто в нашей стране за последние годы возросла религиозность. Слухи идут оттуда же, откуда вот уже почти 60 лет идет всякая ложь и клевета на Советскую власть. Ныне, когда всему миру очевидны наши успехи, невозможно солгать, что мы голые, босые, голодные и отсталые, — никто же не поверит. Но клеветать-то нужда заставляет, и благовестят всяческие «радиоголоса», будто полным-полны новоявленных прихожан божьи храмы.

Живу я в Тульской области. У нас в Веневе действует сейчас одна-единственная церковь, и молящихся в ней столько, что, ей-богу же, церковный казначей, если и захочет, не сумеет совершить растрату. А раньше-то в этом уездном городишке с населением всего 3 тысячи человек было 6 церквей. Вот так написано о нашем городе в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона издания 1892 года:

«...Вымирание города Венева идет и естественным путем. Число рождений детей обоего пола в последнее время 77, а число умирающих — 80 человек. Ежегодно браков только 10. Когда город основан — неизвестно; но он упоминается в литовской договорной грамоте 1494 года. Все старинные сооружения и памятники погорели в 1834 году. Уездным город Венев сделан в 1777 году. Церквей 6; особенно старинных нет. В городе училища: одно трехклассное городское, с 111 учениками, на которых расходуется 3000 руб.; духовное, с 122 мальч., и 1 женское училище. Одна больница с 11 кроватью».

Только три зимы ходил я в церковноприходскую школу, а с 12 лет начал батрачить у местных богатеев. Всего натерпелся: где обругают за зря, а где и стукнут. Ничего хорошего в детстве и отрочестве не припомню. Кажется, что и началась моя жизнь только после Октябрьской революции. Избрали меня земляки председателем сельского Совета. Пришло в 1925 году распоряжение взять на учет все бесхозные постройки, составить на них документы, определить ответственных лиц.

На территории нашего Озеренского сельсовета, в селе Свиридове, стояла бездействующая церковь, никем не охранялась. Каменную ограду селяне уже почти всю разобрали, ворота сняли и унесли. Я пригласил церковного старосту, и он предложил взять с собой священника, который жил в Веневе, и втроем мы, отперев церковь, стали переписывать имущество, проверяя по имеющейся у старосты описи. В ней значилась усыпальница, где должен быть ковчежец серебряный, позолоченный и частица мощей святых великомучеников Зосимы и Савватия, завернутая в шелковый платок. Ничего этого не оказалось в усыпальнице. И священник объяснил, что мощи с ковчежцем давно уже украдены. Жители села подтвердили: действительно, в церковь залезали воры. Так что ценностей в храме не осталось.

Назначив церковного старосту ответственным за церковное здание, я объявил жителям села, что они, если хотят, могут получить в райисполкоме разрешение проводить в церкви богослужения, тем более что священник имеется. Хотя он и живет в Веневе, но может приезжать, как раньше, править службы. Крестьяне отказались брать на себя заботу о божьем храме. Несколько раз по хозяйственным делам проводил я собрания в Свиридове и всякий раз напоминал о церкви: надо же было кому-то восстановить ее ограду, починить ворота, отремонтировать здание. И опять никто не соглашался, церковь по-прежнему оставалась бесхозной. В 1930 году, когда был организован колхоз, помещение церкви купили за 6000 рублей и устроили в нем склад. Зарубежные «радиоголоса» льют часто слезы о том, что церкви отбирались насильно. Неправда! Отпадала у людей необходимость содержать молитвенное здание, вот и отдавали для других нужд, как в селе Свиридове. Зачем же клеветать?

И. БУНИН,
колхозный пенсионер

Слобода Коломенская
Озеренского сельсовета
Веневского района
Тульской области

ПОДУМАЕМ О ПОЧЕСТЯХ

РЕЛИГИЯ мешает людям свободно жить, внушает им, что они «рабы божьи», а к тому же дорого обходится.

Представьте, умер на селе человек. Горе большое в семье, слезы, но надо хоронить, и на этом кое-кто неплохо зарабатывает. Является прежде всего некий местный знаток церковной службы. Он знает, какие молитвы полагается читать по умершему. Читает он над покойником и получает за это мзду. Родственники рады уплатить, потому что должен же быть в доме какой-то обряд в эти горестные дни. Затем на смену местному привозят из церкви настоящего священнослужителя — тоже расходы. Ведь сами понимаете, хоронят люди родного человека и ничего на этот печальный случай не жалеют, лишь бы только над гробом кто-то произносил значительные слова. А кто умеет? Вот и получается, что очень часто и неверующих хоронят по церковному обряду, с отпеванием в храме.

А жить-то мы на селе стали богато, и пора бы общественности подумать о тех почестях, с которыми следует хоронить труженика. Украшал он эту землю, возделывал поля, взращивал хлеб, кормил людей, но настала его кончина, уходит он в эту землю.

Конечно, передовиков, ответственных работников хоронят с гражданской панихидой, которую проводят в клубе. Но здесь же, в этом самом зале, в этот же вечер или на следующий пойдет кинофильм или заиграет веселая музыка для танцев. Лично меня это обижает.

Разве нельзя построить специально для панихиды скромное здание? Можно. У нас в Одессе на Таировском кладбище уже третий год действует специально построенный и оборудованный Дом гражданской панихиды. Пора подумать, чтобы и в селе был такой дом, и стоял бы он пустой и тихий от горя до горя, и ни под каким видом не разрешалось бы занимать его для иных целей. У дома этого будет одно назначение — прощание с умершим. И музыку на панихидах услышат люди соответствующую. Есть теперь в каждом колхозе электричество, а оборудовать радиоустановку труда не составит. Скажете, что это получится просто «модерновая» часовня? Ни-

чего подобного! Но отношение жителей к этому зданию должно быть почтительным и скорбным. Почести эти и уважение нужны не умершим, а живым, молодым, чтобы воспитывать в них уважение к самим себе, к своей будущей старости, предстоящей жизни. И речи нужны — хорошие, торжественные слова о человеке, который уходит навсегда, потрудившись на благо общества, и общество его провожает благодарными словами. Был ли он председатель колхоза или простой пахарь, нельзя допустить, чтобы ушел он без доброго слова.

Если так поведется, не поедут родственники усопшего в район за «батюшкой» и религия от села отступится, религиозность пойдет на убыль.

Еще есть у меня предложение. Радио в колхозе давно вошло в быт, бригадиров на планерку созывают по радио. А как приятно услышать бы, скажем, трактористу:

— Товарищ Петро Гнатюк! Правление колхоза поздравляет вас с рождением дочери! Нам об этом радостном событии сообщили сейчас из роддома. Ваша жена Надежда и новорожденная наша односельчанка чувствуют себя хорошо.

И никаких абсолютно материальных затрат не требуется! И передать тут же по радио на все село веселый марш в честь новорожденной дочки тракториста.

Предлагаю так же по радио поздравлять новобрачных. Репродукторы местного радиовещания висят в каждой хате, пусть доносят они до тружеников села радость, а подарить ее — тоже забота о человеке.

Сам я горожанин, живу в Одессе, работаю младшим инспектором, но часто бываю на селе, так как есть доля и моего труда в выпуске техники для земледельцев.

Л. СУРИКОВ

г. Одесса

В ПОДРАЖАНИЕ САМСОНУ

В январском номере нашего журнала за 1976 год была опубликована подборка материалов «Лекция: какой ей быть?», авторы которых обменивались опытом своих выступлений. В статье В. Мазохина «Случайная встреча», в частности, рассказывалось о том, как лекторы-атеисты отвечают на задаваемый иногда слушателями вопрос: «Почему православное духовенство отпускало и отпускает длинные волосы и бороду?» Одни лекторы объясняют это стремлением походить внешним обликом на евангельского Христа, другие тем, что православие тут отдает дань не только евангельской, но и древневосточной традиции (жрецы Древнего Двуречья и Передней Азии носили длинные волосы и бороду).

В отклике на подборку «Лекция: какой ей быть?» один из старейших лекторов Владимир Федорович Топорский делится своим опытом ответа на этот распространенный вопрос.

Я ТОЖЕ, когда меня на лекции спрашивают, почему у православного духовенства длинные волосы и борода, объясняю это стремлением уподобиться внешнему облику Иисуса Христа, каким его рисуют евангелия. Но этим ответом не ограничиваюсь: ведь за первым вопросом часто следует второй: «Ну, а Христос, почему он носил длинные волосы и бороду?»

Отвечаю на него так. В евангелиях сказано, что он себя считал «назореем». А кто такой «назорей»? Согласно Библии, это человек особых правил и обрядов. В книге Судей израилевых (гл. 13—16) приводится легенда о Самсоне. «Бритва не касалась головы моей, ибо я назорей божий от чрева матери моей, — открылся этот библейский богатырь своей возлюбленной Далиде; — если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; и сделаюсь слаб и буду, как прочие люди» (гл. 16, ст. 17). Таково, видимо, установление для назореев, то есть для особых людей божьих. Читаем дальше. Узнав тайну силы Самсона, Далида, подкупленная его врагами-филистимлянами, остригла его сонного, и он потерял силу, хотя до этого ослиной челюстью побил «тысячу филистимлян» и совершил другие легендарные деяния.

Тогда враги пленили Самсона, ослепили, заковали в цепи, бросили в темницу и заставили молотить. Но прошло некоторое время, и у Самсона снова отросли волосы, и к нему вернулась сила, чего не учли филистимляне, задумавшие принести его в жертву своему богу. Но перед этим решили они выставить его на всеобщее обозрение. Привели они Самсона к дворцу, в покоях и на крыше которого собралось по такому случаю около трех тысяч знатных филистимлян, и поставили его к центральным столбам, поддерживавшим все здание. Самсон раскачал их и обрушил крышу, задавив таким образом и своих врагов, и самого себя. И погубил он их больше, чем до плена побил ослиной челюстью. Вот, значит, где сила-то на «дела божьи» у «назорея» — в волосах!

Священники считают себя назореями волею божьей. Назорей Христос — по евангелиям великий чудотворец — носил длинные волосы. Носили их и его ученики — апостолы. С этим связан и ритуал острижения волос при крещении и при пострижении в монахи. Остригая волосы «греховные», тем самым будто бы давали возможность отрасти волосам «назореев бога». А неназореям (мужчинам) полагалось стричь волосы.

В. ТОПОРСКИЙ

г. Приморск
Запорожской области

ДАЙТЕ МНЕ СОВЕТ

ПИШУ ВАМ ВПЕРВЫЕ, хотя знаком давно с вашим журналом. Хочу попросить у вас совета, чтобы вы помогли мне, а точнее нам — мне и Гале. Я ее люблю. А она верит в бога, и не могу я ее переубедить, что никакого бога нет, что религия — это иллюзорное мировоззрение, заблуждение и здравомыслящий человек не должен поддаваться ему.

Моя Галя принадлежит к общине свидетелей Иеговы. Сам я, разумеется, неверующий, о боге слыхал только от старых людей, воспринимал эти разговоры как легенды или сказки, и никакая сила не заставит меня верить в них. Я окончил техникум, слушал там атеистические лекции. Правда, читались они не очень-то доходчиво и интересно, а мы, студенты, думали: «Да кому они нужны? Кто теперь верит в бога? Кого нам разубеждать?» И вот, представьте, приехал я на работу сюда, на Украину, встретил девушку, лучше которой нет на всем свете, и уже стал мечтать, что мы с ней поженимся, будет у меня своя семья, но оказывается, что создать ее мне не такто просто, и мешает мне в этом — бог Иегова. Галя верит в него и

требует, чтобы я тоже поверил, стал бы иеговистом и ходил с ней вместе на молитвенные собрания. Вот тогда, когда я приму ее веру, она выйдет за меня замуж. Но как же я могу верить в то, чего никогда не было и нет? Что мне делать — я же ее люблю!

Сперва, как стали мы встречаться с Галей, я горячо с ней спорил, доказывал ложность ее убеждений. А теперь не спорю, молчу. Да слушаю сказки о боге Иегове, который был распят на кресте под видом Иисуса Христа, и молчу. Потому что боюсь отпугнуть от себя любимую, боюсь потерять ее.

Мне не очень повезло в жизни на родителей и родственников. Отец и мать меня бросили, не нужен я был им. Воспитывался в детском доме, потом жил в интернате, затем в общежитии. Закончил техникум — призвали в армию. Служил в Молдавии, после службы приехал на Украину. И вот работаю в колхозе.

Село здесь хорошее, люди живут в достатке, мечтаю и я построить свой дом. Во сне вижу, как иду я вечером с работы, а из калитки мне навстречу бегут мои ребятишки — наши с Галей дети, а в окно выглядывает она сама. Расскажу Гале свой сон, а она отвечает, что не может выйти замуж за неверующего, выйдет только за иеговиста. Взбунтуюсь я с досады, скажу ей резко: «Ну какой из меня свидетель Иеговы?! Не могу же я притворяться ради того, чтобы ты пошла за меня? Я сам себя уважать после такого лицемерия перестану, и ты меня перестанешь уважать!» А она плачет.

Такие разговоры у нас почти каждый вечер. Сначала терплю, молчу, а кончается слезами Гали. Она говорит, что я ее не люблю. Иначе давным-давно вступил бы в общину. Полгода тянется у нас эта «агитация» — кто кого. Когда мы не говорим о боге, о религии, о нашем будущем, то мы самые счастливые люди во всем селе. Но стоит мне произнести: «Галя, давай же наконец поженимся!» — и все начинается снова: «Я выйду замуж только за своего брата по вере». И ссоримся.

Дайте мне совет, помогите мне!

П. МАКАРОВ

Черниговская область

Не просто раскрывать свою душу перед незнакомыми людьми — написать письмо в редакцию журнала. Но обстоятельства, как видите, таковы, что помощь попросить необходимо: от нее зависит счастье двух любящих, счастье их будущей семьи.

Очень жаль, что не можем мы по понятной причине назвать село и колхоз, где живут Галя и Петр. Имена их, разумеется, мы изменили. Автор письма не просил нас об этом, видимо, не предполагая, что его письмо будет опубликовано. Он написал, чтобы получить совет лично для себя. Однако с горячей его просьбой мы сочли уместным познакомить и наших читателей. Возможно, они тоже захотят через наш журнал посоветовать что-либо Петру Макарову. А мы отвечаем ему так:

Дорогой Петр! Вам было бы гораздо лучше обратиться за таким советом к кому-нибудь на месте. Люди, которые могут помочь вам, несомненно есть и в вашем селе. Жаль, что ни вы, ни Галя с ними не знакомы. Мы часто пишем в журнале об индивидуальной работе с верующими. Деловое слово «работа» означает постоянное доброжелательное и сердечное общение пропагандистов атеизма с теми верующими, которые от этого общения не отказываются. Пусть сама ваша любовь придаст вам уверенности, настойчивости, а главное — терпения, такого терпения, какого не пришлось вам, очевидно, испытать за всю вашу жизнь. Будьте сдержанны, снисходительны и деликатны. Не грубите Гале, не обижайте даже взглядом. Но мягко, настойчиво и, конечно же, аргументированно опровергайте привычные для нее представления. Дайте почитать наш журнал, заинтересуйте ее миром науки, историей, побуждайте ее задуматься над проблемами бытия, морали, над всеми теми доказательствами несостоятельности религиозного вероучения, которые вы ей высказываете, — ведь это пока ваши собственные мысли, а необходимо, чтобы к этим же выводам она пришла сама, своим путем. Но такой путь без посторонней помощи будет долгим и небезболезненным, тем более, что единоверцы, наблюдая душевное состояние засомневавшегося человека, не останутся молчаливыми наблюдателями.

Не пропускайте ни одной возможности повидать Галю. Одно то обстоятельство, что вы, неверующий, находитесь постоянно рядом с ней, служит залогом того, что вера ее пошатнется. Ваше присутствие и внимание показывают Гале, что неверующий человек может стать верным другом, честным, отзывчивым, добрым. Религиозные проповедники очень часто особенно упирают на то, что, мол, неверующие люди лишены добрых чувств, что у них черствое сердце. Это ложное утверждение вы должны опровергнуть собственным примером.

Галины единомышленники, очевидно, уже приглашали вас в общину. Представляете, каково будет их торжество, если вы посетите молитвенное собрание. Им будет чем похвастать! Молодой человек со средним образованием, отслуживший в армии, «уверовал». Но мы твердо верим, что этого не случится.

Желаем вам обоим, Петр и Галя, большого и прочного счастья, не омраченного религиозными иллюзиями. Думается, что вдвоем вы одолеете силы, которые держат Галю в плену, победите их!

Е. ПАВЛОВА

РЕЛИГИЯ УШЛА ИЗ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ! Стесняюсь назвать свое имя, потому что почерк у меня некрасивый, но хочется поделиться своими мыслями. Читаю я ваш журнал постоянно, особенно нравятся мне исторические повести. Историей я увлекаюсь, люблю туристские поездки, походы. Посещаю с удовольствием музеи. Они часто находятся в бывших храмах. Слушая объяснения экскурсоводов, я с гордостью думаю о талантливых людях, создавших эти прекрасные здания, — думаю в храме о человеке, а не о боге. Мне удивительно, что есть еще молодежь, которая молится богу. Сама я таких парней и девушек не знаю, читала о них в вашем журнале и это письмо пишу для них.

Я росла в мусульманской семье. Бабушка наша, неграмотная конечно, знала наизусть некоторые главы из Корана и учила им меня. Было бабушке 90 лет. Приходили к ней такие же старушки, приносили с собой разные угощения, усаживались кружком, меня сажали в середину, и я, шестилетняя малышка, тоненьким голоском провозглашала суры о страшном суде. Слушательницы смотрели на меня с умилением и закармливали сладостями. Теперь я предполагаю, что им нужен был не Коран, а повод посидеть всем вместе.

Когда я пошла в школу, то бабушкино учение начисто забыла, выветрился Коран из головы, а подросла — вступила в пионеры. Мама и бабушка поругали меня совсем немножко и не запретили носить красный галстук. Они и сами смотрели уже на религию

[illegible] другое, нерелигиозное чтение появилось в доме, а когда я вступила в комсомол, бабушка сердечно пожелала мне счастья на новом пути. Религия сама собой уходила из нашей семьи, одна лишь наша столетняя бабушка еще как-то цеплялась за нее, говорила, что страшно ей без бога.

Маме моей 65 лет, она считает себя верующей, но мусульманских обрядов не придерживается, а к Корану и к другим религиозным книгам не обращается. Есть у нас родственник (брат нашего дедушки), которого мама сильно недолюбливает и дала ему прозвище «мулла». Он ходит по людям, кто позовет, читает Коран, и за это ему платят деньгами или чем-нибудь еще. Такое занятие деда маме не нравится, она ему в глаза говорит, что он обманывает людей, выманивает у них плату, и сравнивает его с жадным и хитрым муллой.

При жизни бабушки, когда собирались у нас старушки, разговор шел о боге, о рае и аде. А в нынешнее время мамины приятельницы, собравшись, говорят о работе, о международном положении, слушают концерты по радио или смотрят телевизор. Больше всего им нравятся спектакли, есть у них любимые артисты. Мама даже сама подпевает, когда передают хорошую песню. Можно ли назвать маму мусульманкой? Правда, она и ее подруги отмечают некоторые мусульманские праздники, но по-своему: пекут сладости, ходят друг к другу в гости.

А я, как бы ни устала на работе за день, обязательно почитаю журнал или книгу и что-то узнаю новое для себя, а потом расскажу маме. Она внимательная моя слушательница и первая собеседница. Удивившись тому, что есть молодые, верящие в бога, мама предположила, что они не смотрят телевизор, не слушают радио, не видели ни одной пьесы про обманщиков мулл, не читают ни газет, ни журналов. Иначе отчего же они такие темные?

Я почтовый работник. У нас осенью на почте страда — время подписки. Сидим допоздна, а очереди не убавляются. Подписчиков с каждым годом становится все больше, выписывают они столько, что наша семья получает изданий не меньше, чем какая-нибудь читальня. А как же? Каждый член семьи желает иметь собственную газету, собственный журнал, и меня, «почтовика», это радует. По себе знаю, как приятно раскрыть свежий номер журнала, развернуть свежую газету и увидеть в них нашу сегодняшнюю жизнь — интересную, бурную, действенную. Неужели же кто-то тянется еще к сурам Корана?

З. М.

г. Туймазы
Башкирской АССР

НЕ ВСЕ ПРИМЕТЫ — ПРЕДРАССУДОК

В ВАШЕМ ЖУРНАЛЕ я много читал о суевериях. Но вот о чем хотел бы я сказать. Некоторые люди, боясь попасть в число суеверных, вместе с суевериями и предрассудками отрицают и здравые народные приметы. К сожалению, даже пропагандисты атеизма, бывает, не всегда улавливают разницу. Я давно интересуюсь народными приметами: собираю, записываю, проверяю. Вот некоторые из них.

Если из березы течет много соку весной или береза распустится раньше ольхи, то лето будет дождливым. Желтые листья на деревьях в начале лета предвещают раннюю осень. То же предсказывает и позднее цветение рябины. Если осенью листья берез начинают желтеть с верхушки, то весна будет ранняя, если снизу — то поздняя. Если осенью с деревьев осыпались не все листья — ждите холодной зимы. Обилие желудей и ягод рябины и плохой урожай грибов — к суровой зиме. Урожайное всякими ягодами лето ведет за собой холодную зиму. Много примет связано с различными цветами.

Звезды светят ярко — к ясному или морозному дню; красный закат солнца — к ветру; круги вокруг солнца — к морозу, а вокруг луны — к ветру; дым из трубы столбом — к морозу; дым коромыслом (т. е. дым стелется) — к оттепели. Если ночью выпала роса, то дождя днем не будет; если ночью иней, то днем снег не выпадет. Соль в доме отсырела — значит, пойдет дождь. Если гром гремит в сентябре, это предвещает долгую осень, а в октябре — бесснежную зиму.

Животный мир особенно чуток к переменам атмосферного давления. Вот почему замечают: в какую сторону спиной ложится животное, с той стороны нужно ждать ветра. Собаки катаются по земле — будет снег. Лошадь ложится на снег — будет тепло. Полевые мыши делают большие запасы — будет суровая и снежная зима. Птицы садятся на верхушки деревьев — к теплу. Воробьи летают стайками — быть ветру, а если расчирикались — то будет оттепель. Если осенью птицы летят низко над землей — будет холодная зима, если высоко — теплая. Если они вьют гнезда на солнечной стороне деревьев — быть холодному лету. Сова кричит к холоду.

А сколько примет знают охотники и рыбаки! Если стая чаек рано утром улетает в море — значит, погода будет хорошая. Если птицы слетаются к берегу несмотря на то, что горизонт чистый, — наступит перемена погоды. Если на море играют рыбы и тюлени — надо ждать шторма, а коли во время сильной бури появится на волне хотя бы один дельфин — значит, буря скоро утихнет. Перед землетрясением ящерицы и змеи вылезают из своих нор, а некоторые рыбы у берегов Японии начинают вести себя как-то особенно беспокойно. Великое множество примет связано с самочувствием самого человека. Кто же не знает, что ревматизм предсказывает плохую погоду?

Очень много примет выражено в пословицах. «Снег на полях — зерно в закромах»; «Холодная весна для овса, теплая для гречихи»; «Март сухой, да мокрый май, будет каша и каравай»; «Апрель теплый, май холодный — год хлебородный»; «Апрель с водой, май с травой»; «Бросай овес в грязь, будешь князь»; «Сено косить — дождя не просить»; «После большой жары жди грозы».

Народные приметы никоим образом нельзя смешивать с суеверными. Многие люди верят, что сова кричит к несчастью; кот дорогу перебежал — жди неудачи; подкова приносит счастье; появление кометы предвещает войну; соль рассыпать — к ссоре; если человек забыл что-то и вернулся, то пути ему не будет; если дорогу перешла женщина с пустыми ведрами, то добра не жди. Но это уже суеверия.

Объяснять приметы и развенчивать суеверия должны учителя на уроках биологии, географии, физики, химии, астрономии, обществоведения. На эту же тему можно проводить школьные вечера, приглашая на них не только учеников, но и их родителей.

Л. МАКСИМОВ,
преподаватель истории и обществоведения.

г. Городок
Хмельницкой области

СУДЬБА ЗНАМЕНОСЦА

100 лет со дня демонстрации перед Казанским собором

Г. ФРУМЕНКОВ, доктор исторических наук

Демонстрация у Казанского собора. Акварель художника П. П. Смуктовича.

СТО ЛЕТ НАЗАД, 6 (18 по новому стилю) декабря 1876 года в центре Петербурга, на площади перед Казанским собором, произошла первая в истории России политическая демонстрация, в которой приняли активное участие рабочие. На Казанскую площадь вышло около 400 рабочих, студентов, представителей интеллигенции. Одним из организаторов демонстрации был двадцатилетний студент-горняк Г. В. Плеханов. Его краткая, но яркая речь произвела большое впечатление на собравшихся. Оратор с любовью и благодарностью назвал имя великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, сосланного на каторгу за революционную пропаганду, упомянул и других мучеников за народное дело — Степана Разина, Емельяна Пугачева, Антона Петрова. В заключение

Плеханов заявил о солидарности с борцами за свободу, с теми, кто погиб или томится в тюрьмах. Эти слова были встречены аплодисментами. 18-летний питерский рабочий-прядильщик Яков Потапов, поднятый на плечи товарищей, развернул высоко над головами красное знамя с вышитыми на нем словами «Земля и воля». Людские толпы двинулись мимо памятника Кутузову к Невскому проспекту.

Необычное зрелище привлекло внимание публики, гулявшей на Невском (6 декабря был праздник — Николин день). Полицейские вначале растерялись, а когда поняли, в чем дело, попытались схватить оратора и знаменосца и разогнать демонстрантов, но получили решительный отпор. Тогда на помощь «защитникам порядка» высыпали переодетые жандармы и дворники. Разгон демонстрации закончился избиением молодежи и арестом 31 человека.

По доносу шпика схватили знаменосца Якова Потапова. Это произошло вдали от места демонстрации, на углу Невского и Садовой, где он попрощался с сопровождавшими его защитниками и, считая себя в безопасности, направился к Публичной библиотеке. Когда Якова Потапова везли в жандармское управление, он закричал: «Да здравствует свобода!» Полицейские свидетели признали в Якове Потапове того юношу, которого «поднимали из толпы студентов со знаменем в руках» [1]. При обыске у рабочего-революционера обнаружили и кумачовое знамя со словами «Земля и воля».

Яков Потапов, несмотря на свою молодость, не был новичком в революционном движении. Выходец из крестьян Тверской губернии, он до 1874 года работал в столице на суконной фабрике Торнтона за Невской заставой. Там он сблизился с революционной молодежью, вошел в «воздвиженскую» артель заводских и железнодорожных рабочих. Они собирались на Лиговке возле Воздвиженской церкви. Известный пропагандист И. А. Жуков преподавал им общеобразовательные предметы и воспитывал в революционном духе. Членом артели был выдающийся революционер Петр Алексеев, прославившийся речью, произнесенной на суде по «процессу 50-ти», по которому привлекался к дознанию и Я. Потапов [2].

Незадолго до демонстрации Я. Потапов выезжал в Киев для налаживания связей с южнороссийскими рабочими организациями. В марте 1876 года его арестовали, несколько месяцев держали под стражей, а затем отправили из Киева по этапу на поруки отцу в Тверскую губернию. В конце сентября Я. Потапов бежал в Петербург, где снова включился в революционное движение.

Накануне демонстрации Я. Потапов поселился в мастерской А. Н. Бибергаля, на Таврической улице. Там шли разговоры о демонстрации, велась подготовка к ней. Все члены молодежной коммуны вышли на Казанскую площадь. Схваченные на месте происшествия А. Н. Бибергаль и И. А. Гервасий были осуждены на 15 и 10 лет каторги. Правительство торопилось расправиться с участниками «преступного сходбища». Процессуальными нормами пренебрегли: предварительного следствия не велось, обвинительный акт составили по материалам жандармского дознания.

Политический процесс вело особое присутствие правительствующего сената. Чтобы обвинить людей в преступлении, не предусмотренном уложением о наказаниях (видимо, составители кодекса не предполагали, что в России может произойти демонстрация), прокурору пришлось ловчить и изворачиваться. Полицейские свидетели лгали, возводили на арестованных небылицы.

Приговор, зачитанный 25 января 1877 года, был крайне суровым. Подсудимых обвинили в том, что они, выйдя с другими неразысканными лицами на площадь, образовали из себя толпу, слушали произносившуюся из их среды речь, направленную к порицанию установленного законами государственного порядка и образа правления, выражали сочувствие громкими криками и знаками одобрения, поднимали красный флаг с революционным воззванием, оказали явное, соединенное с насилием, сопротивление полицейской власти. Пять человек были приговорены к каторжным работам сроком от 10 до 15 лет, многих сослали в Сибирь.

Якову Потапову и его товарищам Матвею Григорьеву и Василию Тимофееву суд заменил каторгу ссылкой «в один из отдаленных монастырей на пять лет, с поручением их там особому попечению монастырского начальства, для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского и верноподданнического долга [3]. Такое «облегчение участи» объяснено было тем, что Я. Потапов и его друзья по своей молодости и легкомыслию были «вовлечены в преступление» влиянием чуждой их сословию среды. Это была достаточно распространенная мера наказания: монастыри широко использовались царским правитель-

---

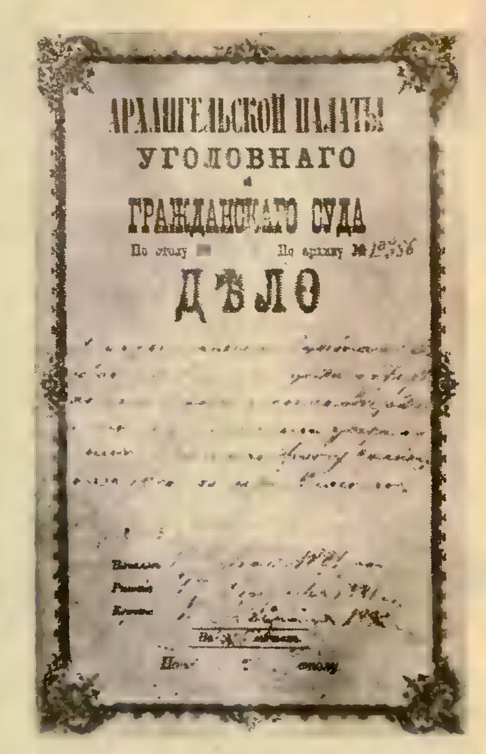
[1] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1282, оп. 1. 1876, д. 363, л. 201 об.
[2] «Былое», 1907, № 9, стр. 188 — 190.
[3] «Первая рабочая демонстрация в России». Сборник воспоминаний и документов. М. — Л., 1927, стр. 49.

ством в качестве мест заключения. За свою многовековую историю они прославились жестокостью, а палачи в рясах даже превзошли своих мирских коллег. Православных духовных пастырей ничуть не смущало, что под сенью обителей соседствуют добровольно отрекшиеся от мира и те, кому христианскую мораль внушают кнутом, голодом, холодом (отнюдь не добровольными). Цель заключения в монастырскую тюрьму была вполне определенной — заставить узника смириться, унизить его, сломить. Однако в отношении Потапова и его товарищей эта испытанная мера не принесла ожидаемых результатов. Скорее получилось наоборот.

Первым местом его ссылки явился Спасо-Каменский монастырь (Белавинская Спасо-Преображенская пустынь) Вологодской епархии. 16 ноября 1877 года он прибыл к месту поселения. Подчиняться монастырскому уставу революционер не собирался. 11 апреля 1879 года вологодский епископ Феодосий на основании доносов иеромонаха Афонасия уведомлял обер-прокурора синода о том, что Яков Потапов «из обители почасту делает самовольные отлучки, неизвестно куда и зачем», грубит начальству, готовится к побегу и не скрывает этого, а главное, сеет раздоры среди братии, внушая рядовым инокам дурное мнение о начальстве и правительстве.

Святые отцы были крайне встревожены революционной агитацией ссыльного среди «искателей равноангельского житья» и решили избавиться от опасного постояльца. Сославшись на то обстоятельство, что в Белавинской пустыни не было «ни удобного помещения для удержания от побегов Потапова, ни лица для надзора за ним», они просили перевести строптивого питерского рабочего «в более благонадежное место», где будет надзор за ним «не монашеский, а строгий полицейский», способный изменить «испорченную нравственность» и укротить «буйный характер»[4]. Я. Потапова перевели в Соловецкий монастырь, издавна служивший местом заточения непокорных и славившийся строгостью порядков. 22 июля 1879 года его привезли на остров и вопреки первоначальному приговору, предполагавшему 5-летнее жительство в монастыре, заточили в одиночную камеру, лишили прогулок — полностью изолировали от внешнего мира.

Питерский пролетарий не смирился с таким произволом. Перелистывая пожелтевшие страницы архивных дел, невольно восхищаешься мужеством и стойкостью Я. Потапова. Только убежденный революционер мог в условиях сурового режима соловецкой тюрьмы продолжать борьбу и внушать страх своим мучителям. Ни издевательства, ни увещевания и нравоучения не могли «исправить» Я. Потапова. Настоятель соловецкой обители Мелетий 20 марта 1881 года писал обер-прокурору синода К. Победоносцеву, что с первых дней своего пребывания в тюрьме Я. Потапов вел себя вызывающе: не слушал нравоучений приставленного к нему опытного «воспитателя» иеромонаха Паисия, кощунством отвечал на «его наставления и добрые советы», в результате Паисий отказался ходить к заключенному и беседовать с ним. Далее сообщалось, что Я. Потапов «именует себя не верующим в бога и святые его иконы и считает ненужным иметь их у себя в камере». В церкви, куда водили арестантов на богослужение, Я. Потапов вел себя «неприлично», стоял «развалившись на стену», смеялся и возмущался, но не молился.

Архангельской палаты уголовнаго и гражданскаго суда
По столу
По архиву №
ДѢЛО

19 марта 1881 года на Соловках произошел беспрецедентный случай, о котором мы узнаем из цитированного письма. Во время богослужения, на которые выводили арестантов под конвоем, Я. Потапов подошел к архимандриту Мелетию под благословение и тут же попросил его смягчить условия заключения. Получив отказ, он ударил владыку «по правому виску в голову, но более не мог нанести дерзости потому, что сейчас же его задержали... и отвели его в своё место заключения»[5]. На допросе революционер смело заявил: «Не ручаюсь за себя, что я мог нанести и более ударов, если бы не был схвачен в то же время».

Ничего подобного не знала

[4] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 109, [illegible] эксп., 1876, д. 253, ч. 3, л. 248 — 249.

[5] ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 51, 1881, отд. 3, стол 4, д. 58, л. [illegible] об.

Соловецкий монастырь.

соловецкая «бастилия» за всю свою многовековую кровавую историю. Слыханное ли дело: бесправный человек в рубище арестанта поднял руку на настоятеля монастыря!

К заключенному применили самые строгие меры. Чтобы не умереть голодной смертью, Я. Потапов решил бежать из острога. Вечером 13 июня 1881 года, отогнув решетку в окне камеры, он спустился по полотенцу на монастырский двор, вышел за ограду, намереваясь на лодке уплыть к кемскому берегу, но был задержан и возвращен в застенок. Беглеца заковали в ножные кандалы, которые не снимали до суда. Прекратились и хождения к заключенному монахов с беседами на душеспасительные темы.

Следствие по делу Якова Потапова, обвиненного в нанесении архимандриту удара по голове и в побеге из тюрьмы, вел судебный следователь Кемского уезда Плещеев. Он закончил его в рекордно короткий срок. В начале июля материалы следствия уже поступили в Архангельскую судебную палату. Следственное и судебное дела Я. Потапова поныне находятся в государственном архиве Архангельской области [6].

4 сентября 1881 года палата вынесла приговор. Решено было не подвергать Я. Потапова наказанию за побег из камеры, поскольку он не сопровождался насилием над стражей. Но зато в «оскорблении действием» Мелетия палата нашла обстоятельство, отягощающее вину подсудимого. Состояло оно, по мнению судей, в том, что Я. Потапов ударил Мелетия в храме во время служения — то есть, когда соловецкий настоятель выполнял свои служебные культовые обязанности. Поэтому палата истолковала действия Я. Потапова как оскорбление церкви и святыни. Приговор гласил: лишить Я. Потапова всех прав состояния и сослать его на поселение в отдаленнейшие места Сибири с преданием церковному покаянию на месте ссылки. Сенат утвердил приговор. Дело о ссылке Я. Потапова в Сибирь также хранится в Архангельском областном архиве [7]. Из него мы узнаем, что 9 июля 1882 года «закованного в наручники с выбритою правою половиною головы» Я. Потапова этапным порядком отправили в Якутию, но и там он не смирился, продолжал борьбу.

Яков Семенович Потапов умер в Якутске вскоре после победы социалистической революции. Судьба знаменосца «первой социально-революционной демонстрации в России» [8] красноречиво свидетельствует о том, что в среде пролетариата росли антицерковные настроения, что с ростом их революционного самосознания крепли и их атеистические убеждения.

г. Архангельск

---

[6] Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. 68, оп. 3, 1881, д. 12356, т. I; 1881 — 1882, д. 12356, т. II.
[7] ГААО, ф. 4, оп. 17, 1882 — 1883, д. 918.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 369.

ДЕПАРТАМЕНТСКАЯ «НАУКА»

[redacted] МИТРОФАНОВ

Необычайно лютые морозы держались зимой 1739—1740 годов. Замерзали [redacted] лету птицы, голодные волки забегали на петербургские проспекты из закоченевших лесов. Холода несли бедствия народу, [redacted] головах усердных царедворцев было одно: как бы развлечь, усладить царицу. Мороз? Его тоже можно использовать... Так забрезжило видение ледяного дворца на Неве. И полетели к губернаторам бумаги по поводу предстоящих празднеств:

«Указали мы для не[redacted]торого приуготовляемого здесь маскарата выбрать [redacted] Казанской губернии [redacted] татарского, черемисского, мордовского [redacted] чувашского народов, каждого [redacted] три пары мужеска и женска полу пополам, и смотреть того, чтобы они собою были не гнусные, [redacted] убрать [redacted] в наилучшее платье со всеми приборы по [redacted] обыкновенню, и чтобы при мужском [redacted] были луки и прочее их оружие и музыка, какая у них употребляется...» [1]

Царица Анна вознамерилась сыграть [redacted] ледяном доме «забавную» свадьбу придворного шута [redacted] фрейлины, [redacted] «экспонаты» живой этнографической выставки должны были плясать и петь свои песни.

Вызов [redacted] столицу волжских «инородцев» диктовался [redacted] только желанием потешить гостей. Петербургским правителям, столь дале[redacted] от народа, захотелось увидеть вблизи, кто же населяет [redacted] страну, попытаться понять, разглядеть за экзотическими нарядами [redacted] обычаями дух народов, исстари расселившихся по лугам [redacted] холмам Поволжья. Интерес к фигуре волжского «инородца» подогревался россказнями православных миссионеров: мол, и поклоняются они деревянным идолам, и бегут от податей [redacted] вольные земли башкирские, и, хотя многие из них крещены, пребывают [redacted] слабой вере, [redacted] русский язык им неведом, и общение [redacted] попами редкое, да и [redacted] через толмача.

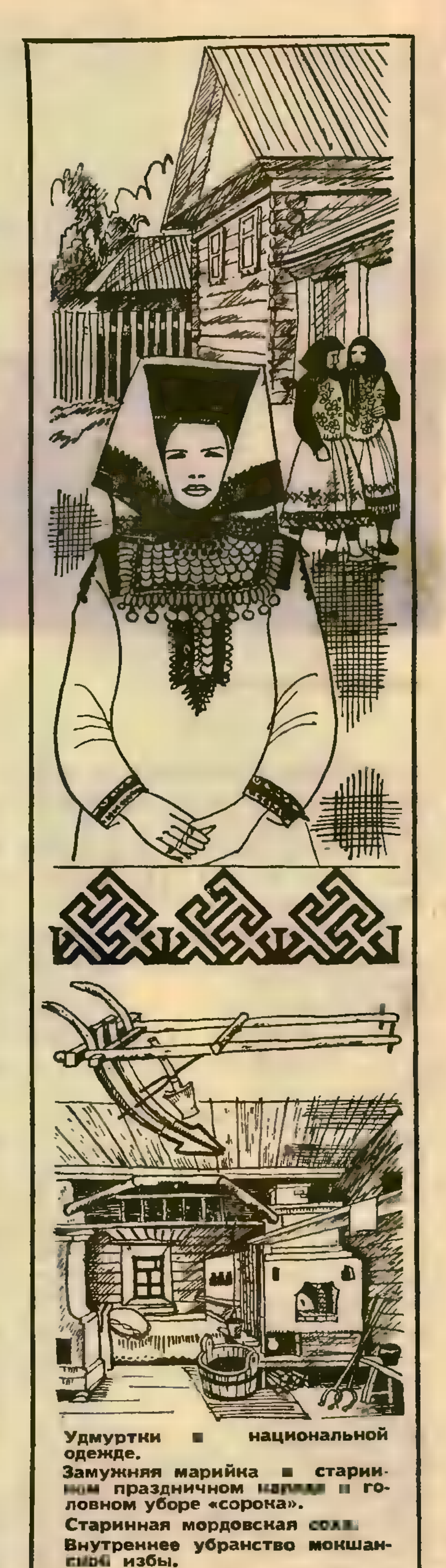
Между [redacted] церкви отводилась важнейшая роль [redacted] управлении этими народами. В [redacted] жизни [redacted] должна была стать олицетворени[redacted] самодержавного строя, его идеологическим фасадом, [redacted] было доверено овладение душами разноязыких племен, населявших империю. Дело трудное, сложное, двигалось оно туго, и отсутствие должной пользы [redacted] деятельности миссионеров не могло остаться незамеченным. Чтобы устранить непорядок, вмешалась [redacted] царица. В ее указе святейшему синоду от 21 сентября 1738 года подчеркивалось:

«Необходимо потребно, чтобы в государстве священнический [redacted] божественным учением просвящен был ради проповеди слова божия, ко искоренению богоненавистных страстей, нечестия [redacted] всякого злодеяния, [redacted] при том нужда требует [redacted] для обращения и крещения неверных... мордвы, чуваш, черемис и прочих тем подобных народов, которых легко можно привесть учением святым [redacted] веру Христову, если бы учительные священники были и архиереи бы [redacted] епархиях своих к тому тщание [redacted] прилежность, по своему званию имели...» [2]

Указом от 11 сентября 1740 года и некоторыми другими документами были определены новые меры по христианизации нерусского населения Поволжья. При этом отнюдь не имелось в виду вывести эти народы [redacted] дорогу общественного, культурного и нравственного развития, хотя буржуазные историки [redacted] утверждают упорно, что «иноверцы», избавившись от язычества, приобщились к христианской морали [redacted] тем самым смягчили свои нравы. Сово-

[1] Цит. по: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X. «М., 1963, стр. 530.

[2] «Полное собрание законов Российской империи [redacted] 1649 года», т. X, 1737 — 1739. СПб., 1830, стр. 620.

Удмуртки [redacted] национальной одежде.
Замужняя марийка [redacted] стари[redacted] праздничном [redacted] головном уборе «сорока».
Старинная мордовская [redacted].
Внутреннее убранство мокшан[redacted] избы.

купность мер царского правительства [redacted] распространению православия [redacted] стране была направле[redacted] на полное подчинение народов Поволжья царизму.

[redacted] распоряжении Новокрещенской конторы, осуществлявшей массовую насильственную христианизацию, был большой штат проповедников, попов и чиновников. А некоторые проблемы решались просто с помощью воинской силы. Так, в середине 40-х годов XVIII [redacted] нижегородский архиерей велел разорить языческие кладбища, что вызвало бунты [redacted] жестокую расправу с восставшими. В 1763 году правительство было вынуждено упразднить Новокрещенскую контору, но последствия ее деятельности красноречиво выявились во время крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, когда новокрещеные выместили на духовенстве свои давние обиды.

«Просветительские» акции христианских миссионеров встречали постоянный отпор, [redacted] чем дальше, тем сильнее. [redacted] конце 20-х годов XIX века массовые волнения ох[redacted] села марийцев, возмущенных тем, что место [redacted] религиозных праздников на берегу Немды было взорвано по распоряжению митрополита Филарета. [redacted] 1842 году крестьянские восстания прокатились по Чебоксарскому, Цивильскому, Ядринскому, Козьмодемьянскому уездам. [redacted] подавле[redacted] этих выступлений наряду с воинской силой (500 солдат и артиллерия, посланные по приказу военного губернатора) большую роль сыграло духовенство.

Наряду [redacted] «кнутом» использовался и «пряник»: обращаемым [redacted] христианство предоставлялись — [redacted] учетом их социального положения — некоторые льготы: деньги, одежда, частичное освобождение от податей и рекрутчины. Делалось это за счет тех, кто не [redacted] расстаться с религией предков. Такой нехитрый прием ускорял христианизацию. Некоторые умудрялись даже креститься по несколько раз [3].

[redacted] все же, как ни росло число православных храмов и обителей [redacted] Поволжье, церковь постоянно сталкивалась с веками бытовавшими здесь верованиями. Чтобы глубже понять истоки такого сопротивления, церковные историки XIX ве[redacted] пытались обобщить различные стороны процесса христианизации. «Научные» работы такого рода были написаны в назидание духовенству, которое не разбиралось [redacted] религиозных верованиях «инородцев» [redacted] потому [redacted] знало, против чего [redacted] бороться. Но хотя [redacted]торы старались идеализировать деятельность церкви и самодержавия, [redacted] не удавалось скрыть насильственный характер христианизации, умолчать об ее истинных целях [redacted] последствиях.

Интерес департамента духовных дел иностранных исповеданий к многочисленным народам России не ограничивался скудным кругом литературы по вопросам миссионерства и «просвещения». Не дожидаясь, пока энтузиасты церковной истории обратят на каждый [redacted] народов внимание, департамент сам заказывал необходимые материалы. [redacted] его архивном фонде, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), около тридцати тысяч дел; среди них множество работ, посвященных анализу религиозной ситуации [redacted] XIX — начале XX веков. Чего только здесь нет — даже соображения [redacted] законопроекте об управлении духовными делами ламаистского исповедания.

Архивные материалы департамента отнюдь не предназначались для опубликования — ведь [redacted] них откровенно живописалось, как смыкается деятельность церкви [redacted] царизма [redacted] длительном процессе порабощения масс. Департамент [redacted] первую очередь интересовали чис[redacted] практический подход к решению проблем внедрения православия, конкретные формы, [redacted] каких существовал бытовой вариант православия у нерусских народов Поволжья, причины живучести тех или иных древних верований [redacted] обрядов у марийцев, мордвы, удмуртов, чувашей. Особенно беспокоило царских чиновников, что новообращенные выполняли только внешнюю, обрядовую сторону христианства без осмысления его догматики. Таким образом, сбор информации о влиянии язычества был необходим для выработки практических рекомендаций [redacted] продвижению христианства [redacted] среду, где языческие воззрения составляли основу восприятия мира.

Разумеется, упоминая о насильственных мерах [redacted] злоупотреблениях церковных властей, документы отмечали прежде всего положительное влияние христианства на быт, нравы, культуру «инородцев». Однако эти утверждения опровергаются самими архивными материалами. Жалко выглядят на этом фоне отчеты о культуртрегерских

Татарский орнамент.
Старинная татарская изба.
Татарский женский [redacted] и старинная женская одежда.
Чувашский орнамент.
Чувашская женщина [redacted] нальной одежде.

[3] См.: П. [redacted] Денисов. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 187, 194.

усилиях церковников и администрации, пытавшихся «просветить» народы Поволжья, приобщая их к святой вере. Авторы записок, писем, описаний сетуют на серьезное неблагополучие в деятельности местных «просветителей» — священников и учителей. Причем большинство выпадов направлено в адрес духовенства из инородцев: в вину им вменялось плохое знание русского языка, низкий уровень образования и развития, даже склонность презирать «необеспеченных» прихожан.

Крайнее раздражение вызывает у авторов таких документов и состояние проповеднического дела. Они разбирают темы проповедей, из них наиболее распространенную — «о божестве Иисуса Христа». Насыщенность текстами из священного писания, считают они, сделала ее совершенно непонятной для неподготовленного слушателя.

Особенно много в документах жалоб на собеседования вне церкви. Священники миссионерских приходов вели их, по свидетельствам очевидцев, в резком тоне, насмехаясь над языческими верованиями. При этом весьма широко использовались сплетни и выдумки. Особенно возмущало паству, когда миссионер говорил им, что они молятся «дьяволу». Закономерность прослеживалась ясно: чем меньше миссионер был знаком с аудиторией, тем чаще прибегал к натяжкам, искажениям и бранным словам. Все это, по мнению департаментских «ученых», наносило серьезный ущерб «просвещению»; люди отпадали от христианства, утверждали документы, потому, что видели фальшь, неискренность, притворство в деятельности духовенства.

По убеждению ряда департаментских исследователей, духовенство обвиняло в политической неблагонадежности тех, кто равнодушно относился к церкви, натравливало на них деревенских хулиганов. В Краснореченском приходе во время крестного хода нехристиане заперлись в доме, священник приказал окружавшим его богомольцам сломать ворота, проник во двор и там неизвестно для кого отслужил молебен.

В архивных материалах отмечается, что многие представители духовенства «крайне любостяжательны» и производят всякого рода сборы «с большой суровостью». Правда, тут же неоднократно отмечается, что русское духовенство, лишенное окладного содержания, не может обойтись без поборов. А в начале XX века размер этих поборов явно увеличился — в связи с изменившимся укладом жизни сельского духовенства. Авторы подобного рода исследований подчеркивают, что повсеместно замечалось стремление пастырей устроить себе обстановку на городской лад и непременно завести какую-нибудь музыку, вроде граммофона или гитары. На все это, конечно, требовались новые источники дохода.

При их отыскании проявлялась большая изобретательность. Например, зная, что большинство прихожан избегают давать детям неблагозвучные имена, батюшка перед совершением обряда крещения глубокомысленно перелистывал святцы и говорил:

— Иваны, Петры, Василии все вышли на этот год, остался один Николай, но он стоит рубль. А вот Назария и Лавра можно за 30 копеек.

— Что ты, бачка, смеешься что ли? — изумлялся прихожанин. — Больно худое даешь имя! Бери целковый, давай Николая!

Особенно ловкие священники шли еще дальше. В больших требниках встречались молитвы, переводов которых с русского языка не существовало (например, от осквернения, если в кадку с чем-либо попадет мышь; по случаю бездождия или опустошительного ливня, по случаю переселения в новый дом; при устройстве нового колодца и т. д.). Попы сами делали переводы, как умели, и читали их, разумеется, не даром. Причем многие замысловатые изречения в молитвах заменяли более удобопонятными выражениями.

В департаментских документах неоднократно встречаются сетования на крайне невысокий уровень развития духовенства, препятствующий «укреплению его духовной связи с прихожанами». Жители смотрели на батюшку как на представителя духовной полиции, который их постоянно выслеживает, обличает, пишет на них доносы. Чтобы быть в курсе дела и следить за своими прихожанами, священники прибегали к услугам урядников или же заводили особых соглядатаев. Так, однажды, узнав, что крещеные марийцы готовятся устроить языческое жертвоприношение, один священник обратился к содействию полиции. Появились конные стражники с винтовками, урядник, даже становой пристав. Сам пастырь во главе крестного хода направился в жертвенную рощу, отслужил там молебен с водосвятием и окропил все жертвы, тем самым сделав их негодными для жертвоприношения. Оцепленные стражниками марийцы ничего не могли поделать. «Одно их успокаивает, — приходит к выводу анонимный очевидец, — если их батюшку постигнет какая-нибудь нужда, на их помощь ему рассчитывать не придется».

Верным средством от революционной крамолы считалась система воспитания «инородцев» Н. И. Ильминского, одобренная церковными иерархами и обер-прокурором синода К. П. Победоносцевым. «Братство святого Гурия», созданное в 1867 году при Казанском кафедральном соборе как филиал московского миссионерского общества, настойчиво проповедовало и реализовывало эти охранительные идеи. Светское образование вредно для нерусских народов, твердили последователи таких взглядов. Но система Н. И. Ильминского не оправдала себя. Вопреки задуманному, распространялась грамотность, письменность, появлялась национальная интеллигенция. Ускорялось и культурное развитие поволжских народов, приобщение их к русской культуре. Создавались условия для их совместной борьбы против царизма.

В начале XX века в официальной переписке департамента уже звучат весьма тревожные ноты: участились открытые выступления против политики царизма и против религии, ее освящавшей. Люди стали меньше ходить в церковь, упал интерес к богослужению, многие перестали соблюдать христианские таинства, посты, религиозные обряды, сократилось паломничество к «святым» местам. Духовенство все заметнее теряло влияние. Массовым стало «возвращение в язычество», «отпадение в магометанство». То и дело поступали сигналы о возникновении религиозно-реформистских движений, о стремлении сохранить свои прежние обряды и обычаи.

Протест против политики царской администрации и церкви усилился в годы революции 1905—1907 годов. Информаторы департамента из Поволжья скупо упоминают о митингах, сходках в Уржумском, Яранском, Малмыжском и Мамадышском уездах. Один из первых таких митингов состоялся в Мариинском посаде в 1906 году. Участники его высказали пожелание издать хрестоматию для марийцев на родном языке. Замысел этот был реализован. Обзор хрестоматии, полученный департаментом, содержал неутешительные выводы:

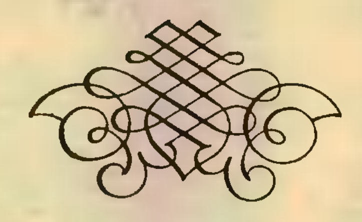
«Здесь что ни слово, то ложь и искажение. Флот наш обрисован или нельзя хуже, а про солдатскую жизнь сказано, что, отрывая новобранца от родной среды, она развращает его и делает его ни к чему не годным... Эффект получается крайне нежелательный. На новичков такой подбор фактов действует подобно грому и выбивает совершенно из колеи, в корне изменяя взгляд на основы нашей государственной жизни. Уже теперь можно встретить молодежь, почти наизусть заучившую все нелепости календаря... Раз данный толчок приводит к определенной цели, в интересах черемисской народности совсем нежелательной»[4].

Можно понять негодование департамента: в систему распространения лжи вдруг проникла правда. Ведь даже платные обозреватели не рискнули оспаривать то место книги, где отмечалось, что в России на 100 человек приходилось всего только 4—6 грамотных. А ведь такого рода данные не могли остаться незамеченными. Тем не менее и светские, и духовные власти упорно продолжали цепляться за старые методы оболванивания народов Поволжья, старательно заслоняли их от лучей истины.

Лишь Октябрьская революция напрочь отбросила гнилой товар «просветителей» в мундирах и рясах, начисто смела все хитроумные сплетения департаментской «науки», обосновывавшей угнетение народов, открыла для них путь к новой жизни.

[4] ЦГИЛ, ф. 821, оп. 133, д. 814, л. 55—56.

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в декабре 1876 года

Как велики церковные суммы, — обществу неизвестно, но кто сколько-нибудь знаком с получаемыми церквами доходами, тот смело может сказать, сколько истинного добра и пользы можно бы на них сделать в общественном строе государства...

Вряд ли существуют на свете какие-либо общественные суммы, которые расходовались бы без всякого общественного контроля, кроме церковных... Некоторые церковные старосты считают церковные суммы своею собственностью и не только распоряжаются ими по своему усмотрению, но считают личным для себя оскорблением, если... кто-либо из прихожан дозволит себе спросить их о средствах церкви, что же касается до украшения церквей, то каким бы безвкусием оно ни отличалось... никто не смей сделать своего замечания под страхом сделаться личным врагом старосты. От подобных лиц можно услышать одно: «Лучше меня в приходе нет, без меня церковь погибнет, проверять ящик, меня учитывать никто не смеет, я один хозяин», а между тем все эти фразы не выражают ничего более, как стремление заслужить на церковные деньги титул ревнителя благолепия храма и благодарность от прихожан, не понимающих сути дела.

«Православное обозрение»

Семинаристы по наукам богословским оказываются вообще состоятельными, сведения же их по наукам светским, как показывают приемные экзамены в университет и академии, большею частью далеко недостаточны сравнительно с познаниями по тем же предметам гимназистов. Причину такого явления автор указывает в том, что семинаристы на изучение светских предметов имеют гораздо менее времени, нежели гимназисты...

Но кроме этого, семинарии дозволяют себе еще самовольно уменьшать число учебных дней сравнительно с гимназиями: это раннее, сравнительно с положенным по уставу, начало каникул и позднее начало учебного времени после каникул, а также существование каникул, которых нет в гимназиях. Кроме летних и рождественских каникул почти во всех семинариях и училищах существуют еще масляничные и пасхальные. Благодаря всему этому учебных дней в семинариях в течение года... не более 175—160, то есть менее полугода.

«Московские епархиальные ведомости»

Епископ мукачевский Иоанн на днях издал циркуляр (курренду) подначальному (мирскому) клиру, в котором воспрещает ему ношение бороды, мотивируя свое распоряжение тем, что уже в 1862 году его предшественник, покойный епископ Василий, запретил бороду и что брадобритие есть признак и наглядное доказательство приверженности к церковной унии с Римом, между тем как борода означает схизму и склонность к московистическому православию.

Удивительно, что в то время, как мирскому униатскому духовенству воспрещается борода, униатскому иночествующему духовенству в свою очередь предписывается ношение бороды, по уставу... монах-униат, если сбреет бороду, подвергается за это дисциплинарному наказанию от своего начальства, тоже униатского.

«Гражданин»

После крещения черемисов древние (языческие) обычаи сохранились в народе, но с течением времени постепенно смешивались с христианскими обычаями... Когда черемисин заболеет, то обыкновенно причину своей болезни приписывает зависти, и злобе своего соседа, который жаловался какой-нибудь строгой и злой керемети...

Каждый заболевший черемисин спешит непременно с подарком к мужану (знахарю) за советом и помощью от болезни... Иногда случается, что захворает дорогой человек из семейства и лежит при смерти, тогда по указанию мужана зарежут самого лучшего рабочего коня... Не окончили еще суеверные черемисы своего жертвоприношения, не успели жертвоприносители полакомиться вареным мясом лошади — больной уже испустил свою душу... В горе и досаде один из старших членов семейства умершего бежит к мужану и говорит ему: «По твоему наставлению все в точности исполнено, чего же еще не доставало для того, чтобы больной выздоровел?» Мужан в свое оправдание отвечает: «Когда вы совершали жертвоприношение, то, верно, кто-нибудь из ваших семейных в душе своей пожалел назначенную в жертву скотину»...

«Известия по Казанской епархии»

Русские люди на Флорентийском соборе

Л. ВИШНЕВСКИЙ,
кандидат исторических наук

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ к XV веку оказалась ослабленной в экономическом и политическом отношении. Среди ее многочисленных врагов наибольшую опасность представляли турки-османы, угрожавшие столице — Константинополю. Император Иоанн Палеолог и его приближенные рассчитывали, что папа римский организует общеевропейский крестовый поход против турок. Рим соглашался оказать военную помощь Византии, но взамен требовал, чтобы православная церковь соединилась с католической и признала папу римского своим верховным владыкой. Церковная уния затрагивала судьбы многих славянских народов. Один из [illegible] авторов, советник папы римского аббат Траверсари обратил особое внимание на возможность присоединения к Византии богатых русских земель. Проводником его взглядов в православном Константинополе был тайный агент римской курии игумен Исидор, имевший большое влияние на византийского императора.

По совету Траверсари Исидор добился разрешения отправиться на Базельский собор (начался в 1431 г.), чтобы просить Рим о немедленной помощи. В Базеле он прямо заявил, что Византия готова расплатиться русскими землями за военную помощь против турок. Распаляя алчность отцов католической церкви богатствами русских земель, Исидор обещал, что все они станут достоянием римской курии, если греческая церковь примет церковную унию. «Власть византийского патриарха,— патетически восклицал он,— простирается на самую Россию. А ведь эта необозримая страна тянется вплоть до Гиперборейских стран! И каким [illegible] делом должно явиться соединение Византии с Римом!..» [1].

Чтобы сделать соединение церквей обязательным для славянских стран, а особенно для Руси, было решено созвать специальный церковный собор, который провозгласил бы унию. Возвратившись в Константинополь, Исидор энергично взялся за подбор византийской делегации, которая должна была представлять православную церковь. Он подчинил своему влиянию и слабовольного императора, и престарелого патриарха. Исидор включил в состав делегации известного противника соединения церквей Марка Ефесского и некоторых его сторонников, полагая, что ему удастся сломить их упрямство.

В Риме были кровно заинтересованы, чтобы русскую церковь на соборе представлял Исидор. Видимо, это решение было принято папой римским еще во время Базельского собора. Вот что писал по этому поводу Н. М. Карамзин:

«...Константинопольский патриарх... посвятил нам в митрополиты грека Исидора... хитрого, гибкого, красноречивого. Исидор недолго до сего был в Италии и снискал любовь папы: вероятно даже, что по согласованию с ним домогался власти над русской церковью, дабы тем лучше способствовать важным намерениям Рима».

В 1431 году в Москве умер митрополит Фотий. Великий князь Василий II по совету бояр хотел вернуться к старому обычаю — поставить митрополита из русских людей, рязанского архиепископа Иону. Однако константинопольский патриарх Иосиф и византийский император Иоанн Палеолог отвергли эту кандидатуру и утвердили митрополитом на Руси Исидора, с которым Иона в качестве простого спутника «со скорбью в душе» возвратился в Москву.

В те годы на Руси шла ожесточенная борьба за создание централизованного русского государства под эгидой Москвы. Москва становилась выразительницей общенациональных чаяний и надежд. Идеи централизации, хотя и мучительно медленно, но все же пробивались сквозь толщу традиций и косности. И в этот сложный и ответственный период в Москву прибыл в качестве руководителя русской православной церкви грек Исидор. Назначение митрополитом иноземца, казалось, должно было серьезно осложнить взаимоотношения с Константинополем. Но церковные устои требовали безусловного подчинения константинопольскому патриарху, и Исидор был принят с должным почетом Когда новый митрополит заговорил о поездке на собор, созываемый по инициативе папы, князь Василий [illegible] резко осудил его стремление войти в тесный контакт с представителями католического мира. Однако константинопольский патриарх Иосиф известил Василия, что Исидор поедет на собор «утверждения ради православной веры», да и сам Исидор представил дело таким образом, что на соборе будет всего лишь богословский диспут между представителями православия и католицизма. В конечном счете он добился согласия на поездку, дав торжественную клятву выступить борцом за православие.

Итак, 8 сентября 1437 года Исидор в сопровождении большой свиты отправился в Италию, на Ферраро-Флорентийский собор. Вместе с ним отбыл известный политический и религиозный деятель того времени епископ Авраамий Суздальский. Его сопровождал духовник, священник Симеон, весьма образованный человек, оставивший потомству «Повесть об осьмом соборе», а также политический трактат «Слово избрано от святых писаний же на латыню...».

Организаторы собора во главе с папой римским Евгением IV были уверены, что можно будет без особого труда добиться своей цели. Властолюбивая римская курия готова была идти на любые обрядовые уступки, лишь бы славянский мир признал верховную власть папы римского. Однако совершенно неожиданно оппозиция оказалась сплоченной и решительной.

[1] П. Пирлинг. Россия и папский престол. М., 1912, стр.52.

Католические историографы утверждают, [redacted] собор [redacted] только греческими делами, так [redacted] видел [redacted] соединении церквей ключ [redacted] спасению Византии от нашествия турецких полчищ. Однако [redacted] действительности Византию никто всерьез спасать [redacted] собирался, речь шла об установлении господства римской курии над славянскими землями [2].

Смысл происходившего [redacted] соборе исчерпывающе осветил Карл Маркс: **«Императорская партия,** желавшая унии, выдвинула **Исидора Киевского [redacted] других,** чтобы они для видимости спорили [redacted] латинянами [redacted] и **позволили [redacted] одолеть себя... «уния» была тор[redacted] обнародована.** Все это «шарлатанство» ...было [redacted] руку Евгению» [3].

Авраамий Суздальский резко выступил против соединения церквей. Уния без его подписи не могла иметь юридической силы, [redacted] упорствующему Авраамию были применены самые жестокие меры воздействия. Его заковали [redacted] кандалы, бросили [redacted] подземелье, подвергли мучительным пыткам. Наконец организаторы собора заявили, что подпись Авраамия на документе об унии имеется. И действительно, уния подписана также [redacted] именем Авраамия. Точных данных, доказывающих, что подпись эта подложна, нет, но такое предположение вполне правдоподобно, если вспомнить [redacted] разбойничьих нравах, царивших на соборе.

Вот, например, что рассказывает [redacted] подписании унии документ, впервые опубликованный профессором Шевыревым [redacted] 1841 году:

«Шестьдесят епископов и сто пятьдесят пресвитеров, синкелов, протосинкелов и диаконов подверглись разным истязаниям: морили их [redacted] темницах голодом, ранами; пекли на огне, душили, давили. Замучены митрополиты Амасийский, Силиврейский, Диометрийский, Трапезундский, Еврийский, Халкидонский, Никомидейский, Филипписийский [redacted] другие. Тела их похоронены тайно, [redacted] после за [redacted] другие подписались... Патриарх Иосиф, видя обман и тиранство, раскаялся [redacted] своем поступке, от унии отступил [redacted] не подписывал. Составили подложную подпись. Три монаха удушили его, а подпись [redacted] будто найдена была [redacted] руках умершего... [redacted] подписи Авраамия «смиренный Авраамий Еп. Суждальский», должно заметить, что вместо буквы «ж» находится буква «м», [redacted] нею схожая [redacted] древнем правописании, так что вместо «Суждальский» читаешь Сумдальский. Эта буква наводит на мысль: подпись эта не подложная ли, сделанная [redacted] какой-нибудь другой подписи Авраамия» [4].

Сохранился труд помощника Авраамия Симеона Суздальского «Повесть об осьмом соборе». Вот что писал очевидец всего происходившего:

«И [redacted] богомерзкое соединение [redacted] писашихися много истязаху, и оковы отягшаху, [redacted] темницах заключаху, [redacted] всяческими ранами мучаху и железными юзами облачаху, [redacted] гладом томяху. И [redacted] таковых злостраданиях свии всегодишное время пребыша, овии же мнее, прещением [redacted] озлоблением понуждаеми, [redacted] неволею своими руками деляху [redacted] подписати неправедное их уложение. [redacted] мнози в темницах от глада скончашася; другие [redacted] ранами уязвляеми до смерти пострадали» [5].

Выдав гибель константинопольского патриарха [redacted] неожиданную естественную кончину, представители римской курии распространили слух, что Иосиф был сторонником церковной унии [redacted] признал папу наместником бога на земле. В этом утверждении все ложь: целый год, как [redacted] Ферраре, так [redacted] Флоренции, Иосиф ожесточенно спорил и, даже соглашаясь пойти на компромисс, требовал взаимных уступок. Разгорелась борьба по поводу целования папской туфли. Патриарх отказался [redacted] себя и [redacted] архиереев выполнить этот обряд. [redacted] папа уступил — стоя, принял поцелуй патриарха [redacted] щеку. Места [redacted] Феррарском кафедральном соборе располагались так: выше всех стоял папский престол, патриарший — пониже. Иосиф считал, что место, где [redacted] должен сидеть, [redacted] вполне для него подходящее, и, отговорившись болезнью, не присутствовал [redacted] первом заседании. Речь шла вовсе [redacted] об этикете, как полагают некоторые исследователи,— патриарх делал все для сохранения независимости, причем не только религиозной, но [redacted] политической.

Иосиф был пышно похоронен [redacted] церкви Святой Марии — его могила украшена «иждивением папы», над ней помещается мадонна Чимабуэ, а надгробье сделано руками искусных мастеров.

Флорентийский собор в 1439 году торжественно провозгласил соединение церквей. Эта даже [redacted] проведенная [redacted] жизнь флорентийская уния дала римской курии оружие [redacted] борьбе за католическое господство — догмат [redacted] мировом владычестве папы римского.

«Мы определяем, что апостольский первопрестол [redacted] сам римский первосвященник обладают первенством [redacted] вселенстве; что р и м с к и й п е р в о с в я щ е н н и к есть преемник св. Петра, главы апостолов; что он наместник Христа, глава всей церкви, о т е ц и у ч и т е л ь в с е х х р и с т и а н, [redacted] что ему дана г о с п о д о м н а ш и м И и с у с о м Х р и с т о м п о л н а я в л а с т ь п р а в и т ь и у п р а в л я т ь в с е л е н с к о й ц е р к о в ь ю, как указано [redacted] постановлениях вселенских соборов [redacted] во святых канонах», — так было записано во флорентийской унии.

Вместе с епископом Авраамием, как уже говорилось, [redacted] соборе присутствовал его духовник Симеон. Скромный священник из Суздаля не думал [redacted] не гадал, что своей оценкой событий он позволит восстановить правду о Флорентийском соборе, тщательно скрываемую [redacted] течение нескольких столетий. Он быстро разобрался [redacted] подлинном характере собора и [redacted] истинной роли Исидора [redacted] оставил [redacted] письменное свидетельство. Долгое время папская конгрегация обходила его «Повесть об осьмом соборе» молчанием. И все же его пришлось нарушить. В начале XX века появилось сочинение Павла Пирлинга, секретаря генерала ордена иезуитов. Он пытался показать положительное значение флорентийской унии для славянских народов. О Симеоне Суздальском Пирлинг говорит как о «варваре», «грубом мужлане», который, неожиданно попав в среду несравненно более культурных людей, не [redacted] состоянии был понять их... возвышенные чувства...». П. Пирлинг отрицал [redacted] тот факт, что подпись Авраамия была получена при помощи пыток: «...Они (пытки.— **Л. В.**) не подтверждаются актами собора, которые дошли до нас». Однако все акты без исключения прошли через папскую цензуру, и [redacted] них, естественно, ничего

[redacted] См.: Б. Я. Рамм. Папство [redacted] Русь в X — XV веках. М.— Л., 1959, стр 225.

[redacted] «Архив Маркса [redacted] Энгельса», т. VI. М., 1939, стр. 250—251.

[redacted] С. П. Шевырев. Новые известия [redacted] флорентийском соборе, извлеченные [redacted] ватиканской рукописи. «Журнал министерства народного просвещения», 1841, ч. XXIX, стр. 74 — 75.

5 «Повесть об осьмом соборе» [redacted] «Слово избрано от святых писаиий же на латыню»... напечатаны [redacted] приложеиии к исследованию А. Павлова «Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики — против латинян». Приложение X. СПб., 1878.

ни говорится о методах, при помощи которых была получена подпись представителя Руси.

Более пяти столетий печать забвения лежит на замечательном произведении Симеона Суздальского. Его труд известен только специалистам-историкам и литературоведам [6]. И более пяти веков папская конгрегация твердит о том, что Ватикан был спасителем греческого и славянских народов от турецких полчищ. В действительности же все было по-иному. Напрасно народы Сербии, Болгарии, Византии взывали о помощи. Вместо военной помощи папа прислал в Константинополь Исидора для торжественного оглашения унии под сводами Софийского собора — без этого формального акта она не могла получить юридической силы. Надо было спешить: дни Константинополя были сочтены. Исидор поторопился заявить о правах папы на русские земли, которые по церковной юрисдикции находились в подчинении константинопольского патриарха.

Так в осажденный врагами город, где чувство единства должно было довлеть над всеми остальными, церковники бросили яблоко смут и раздоров. Религиозные диспуты отвлекали жителей от борьбы с неприятелем. Не вовремя вызванный фанатизм народных масс не мог не сыграть серьезной роли в трагедии Константинополя. Когда Исидор совершал богослужение в Софийском соборе, народ кричал, что предпочтет тюрбан султана тиаре римского папы. Только ли невежеством и религиозной нетерпимостью можно объяснить такое сопротивление? Едва ли. Видимо, многим византийцам было понятно, что несет им флорентийская уния.

Византия погибла. При этом под пяту завоевателей на столетия попали два больших культурных славянских государства — Сербия и Болгария. Ярый поборник церковной унии Исидор получил звание кардинала, а также легата Литвы, Польши, Ливонии и всея Руси. Он отправился в Венгрию, оттуда разослал в Польшу, Литву, Валахию и Ливонию послания, в которых сообщал о соединении церквей. Почти год провел Исидор в поездках, задерживаясь на длительное время в Львове и Киеве. В Риме рассчитывали, что, когда Исидор убедит русское население Литвы и Польши принять унию, ему будет легче уговорить и всю Русь согласиться на нее.

Весной 1441 года Исидор прибыл в Москву. От Авраамия и Симеона, успевших вернуться ранее, Василий II и его советники уже знали о предательском поведении митрополита на соборе. По приказу великого князя он был низложен. Разобраться в его преступлениях было поручено собору епископов, среди которых был и Авраамий. Собор отверг флорентийскую унию и предложил Исидору покаяться, но он не согласился и был заточен в монастырь, откуда через несколько месяцев бежал в Рим.

Римская курия напрягала все свои силы, чтобы доказать: флорентийская уния обязательна для Москвы, так как ее приняли на соборе греки. Особенно рьяно она ссылалась на так называемое завещание патриарха Иосифа. Но в ответ на это Москва ответила установлением автокефалии русской православной церкви, выйдя таким образом из подчинения константинопольскому патриарху. Этот акт имел огромное значение как в деле борьбы с феодальной раздробленностью, так и во внешней политике. Симеону Суздальскому, автору «Повести об осьмом соборе», было поручено составить новый важнейший документ «Слово избрано от святых писаний же на латыню». В нем он обосновал необходимость автокефалии с юридической и политической точек зрения.

К сожалению, «Слово» обычно рассматривается как произведение чисто религиозное. Не учитывается то обстоятельство, что оно написано в момент острой борьбы с Ватиканом. В нем шла речь о величии русской земли, победоносно завершившей схватку с папой римским. Важны не наивные рассуждения о чудесах, содержащиеся в этом произведении, а верная характеристика международной обстановки того времени, правильная оценка противоборствующих сил.

Что касается автокефалии, то она была не только церковным мероприятием, но и политическим актом государственной власти. Ее идея возникла не под церковными сводами, а в великокняжеском тереме. Таковы были отдаленные и неожиданные для Ватикана результаты Флорентийского собора, на котором русские люди показали себя умными и дальновидными политиками.

---

[6] Правда, в последние годы советские исследователи стали обращаться к этой теме, появился ряд публикаций, в том числе: Б. Я. Рамм «Папство и Русь в X—XV вв.». М.—Л., 1959; А. В. Черепиин «К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской уиии», журнал «Средние века», вып. 25. М., 1964; М. А. Алпатов. «Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.». М., 1973; Э. Винтер. «Папство и царизм». М., 1967.

Этимологические заметки

✦ МОИСЕЙ ✦

Это библейское имя происходит от древнееврейского «моше» — «взятый из воды», возможно, здесь народная этимология, основанная на мифе, по которому младенца Моисея нашли плывущим в корзине по Нилу. Не исключено заимствование из египетского «мес» («месу») — «рожденный», «ребенок», «сын». Родственников у этого слова много, это и «монтаж», «монтер», и географические названия: Монблан, Монте-Карло, Монтевидео («вижу гору»), Монтенегро — так по-французски называется Черногория и т. д.

✦ МОЙРЫ ✦

Во многих древних религиях есть богини судьбы. В Риме — три Парки, у древних германцев — три Норны, в Древней Греции — три старухи Мойры, дочери Зевса и Фемиды (Тэмис). Из них самая страшная — Атропа («неотвратимая», «бесповоротная»; сравните «тропа», «атропин»). Их еще называли «перерезающей нить жизни». Древнегреческое «мойра» — «часть», «участие», «кусок», «страна», «партия», «порядок», «ранг», «почет», «судьба», «рок», «смерть», «счастье».

✦ МОЛЕБЕН И МОЛИТВА ✦

Оба эти слова — религиозные термины, обозначают обращение, просьбу к богу. Родственные индоевропейские языки, более древние, чем русский, свидетельствуют, что этот корень выражал то

[illegible] значение в очень далекие времена. В языке хеттов, которые жили в Малой Азии за 4000 лет до наших дней, «малтай» значило «просить».

✦ МОЛОКАНЕ ✦

Так называется старообрядческая секта, возникшая в конце XVIII века. Молокане не признают духовенства и святых, креста и икон, обрядов и постов, не едят мяса. Главным видом пищи считают молоко, откуда и идет название секты. По этому поводу — несколько слов об этимологии слова «молоко». Первичное его значение — «влага», «жидкость». Об этом говорит древнерусское «молокита» — «болото», сербохорватское «млака» — «лужа», польское «млока» — «ручей», латышское «млака» — «питье залпом».

✦ МОЛОХ ✦

В мифологии некоторых народов Ближнего Востока (финикиян, амонитян, моавитян) это слово было именем бога солнца, огня и войн. Молоха изображали в виде человека с бычьей головой. Служение ему сопровождалось человеческими жертвоприношениями. Имя кровожадного божества стало нарицательным. Откуда произошло это имя? Возможно, от «молоха» — название вида ящерицы. Тогда есть родство с армянским «молец» — «ящерица».

✦ МОНАСТЫРЬ, МОНАХ ✦

Это древнерусское заимствование из среднегреческого «монастэрион» — «уединенное место». Основа — древнегреческое «монос» — «один». От той же основы идут слова «монах», «монахиня», «монашка».

✦ МОНЕТА ✦

Монета — металлический денежный знак — получила свое название от первого известного нам монетного двора, который находился в Риме, на Капитолийском холме, в храме верховной богини Юноны. А ее прозвище было «монета» — «та, о которой надо всегда помнить». В русских «помнить», «запоминать», «напоминать», «память» — тот же корень. Он и в «мнение», «мнить», в «монитор», «монумент», «демонстрация».

✦ МОНОФИЗИТСТВО ✦

В V веке в христианстве возникла «ересь» под таким названием. Монофизиты считали, что Христос имел не две природы — бога и человека, а только одну — божественную. Отсюда и название: греческое «монос» — «один», и «фюзис» (от «фюо» — «рождаю») — «природа» (отсюда «физика»). Кстати, в родстве с «фюзис» русские «быт», «бытие», «быть», латинское «вита» — «жизнь» (сравни «витализм», «витамин»). Корень «бху» — «дышать» (звукоподражание).

✦ МОРМОНЫ ✦

В 1830 году в США некий «пророк» Дж. Смит опубликовал мистическую «Книгу Мормона». Сторонников нового вероучения стали называть «мормоны». В США их сейчас около миллиона. Есть они и в Канаде, Мексике, Западной Европе. Можно предположить связь с древнегреческим «мормон» (также «мормо») — «призрак», «привидение», (вероятно, от «мормюро» — «бормочу»), армянским «мрмрам» — «ворчу», латинским «мурмур» — «гул», немецким «мурмельн» — «шептать», русским «бормотать».

✦ МОЩИ ✦

С первых веков христианства почитание мощей — останков святого считалось одним из важнейших установлений церкви. Старославянское «мошть» — «сила», «мошти» — «силы» — «силы, могущие совершать чудеса».

«Мощи» — производное от слова «мочь», в родстве с «вельможа», «возможность», «могущество», «немочь», «помощь», с немецким «махт» — «мощь», с древнегреческим «махэ» — «борьба», «битва», от которого идут слова «машина», «механизм».

✦ МУЗЫ ✦

Так называли в греческой мифологии девять дочерей Зевса и Мнемосины — покровительниц наук и искусств. Откуда же идет греческое слово «муза» — мать слов «музей» и «музыка»? Немецкий этимолог Э. Вассерциэр дает два толкования: 1) либо от греческого «маомай» — «выдумываю», «стремлюсь», «помню», «вдохновляю», 2) либо от того же корня, как и в латинском «монс» — «гора» (имеется в виду олимпийская гора — то есть: богини Олимпа).

✦ МУЛЛА ✦

Обычно считают, что так именуется мусульманский священник. Между тем в странах, народы которых исповедуют ислам, слово «мулла» имеет более широкое значение. Это и учитель школы, и законовед, и ученый богослов. Слово происходит от арабского «мавла», также «маулана» — «господин наш». Первоначально так называли всех образованных людей.

✦ МУСУЛЬМАНИН И БАСУРМАН ✦

Как это ни покажется странным, слова эти родственны по значению, синонимы. Этимолог А. Г. Преображенский считает, что слово «басурман» (также «бусурман») искаженное «мусульманин». Слово «мусульманин» восходит к арабскому «муслим» — «покорный», «преданный богу», «исповедующий ислам».

✦ МУФТИЙ ✦

«Муфтий» — священнический сан в исламе, толкователь Корана. Слово это арабское — «высказывающий мнение».

✦ НАВИЙ ДЕНЬ ✦

«Навь», также «навей», «навье» — «мертвец» (по Далю). «Навий день» — день поминания умерших. Древнерусское «нав» в родстве с древнегреческим «нав» — «могила», «преисподняя», «свет», и «унавити» — «убить», «утомить», с литовским «новыти» — «мучить», латышским «наве» — «смерть», готским «наус» — «мертвый», «беда», «нужда», «стеснение», с немецким «нот» — «нужда» и русским «ныть».

✦ НАЗАРЕИ ✦

В Библии часто встречается древнееврейское слово «назарей», также «назорей» — «избранник бога», «посвященный богу», от глагола «назир» — «избирать». Отсюда «назорейство» — «отдача богу», «аскетизм». В «Деяниях апостолов» «назарей», также «назорей» — название первых христиан еврейского происхождения. Так же назывались и древние евреи, давшие обет целомудрия.

«Назареянин» (также «Назаретянин») — прозвище Иисуса Христа, идущее будто бы от места его рождения — местечка Назарет. Но это — ложная этимология. Название этого палестинского поселения (восходит к древнееврейскому «натуар» — «охранять», «стеречь») упоминается лишь с III века нашей эры, а прозвище «Назарянин» идет от библейского «назорей».

петля

Иржи КРШЕНЕК

Перевод с чешского Н. ШУЛЬГИНОЙ

IX

Жампахова лежала навзничь, рот был полуоткрыт, сильное тело женщины корчилось в эпилептических конвульсиях. За одну руку держал ее муж, за другую — сын.

— Ну ладно, маменька... Ну ладно, — шептал молодой Жампах.

Это был один из приступов Жампаховой, которые отец и сын тщательно скрывали от окружающих. Жампах боялся, что, заикнись он хотя бы доктору Янчику о болезни жены, ее тут же отправили бы на лечение, и тогда, возможно, ему пришлось бы расстаться с местом управляющего «Романсом».

Последнему приступу Жампаховой предшествовала в общем невинная (для отношений в этой семье), совершенно пустяковая ссóра. Рано утром управляющий собрался в город, где должен был получить проволочную сетку. Он приготовил трактор и за завтраком обмолвился, что не худо, если бы и Иржик поехал, помог ему погрузить товар. Жампахова тут же решительно заявила, что это неудобно и что Иржик никуда не поедет. Сам Иржик молчал, уставившись в газету, и жевал хлеб с маслом.

— А почему неудобно? — спросил скорее сам себя Жампах.

— Потому что неудобно, и все тут, — отрезала жена.

Должно быть, этот дважды повторенный сомнительный аргумент рассердил Жампаха, и он ответил, что труд еще никого не унижал и что в конце концов трудился и сам Христос.

Тут в спор вмешался Иржик, державший себя до этой минуты так, будто происходящее его вовсе не касается.

— Я охотно поеду, — сказал он, — и не вижу в этом ничего плохого.

— А ты помалкивай, — одернула его мать. — Никуда ты не поедешь. Почитай книжку либо пойди погуляй — кровинки в лице нет.

— Он здоровый малый, — заметил Жампах, взглянув на сына, который и впрямь на больного не походил. — Махнем туда и часа через два будем обратно. Надень-ка старые брюки, Иржик, или спецовку.

— Ладно.

— Ты никуда не поедешь и никакую спецовку надевать не станешь, — тихо сказала Жампахова и поднялась. — Еще чего, мой сын проедет по Красной Горке на грязном тракторе, в замаранной спецовке Этого не хватало!

— Поеду, — повторил молодой Жампах.

Такой решительности мать от сына не ждала. Жампахова, привыкшая повелевать в семье, разнервничалась, поглядела на сына, потом на мужа. Ей показалось, что он потешается над ней. У Жампаховой кровь ударила в голову.

— Изыди, сатана! — закричала она и судорожно растопырила пальцы. Иржик выдохнул — маменька! — и, вскочив, успел подхватить ее, когда она с криком падала навзничь. Лицо ее было искажено, глаза закатились, поблескивая желтоватыми белками. Отец с сыном, прилагая все силы, уложили ее на кушетку. Она билась, издавала нечленораздельные звуки, но приступ длился недолго, она наконец ослабела и притихла.

Жампах-отец, вернувшись к столу, допил кофе и сказал:

— Лучше оставайся, Иржик, я уж как-нибудь один управлюсь.

Минуту спустя зарычал мотор трактора. Жампахова поднялась, ополоснула осунувшееся лицо, и опять все было по-прежнему. За стенами дома кричали дети, кипела жизнь — никто не мог и предположить, что в семье управляющего разыгралась небольшая частная драма, поскольку к публичным скандалам Жампахова склонностей не имела. Правда, как исключение, можно бы вспомнить один случай, который произошел много лет назад, а точнее — осенью 1947 года, в первую неделю после дня святого Павла[1]. Его описал в своем «Дневнике деревенского учителя» тогдашний директор Красногорковской школы, человек хотя и усердный, но без фантазии.

«Сегодня после большой заутрени неожиданно перед костелом набросились замужние женщины, которыми верховодила недавно вышедшая замуж Жофия Жампахова, урожденная Матысова, на мать-одиночку Катаржину Яновскую, недавно родившую ребенка. Упомянутые женщины Катаржину Яновскую насильно «очепили»[2], что по здешним обычаям означает наивысший срам для матери-одиночки. Местные жители в большинстве своем поступок осуждают, Яновская плакала

Мое отношение к происшедшему:

Художественное: можно драматически обработать.

Человеческое: средневековье, инквизиция».

И явно некоторое время спустя под этим приписано: «Мы потомки», — конец фразы вычеркнут и следуют слова: «Яновская уехала».

Учитель с литературными претензиями так никогда и не вернулся к этому событию, поэтому «дра-

Окончание. Начало см. в № 10, 11.

[1] 16 октября.
[2] То есть надели чепец — принадлежность туалета замужней женщины.

матической обработки» поступок горстки фанатичек Красной Горки дожидается и поныне.

...На следующий день, [redacted] субботу, красногорковцы [redacted] [redacted] ожидании традиционного праздника, устраиваемого здешними рыбаками [redacted] охотниками [redacted] лоне природы.

Организаторы праздника долго бились над названием этого мероприятия и после жарких дебатов сошлись наконец на таком, очень, [redacted] мнению, романтическом: «В лесной заводи». Этим сочетанием они как бы хотели подчеркнуть, что празднество является общим делом двух обществ — рыболовецкого [redacted] охотничьего.

Адамек отвечал за освещение сцены и за различные световые эффекты, которые должен был сопровождать своими импровизациями на электрофоническом органе Кубелка, [redacted] Кубелка твердо обещал это. Однако, встретившись с Адамеком, он заявил, что [redacted] уговором ничего [redacted] получится, ибо «кое-что спутало его планы».

Адамек нес пятикилограммовую щуку, которую ему посчастливилось поймать [redacted] мелкой речушке неподалеку от «Романса». В рыбьей пасти торчал стальной двойной крючок.

— Не ломайся, Оскар. Все приготовлено, — сказал Адамек.

— Раз сказал не могу, значит, не могу, — отре[redacted] Кубелка. — Импровизаций [redacted] будет. Пусть там кто другой протрубит на трубе [redacted] попиликает на скрипке. Не все ли равно.

— А почему [redacted] можешь?

— Потому [redacted] отправляюсь [redacted] прогулку. Часа через два махнем с Флоришем за Краловой, ясно?

— Аничка [redacted] едет? — спросил с деланным равнодушием Адамек.

— Можешь быть спокоен, — сказал Кубелка. — Едет пани Кралова, Флориш [redacted] скромная персона.

— А кто будет завтра играть мессу?

— Директор. Я что, незаменим? — спросил Кубелка.

Адамек [redacted] плечом.

— Мне все равно. Только нечего было обещать. Нечестно [redacted] твоей стороны. У меня рефлекторы [redacted] всякие там стекла [redacted] театра, — объяснил он, [redacted] Кубелка, почти [redacted] слушая, глядел [redacted] торпедообразное тело рыбы, обреченной на медленное умирание. Когда Адамек кончил, Кубелка сказал:

— Черт бы тебя побрал, чего ты [redacted] прикончишь эту рыбину? Ты же [redacted] мучишь!

— Ты мне зубы [redacted] заговаривай, — сказал Адамек. — Боишься сказать, что [redacted] Аничка едет, да? Мне-то все равно, но...

Кубелка, махнув рукой, двинулся прочь. Сиянье [redacted] щучьем теле заметно угасло.

— Постой! — крикнул Адамек.

Кубелка остановился, [redacted] не сделал нн шагу навстречу парню. Адамек с щукой на плече подошел к нему.

— Ну, правда, Оскар, скажи, едет или не едет? — повторял Адамек смущенно.

Кубелка замотал головой [redacted] снова поглядел на щуку. Адамек держал ее как-то так, что стальной тросик, идущий от крюка, впивался ей [redacted] жабры.

— Ну [redacted] душа у тебя, парень. Если бы вот кто тебе обмотал петлей горло и тянул за нее? Поганцы вы, рыбаки, это факт.

Скажи он такое Адамеку при других обстоятельствах, тот наверняка разъярился бы. Но на сей раз он и бровью не повел. Вместо того чтобы отправиться к сцене, где его ждала уйма дел, [redacted] бросил улов в погреб [redacted] пошел [redacted] пивную. Там он уселся так, чтобы видеть домик Кратены. Когда официантка подала ему вторую кружку, он заметил, как вышел пан Флориш — [redacted] светлом коверкотовом костюме, белоснежной рубахе [redacted] галстуке, — [redacted] спокойно, не торопясь, отворил двери гаража [redacted] выкатил машину. [redacted] это время появился органист костела девы Марии Снежной. Он что-то сказал Кратене — тот покачал головой. Потом они сели [redacted] машину, и бежевая «октавия» медленно и степенно проехала мимо пивной. Направлялась она не к городу, а [redacted] другую сторону — к стальному аварийному мосту, который [redacted] сорок пятом построили советские зенитчики взамен моста, разрушенного немцами; «октавия» сделала крутой поворот [redacted] через минуту показалась на холмистых извилинах над Красной Горкой.

Второй кружки Адамек не допил. Он вывел из сарая мотоцикл [redacted] был — в майке-безрукавке, [redacted] широких замасленных брюках — выехал на гребень холма, [redacted] места, где совсем недавно объяснял Анне, [redacted] просто водить мотоцикл, [redacted] она только таинственно улыбалась, чтобы минуту спустя так же таинственно [redacted] неожиданно покинуть его.

Адамек спрятал мотоцикл за поленницей теса, [redacted] сам вошел [redacted] молодняк, окаймлявший дорогу [redacted] хутору, лег животом на мягкий пружинистый мох и, подперев подбородок ладонями, стал ждать.

Услышав вскоре шум мотора, он замигал и, упираясь руками [redacted] землю, присел на корточки, напоминая хищника, который готовится к прыжку. Через минуту он увидел то, что [redacted] хотел увидеть. Рядом с Кратеной сидела пани Кралова [redacted] белой широкополой шляпе [redacted] пестром платье с белым воротником, [redacted] позади — Кубелка, дымящий длинной сигаретой.

Анны [redacted] машине не было.

Адамек, привстав, следил за машиной, [redacted] она не исчезла во впадине, а затем, не подходя уже к мотоциклу, побрел по лесу. Он остановился, только когда увидел меж ветвей поблескивавшую крышу краловского дома. Почувствовав себя вдруг ужасно неуверенно, он долго колебался, идти ли ему дальше.

По мере того [redacted] садилось солнце, тени удлинялись, все больше досаждали насекомые. Адамек, весь исхлестанный ветками, нерешительно кружил вокруг хутора. Наконец, решившись, он вошел [redacted] двор и внимательно огляделся. Двери на веранду были приотворены. Слабый ветер мел по двору пыль [redacted] озорничал [redacted] крапчатыми птичьими перьями.

Адамек нажал медную ручку кухонной двери — здесь было пусто, на столе, покрытом суровой скатертью, голубели [redacted] пузатенькой вазочке цветы дикого цикламена.

Тишина...

Адамек встревожился.

— Аничка, — позвал он хрипло. — Ты здесь?

На сквозняке скрипнула входная дверь. Голос Адамека, зазвучавший так гулко, будто кто крикнул [redacted] пустом костеле, потонул [redacted] молчаливой полутьме дома.

— Аничка!

Он тихо прикрыл дверь и осторожно поднялся [redacted] мансарду. Дверь в Анину светелку была настежь открыта, но того, кого Адамек искал, [redacted] здесь не было. Комната была пропитана ароматами леса, свежего воздуха [redacted] каким-то особым запахом молока [redacted] юного девичьего тела. Испуганный и растревоженный, Адамек попятился из комнатки. Если Анны [redacted] было ни [redacted] машине, ни дома, то где же она? Желание видеть ее, быть рядом, перемолвиться [redacted] ней словом покидало его, [redacted] где-то на дне души рожда-

лась гнетущая тоска, липкая и холодная, как смола на давно умерших деревьях.

Анна лежала на спине, над верхней губой сверкали капельки пота, рядом стоял на коленях Иржик и целовал ее глаза, полуоткрытые сухие губы, волосы, пережженные солнцем, и каждый этот поцелуй, каждое прикосновение, как раскаленное клеймо, обжигало кожу и, проникая внутрь все глубже и глубже, вызывало удивительную, отдающую во всем теле боль. И становилось так, что уже нельзя было выдержать...

Анна резко села.

— Ужасно жарко. Мне бы немножко попить.

— Ну пойдем к родничку, там воды вволю.

— Вот еще, чтоб нас кто увидел.

— Подумаешь. Мне лично до этого дела нет, — ответил Иржик. — Мне уже на все наплевать.

— И на меня?

— Как ты можешь такое говорить? Обожди здесь, я сбегаю сам. У родничка есть стакан.

— Все-то ты знаешь, — сказала Анна. — Ты чего меня все преследуешь, не даешь мне покоя?

Он отстранился от нее.

— Я схожу за водой.

— Мне уже расхотелось пить. Ну и глаза у тебя, смотри куда-нибудь в сторону.

— Какие у меня глаза?

— Чудные. И злые. Я иногда боюсь их. Как тогда, когда ты ждал меня там...

Он легко ладонями сдавил ей виски и запрокинул голову. Она упала в мох, словно в подушку, и сразу утонула в знакомом горьком запахе земли и трав — у нее закружилась голова, по телу разлилась обжигающая волна. Его лицо на мгновение закрыло от нее солнце, вблизи черты его расплылись и исчезли, остался опять только этот разрушительный зной, огонь, пожирающий все, — она почти теряла сознание...

Он прижался к ней и зашептал:

— Аничка... дорогая... любимая...

— Иржик... Иржик...

Это была уже не игра. Она попыталась оттолкнуть его, но тотчас смирилась и только ждала, чтобы все скорее кончилось. И он, словно слыша ее зов, стал другим, в нем пробудилось нечто незнакомое ей — какая-то властная и настойчивая сила, которой природа обеспечила себе продолжение рода людского.

— Ты в своем уме?..

И Анна, впившись пальцами в мох, закрыла глаза.

Они оставались там до сумерек. Она сидела, привалившись спиной к его груди, и терпеливо ждала, когда боль отпустит ее. Слова не шли к ней, эта странная первая любовь развеяла в ней все, чем она жила до сих пор, но то, что должно было прийти взамен, — пока не приходило.

Он спросил, о чем она думает. Она ответила, что ни о чем — просто рада, что все уже кончилось.

Он сжал ее голову ладонями, притянул к себе и поцеловал волосы. У него были узкие, сухие и тяжелые руки — ей было приятно их ощущать.

Мягкие сумерки умирали в багровом зареве. Иглы ласточек и стрижей без устали прошивали балдахин опускавшейся ночи. Летучие мыши, мохнатые шмели сновали над черным кружевом леса, внезапно пронзительно запел кулик, и его жалобный выкрик, полный болезненной тоски, заставил Анну теснее прижаться к своему любимому.

— Меня коснулась смерть, — сказала Анна, дрожа всем телом. — Удивительно.

Рисунки А. Блоха

— Что удивительно?

— Все, все. Все на свете. Слышишь? Внизу играют. Тебе пора домой — обыщутся тебя.

— Почему ты так думаешь?

— Так просто. Думаю, и все...

— А что, если и тебя уже ждут. Они вернутся сегодня, да?

— Откуда я знаю, — ответила Анна. — Какое мне дело. Что сегодня, что завтра. Мне все равно. Мне так хорошо, я так счастлива... А вдруг нас кто увидит? Твоя мать не пережила бы...

— Оставь, Анна, — сказал Иржик и, склонившись к ее волосам, погрузил в них лицо, словно в живительный поток. — Ну чего ты боишься, ведь мы вместе, нас уже ничто на свете не разлучит.

Анна тихо заплакала. Она оплакивала все свои бывшие печали, и радости, и мелкие невзгоды, и пустяковые стычки с матерью, оплакивала свое девичество... А когда перестала плакать, это уже была молодая женщина, решившая защищать свое счастье, бороться за него до конца, чего бы это ни стоило.

Вместе они дошли до его дома. Она простилась с ним во дворе, подставив для поцелуя щеку.

— Ну беги, — торопила она его. — Не то твоя мать поднимет всю Горку.

Дома Анна приняла душ, долго обливалась холодной водой, докрасна терла губкой тело.

— Реву как белуга... дура какая-то, — отругала она себя, накинула на плечи короткий махровый халатик и, оставляя на полу мокрые следы, пошла в кухню. Там схватила черствую горбушку хлеба, газету и поднялась в мансарду. Растянувшись на кушетке, она развернула газету.

«Мир женщинам всего мира» — сообщалось в этой газете, так же как и то, что «стеганые одеяла из нашего и импортного материала изготовляем в кратчайший срок» и что «Hot wine» — новое высококачественное марочное вино»...

Анна сощурила глаза, мелкие буковки объявлений кружились и расплывались...

«Худ. фотограф ищет модель. Шифр: объектив».

— Ой, — ахнула она изумленно и, взяв фломастер, тщательно обвела объявление.

Газета перестала ее занимать, вместе с фломастером она положила ее на полочку в изголовье.

Сладкая истома волнами разлилась по телу. Она еще немного почитала книгу, но уже почти не воспринимала смысла слов — вместо этого навязчиво крутилась перед ней карусель сбивчивых образов, впечатлений и воспоминаний.

Она потянулась к газете, взяла ее и, свернув вчетверо, вложила в книгу.

X

Они ждали у бензоколонки, пока Жампахов трактор насытился топливом. Их машину, невыразительного серого цвета, Красная Горка хорошо уже знала и привыкла к ней.

Абсолон покашливал — погода была будто на заказ для астматиков, а вдобавок еще над всей Горкой стоял запах навозной жижи и отходов сахарной свеклы. Марек морщил нос и выглядел весьма неприветливо.

Заправившись, Жампах тщательно обтер куском промасленной тряпки цистерну своего транспорта и не спеша уселся за руль. Из выхлопной трубы вылетело облако жирного, черного дыма, и трактор направился к продовольственному магазину.

— Сидит за баранкой, как собака на заборе, — заметил Марек.

Из местного почтового отделения вышла почтальонша, тучная, судя по лицу, ворчливая женщина, в дождевике, накинутом на черную форменную пелерину, поболтала с управляющим «Романса» и направилась к площади. Жампах скрылся в магазине.

Было около десяти утра. Марек, обернувшись, глядел из-за плеча сквозь забрызганное грязью заднее стекло на все это слякотное ненастье.

— Да, — сказал он. — Потеряли мы свидетеля. Нашего единственного свидетеля, шеф. Вчера ветеринар на веки вечные усыпил Зузу. У нее была какая-то язва на носу, что ли... Срнцова теперь как помешанная...

Марек говорил правду. «Главный свидетель» расстался с жизнью — Марек услыхал об этом внизу в погребке за ужином и подумал: все-таки занятно, что собака испустила дух именно тогда, когда ею заинтересовался уголовный розыск. Он с любопытством ждал, как отнесется к этому известию Абсолон, но тот лишь проворчал:

— Еще когда я заходил к Срнцовой, псинка была уже одной ногой в могиле.

— Ну, я бы не сказал этого, — возразил Марек, вспомнив свой незадачливый визит.

У здания МНК Марек заскочил за сигаретами в табачную лавку и у входа столкнулся с почтальоншей, которая нечаянно наступила ему грязным резиновым сапогом на новый замшевый ботинок итальянского производства.

— Черт подери, — не сдержался Марек.

— Извините, — испуганно охнула женщина и вся залилась краской.

— А, ерунда. — Лицо у Марека вытянулось: в замшу въелось черное, маслянистое пятно. «Что ж, отлично начинается день». — досадливо подумал он.

В одиннадцать должен был прийти Кратена. О его отношении к Краловой кудахтали все куры в Красной Горке, однако, в отличие от первого предварительного опроса, теперь он изменил тактику — отвечал неохотно, запинался, пожимал плечами и твердил одно: я вам уже все сказал... я не помню этого...

Когда ему напомнили его прежние высказывания о том, что Анна якобы сама навлекла на себя смерть своим легкомыслием, он только поморщился и сказал:

— Мало ли что когда скажешь... А на деле выходит по-другому...

Он с опаской избегал всего, что могло хоть както, даже косвенно, затронуть его отношение к Аничкиной матери. Марек был убежден, что дальнейшие беседы с паном Кратеной — только потеря времени: его не заставишь говорить о том, о чем говорить он не хочет. Еще оставалась надежда, что даст показания сама Кралова — ведь кто же иной мог дать более достоверные свидетельства о последних днях жизни Анны, чем ее мать? Но когда она заговорит и заговорит ли вообще — это было неясно даже врачам. Очнувшись от шока, Кралова впала в тяжкую депрессию. Безразличная ко всему, глубоко погруженная в мрак своей истерзанной души, она проводила долгие часы, глядя в тускло освещенный квадрат окна. Врачи могли делать с ней все, что угодно, — она не противилась, ее разрыв с внешним миром был настолько полным, что она превратилась в механизм, способный лишь двигаться и каким-то образом существовать. В отделении не было человека, который не относился бы к ней с состраданием.

Кратена явился в МНК точно, минута в минуту, в белом, явно новом халате. Абсолон заговорил с ним о поездке с пани Краловой. Пан Флориш говорил медленно, тихо, магнитофонная лента непрерывно шуршала.

— Было славно... ехали прекрасно... у нее было хорошее настроение, мы болтали о том, о сем...

Послышался робкий стук в дверь, соединявшую временный кабинет следователей с канцелярией МНК. Кратена замолчал.

Марек встал и открыл дверь.

— Вас спрашивают.

— Меня?

— Кого-нибудь [redacted] вас.

Марек вышел [redacted] коридор. Облокотившись [redacted] перила, стоял Горилка [redacted] по старой тюремной привычке курил [redacted] ладонь. Увидев Марека, он притушил сигарету и опустил длинные руки вдоль тела.

— Ну и ну, — удивился Марек. — Что творится [redacted] свете...

Но тут же посерьезнел: Горилка выглядел очень озабоченным. Он протянул Мареку Аничкину фотографию.

— Вот вам фото. И еще одна вещь. Рембранту сдается, что он эту девчонку где-то видел. Сказал, что вероятней всего у Фраера. С каким-то малым была там...

У Марека чуть стиснуло сердце.

— Кто это — Рембрант? — спросил он, стараясь казаться невозмутимым.

— Как, вы его не знаете? — от души удивился Горилка и скорчил изумленную рожу.

— Не дури, будь любезен.

Горилка «был любезен», [redacted] Марек узнал, что речь идет об одном талантливом молодом художнике, который запил оттого, что сжег добрую половину своих картин.

— Он совсем рехнулся, — рассказывал Горилка. — Купил несколько бутылок вина, позвал ребят и стал все засовывать [redacted] печь — ну вы бы видели, как [redacted] пылало. Точно нефть. Масло же. По мне, так замечательные все картины, а он никого слушать [redacted] хотел и только орал — дерьмо все, мазня, ничего я [redacted] умею, ничего, я совершенный идиот, бездарь. Так вот, значит, эту девчонку он точно видел — у него на личности колоссальная память. Он сказал — н-да, эту кису я видел как-то у Фраера, была она [redacted] с одним субчиком. Рембрант, значит, жуть как разъярился, когда я сказал ему, для кого это нужно, ну, [redacted] когда я объяснил [redacted] — он успокоился. Можете мне поверить, я не треплюсь.

— Да я бы тебе этого [redacted] советовал, — машинально ответил Марек.

Через десять минут Марек [redacted] Горилкой уже мчались [redacted] служебной машине по направлению к городу.

— У него мастерская [redacted] старом развалившемся магазине, — сказал Горилка. — Рванем напрямик по этой улице, [redacted] раз вон тот угловой дом.

Они остановились у двухэтажного ветхого дома, предназначенного, вероятно, на слом.

Горилка задубасил по заржавелым жалюзям.

— Рембрант, вставай.

В ответ [redacted] звука.

Горилка не сдавался. Под его ударами жалюзи дрожали и дребезжали. Мертвая тишина.

— Может нет дома, а? — досадливо предположил Марек.

— Он дома, — сказал Горилка. — По замку видать. Но, должно быть, перебрал вчера лишнего, [redacted] иначе...

— А может, вот этим попробуете, — вмешался [redacted] разговор шофер и подал Мареку увесистую палку.

— Хорошая мысль, — радостно согласился Горилка [redacted] заиграл на жалюзях такую симфонию, что [redacted] втором этаже распахнулось окно [redacted] хриплый женский голос завизжал:

— Вы что себе думаете? Ведь здесь люди живут! Убирайтесь-ка, [redacted] то милицию позову...

Но в этот момент внутри раздалось наконец покашливание, и Горилка завопил:

— Черт бы тебя побрал, Рембрант, вставай!

— Отвяжись, — прозвучало [redacted] ответ.

— Рембрант, [redacted] валяй дурака. Я здесь [redacted] один, — настаивал Горилка, глядя извинительно на Марека, точно хотел сказать: ну вот, видите. Но Марек [redacted] коротко и ясно:

— Откройте, милиция.

Минутная тишина, потом раздалось шарканье ног.

— Может, у него там краля, — шепнул смущенно Горилка.

— Один момент, — раздалось [redacted] жалюзями.

Загремел ключ, раздался металлический звук, точно по каменистой дороге катилось пустое ведро, жалюзи взлетели, [redacted] Марек лицом [redacted] лицу очутился [redacted] мужчиной, щурившимся [redacted] свет отекшими глазами ночного существа, потревоженного во время спячки. Марек вытащил удостоверение и изложил цель своего прихода.

— Ага, вот [redacted] речь, — сказал Рембрант.

Он пригладил ладонью взъерошенные усы [redacted] пригласил войти.

В комнате пахло скипидаром и ромом.

— Хотите рому?

— Вы могли бы вспомнить точно, когда вы эту девушку видели? — сразу приступил к делу Марек.

Рембрант ополоснул лицо, вытер его суровым полотенцем, потом обмотал полотенце вокруг шеи, точно шарф, и разлил ром [redacted] жестяные кружки.

— Это было... [redacted] августе, пожалуй, да, но когда, постойте... [redacted] я мог делать у этого идиота Фраера, должно быть, я получил какие-то гроши, не иначе...

Марек вытащил фотографию Анны.

— Это точно была она?

Художник рассматривал фотографию самым внимательным образом.

— Наверняка.

— А как выглядел тот, [redacted] был [redacted] ней?

Рембрант возвратил Мареку фотографию [redacted] отхлебнул из кружки.

— Это похуже. Но в этом малом было что-то особенное. Но что же это было?.. Что это [redacted] быть?..

— Попробуйте его описать, пан...

— Навратил — мое имя. Но запросто можете называть меня Рембрантом, [redacted] безразлично. Описать... Худой такой, длинный, нормальный симпатяга... да... постойте... Парень был беленький. Белоголовый, вот что. Безошибочно. У него были какие-то особые волосы. Белые, даже чуть серебристые, понимаете? Черт возьми, голова у [redacted] сегодня тупая. Когда он к ней наклонялся, [redacted] этих волосах отражался свет [redacted] окна. Лицо... глаза... должно быть, вот так...

Художник схватил лист бумаги. Набросал лицо, потом пристально взглянул на свое творение, смял и швырнул на пол.

— Нет, [redacted] то.

Марек заметил, что этот человек рисует левой рукой. Лица рождались легко [redacted] свободно, всего несколькими штрихами черного фломастера. Марек весь напрягся [redacted] ожидании.

— Вот, пожалуй, уже похоже.

Оба наброска — лицо Анны [redacted] лицо неизвестного юноши — Марек старательно спрятал. Потом чокнулся [redacted] художником.

— Он вроде сказал, — художник кивнул [redacted] сторону Горилки, — что эту девушку кто-то убил. Это правда?

— Правда, — ответил Марек. — Пока что [redacted] еще не знаем, кто, но думаю, скоро узнаем. Ну, до свиданья. Вы даже не представляете, как вы нам помогли. Если бы [redacted] еще вспомнили, когда вы их видели...

— Сегодня, должно быть, это [redacted] получится, [redacted] вообще-то вспомню,— сказал художник.— Я тогда наверняка получил какие-то гроши, [redacted] со мной это [redacted] часто случается.

Марек довез Горилку до самого «Виадука».

— Ты платил [redacted] автобус? — спросил Марек.

— Мелочь, — проворчал Горилка.

— Вот деньги, [redacted] спасибо тебе.

Горилка заморгал глазами:

— Я, пан лейтенант, тронут. Уж мне-то есть что вспомнить, но чтоб фараон сказал мне спасибо, такого еще не бывало.

— Давай получай поскорее штамп [redacted] паспорте, — напомнил ему деловито Марек.

— Это ясно. [redacted] последнее время воздух сквозь решетку мне не на пользу.

Марек заехал [redacted] уголовный розыск [redacted] просмотрел целую гору фотографий. Но [redacted] одна [redacted] них [redacted] отдаленно не соответствовала наброску, сделанному художником. Его первоначальный пыл несколько поостыл, особенно когда он подумал, что речь может идти [redacted] чистой случайности: ведь [redacted] том, что Рембрант видел Анну [redacted] обществе мужчины, — даже если [redacted] не ошибается — еще ничего особенного не было. И все-таки Мареку хотелось бы отыскать человека, лицо которого глядело на него [redacted] рисунка, хотелось бы поговорить [redacted] ним...

— Беленький... беленький... — повторял механически Марек, возвращаясь [redacted] Красную Горку.

Их машина въехала [redacted] деревню вслед за грузовиком, из кузова которого сыпалась угольная пыль. Вокруг костела грустно кружили вороны. Грузовик, угодив в лужу, обрызгал [redacted] лобовое стекло грязью. Водитель резко затормозил, машина едва не забуксовала. Когда [redacted] остановились перед ресторанчиком, башенные часы отбили половину второго. Марек невольно взглянул на [redacted] — они показывали на одну минуту больше. Из погребка доносились запах пивных бочек [redacted] звяканье бутылок.

Марек взял [redacted] заднего сиденья папку. Вороны пронзительно кричали, косым полетом опускаясь [redacted] ольховые кроны, нависшие над рекой. Моросить перестало, Красная Горка оделась [redacted] кокон седого тумана. За мостом показалась группа женщин, они без умолку болтали, [redacted] Марек поставил бы тысячу против одного, что говорили они [redacted] чем угодно, только [redacted] о том, что случилось с Анной Краловой. Первый испуг прошел, и мелкие, повседневные дела заслонили случившееся.

Марек уже входил [redacted] здание МНК, когда у табачной [redacted] показался Адамек. Он нес моток провода с красной изоляцией, а через плечо у [redacted] болталась сумка из выворотки. Заметив Марека, он тотчас пересек шоссе, изобразив на лице полное безразличие. «Этому так же приятно видеть меня, [redacted] волос [redacted] супе», — подумал Марек.

Вдруг ему пришла [redacted] голову шальная мысль. Вместо того чтобы войти [redacted] здание, он быстро припустил за Адамеком и, нагнав его у костела, непривычным для себя любезным тоном сказал:

— Можно вас на минутку, пан Адамек.

Адамек остановился и, полуобернувшись, поглядел на Марека.

— Знаете, — сказал Марек, — у меня тут один рисуночек есть. Взгляните-ка, никого случайно он вам не напоминает?

И [redacted] протянул Адамеку четвертушку бумаги, которую получил от Рембранта.

— Не знаете, кто это мог быть?

— Ясное дело, — проворчал Адамек.

— Что «ясное дело»?

— Ну что — это Жампахов Иржик. То есть мог бы быть он, — поправился он.

Марек замер.

— [redacted] самом деле? Вы [redacted] ошибаетесь? Он действительно так выглядит?

— Ну, думаю, это мог бы быть Иржик. А может, и еще кто другой. Ведь есть же похожие на него, не так ли? Если бы это было цветное...

— А почему — цветное?

— Ну, ясное дело, потому что молодой Жампах белобрысый, — ответил равнодушно Адамек и поправил ремень сумки.

— Ну да, в самом деле, — произнес Марек так спокойно, как только мог. — Ну, спасибо вам.

— Не за что.

Едва Адамек скрылся из глаз, как внутри Марека бешено заработал какой-то мотор.

— Я идиот, — ругал он себя, — какой же я круглый идиот, нет такого второго на свете!

Вместо того чтобы отправиться к Абсолону, Марек бросился на почту. В его голове носился целый рой мыслей. Дрожа от возбуждения, он попытался собрать воедино все, что знал о молодом Жампахе, но это были какие-то крохи. Он знал лишь, что парень учится где-то в семинарии, и это в представлении Марека было столь же экзотичным, как изучение моллюсков в Индийском океане. И вдруг...

Даже открывая двери местной почты, он все еще ругал себя последними словами.

Почта в Красной Горке помещалась в двухэтажном кирпичном домике, по здешним возможностям, весьма запущенном и унылом. Помещение насквозь пропахло плесенью и канцелярским клеем, штемпельной краской и особым, не поддающимся определению запахом тихих деревенских почт с фанерными перегородками, залепленными официальными определениями и рекламами типа «Храните деньги в сберегательной кассе» или «Объединенное страхование имущества — в каждую семью»...

Поскольку в Красную Горку не проложена железная дорога, почта приходит из районного центра в закрытой черной машине марки «робур». Затем та же машина развозит почту по окружным селам, лишенным собственного почтового отделения.

Местный почтмейстер, педантичный и усердный служака старой закалки, руководит двумя почтальонами и одной административной единицей в лице девицы Поуповой, до того пропитавшейся штемпельной краской и клеем, что так и осталась в безбрачии.

Что же касается доставки почты на пять хуторов, примыкающих к Красной Горке, то практика такова: почтальоны оставляют письма в местной табачной лавке, где они при случае востребуются получателем. Это относится и к домовладельцам: почта не обязана доставлять корреспонденцию в постоянно действующие «зоны отдыха», как официально именуются дома, заменившие временные летние постройки. Неприятности у красногорковской почты были только однажды, и то не по ее вине. Некий молодой субъект получил по аккредитиву дважды по четыреста крон, а впоследствии выяснилось, что бумаги были поддельные.

Такова, стало быть, местная почта — тихое, спокойное, организованное и мерно функционирующее учреждение. И однако же ей суждено было оказаться втянутой в события, которые в уголовном розыске значились под кратким названием: «Убийство Анны Краловой».

Вот почему Марек, возвратившись с почтамта, оперся ладонями о стол, за которым сидел Абсолон, и заявил ему с плохо скрываемым волнением:

— Думаю, шеф, я кое-что уже знаю...

XI

— Я быстро все улажу, — сказал Анне молодой Жампах. — Я все уже обдумал.

— Даже трудно представить, как все будет, — вздохнула Анна. — Главное, твоя мать. Она с ума сойдет.

Был вечер. Гладь реки блестела, точно расплавленное олово. Тихо подрагивали ольхи, склонявшие свои лохматые кроны над крутым подмытым берегом, средь зарослей камыша безмятежно проплывали дикие утки, похожие на лодочки из сосновой коры.

— Не сойдет, — возразил Иржик. — Все это какая-то несусветная чушь. Сам не знаю, что на меня напало тогда. Характер у меня чудной. Тебе хочется в медицину?

Анна повела плечами:

— Скорее не хочется. Знаешь, мне никогда не хотелось учиться. Мне хотелось быть кем-нибудь совсем-совсем другим.

— Кем же?

— Отгадай. Можешь три раза.

Когда она в упор поглядела на гладь воды, лицо у нее осветилось, и молодой Жампах невольно сжал ей руку.

— Откуда мне знать.

— Ну, попробуй, отгадай, — настаивала Анна. — Что бы мне больше всего подходило?

— Тебе все идет, — ответил Иржик. — Художницей хотела быть или кем? Скажи сама.

Анна недовольно надула губы.

— Вовсе и не художницей. Продавщицей, если хочешь знать. Правда. Тебе странно, да? Я бы хотела быть цветочницей. В самом деле, я ужасно люблю цветы. Еще когда была вот такусенькая (Анна показала, какая она была тогда), тащила в дом что попало. Хоть крапиву. Было бы здорово. Кругом одни цветы — тюльпаны, нарциссы, гвоздики...

— И я знаю, что буду делать, — сказал молодой Жампах. — Буду водить грузовик на какой-нибудь стройке. Мне это нравится. Только там, к сожалению, не продают цветов.

Анна задумалась.

— Ну, это не самое страшное. Я поеду с тобой, — сказала она просто, как о деле решенном. — Буду продавщицей хотя бы в буфете, мне что. Ведь есть буфеты на стройках?

Иржик обнял ее за плечи.

— Ты просто чудо.

Анна молчала. Тихая гладь реки порой чуть рябила, там-сям всплеснется серебристо-белое тельце рыбешки, и опять замрет тишина. Лиловели сумерки, густели тени.

— Мне страшно, когда я подумаю, что с нами будет, — чуть погодя проговорила Анна. — Сама не знаю, почему. Может глупо, но это так. Какая-то тоска меня гложет. А отчего? Ведь я не такая уж неженка. Конечно. Горка на дыбы встанет, сплетен, пересудов не оберешься. Все это не так просто, как тебе кажется.

— Не волнуйся, Аничка, — сказал Иржи тихо. — Когда-нибудь вспомним с тобой обо всем и посмеемся. Отец будет на моей стороне, я знаю. Мама тоже смирится, у нее не будет другого выхода. Мне всегда хотелось ее порадовать, нелегкая у нее была жизнь, это точно. Я все продумаю, ты не волнуйся. Вместе нам ничего не страшно. Потом они еще приедут к нам, вот увидишь. Я твердо решил, — убеждал он Анну в какой раз, словно опасаясь, что она не очень верит ему.

— Думаешь, где-то есть такое местечко, о каком ты говоришь? — с сомнением спросила она.

— Ну сама посуди. Строят плотины, цементные заводы, газопроводы — нас, где хочешь, возьмут.

Анна вспомнила, что и Адамек недавно говорил ей то же самое: уеду, мол, куда-нибудь, плюну на Горку... нравится жизнь за баранкой.

— Почему ты думаешь, что нас всюду возьмут? — спросила она. Снова в ней росла неуверенность: нет, то, о чем говорил молодой Жампах, не казалось ей простым. «Легко ли, — подумала она, — собраться и уйти?»

— Потому что мы молоды и не боимся работы, — в который уж раз объяснял ей Иржик. — Я хочу быть рядом с тобой, а что буду делать — не все ли равно. Ну скажи, чего ты боишься? Выбрось все из головы, не думай об этом. Может, ты не хочешь?

— Я не сказала этого.

— Тогда чего ты боишься?

— Всего.

— Как всего? И меня?

— И тебя. Ну, мне пора.

— Постой, — выдохнул молодой Жампах и порывисто сжал ее за плечи. Ей стало даже больно. — Что ты имеешь в виду?

— Пусти меня, мне больно, — Анна высвободилась. Перед глазами мелькнуло бледное, в сумерках причудливо расплывчатое лицо Иржика.

— Что ты хочешь этим сказать? — настойчиво спрашивал он. Голос его показался ей чужим, незнакомым, и снова ее охватил страх. «Поскорей бы домой», — подумала она.

— Я тебя еще мало знаю, — сказала она, стараясь говорить как можно более беспечным, примирительным тоном. — Ну, пусти меня наконец. Пусти, слышишь, не то разозлюсь.

Он отпустил ее. Она потерла ладонью плечо.

— Ты никогда так не говори, прошу тебя, никогда не говори так, — твердил ей в самое ухо молодой Жампах. — Обещай мне.

— Обещаю, — сказала Анна послушно. — Но сейчас мне и вправду пора. Понимать все же надо.

— Обожди еще минуту. Сигарету выкурю.

— Ну хорошо. Только одну.

Она смотрела, как он прикуривал. Рука со спичкой дрожала, потом огонек описал полукруг и погас на речной глади.

«Что его так расстроило? — подумала она. — Скажешь ему слово, а он уже трясется весь». Анна подумала о всей его прежней жизни, полной переломов и внезапных решений. Она смотрела на него и почему-то вспоминала лицо его матери, эту застывшую маску со злыми глазами, которые всегда пугали ее.

Пока он курил, они молчали, и Анне казалось, что это длится целую вечность. В голове мелькали образы и обрывки мыслей, но одно оставалось неизменным и неотступно преследовало ее. Это был страх, предчувствие чего-то плохого, и в болезненном беспокойстве она начинала понимать, что, верно, совершила ошибку, так внезапно войдя в судьбу Иржика.

— Ну, мне пора, — она поднялась, и тут же вскочил Иржик. Он резко отбросил сигарету и, прежде чем она успела опомниться, схватил ее за руку и притянул к себе — она почувствовала его горячее дыхание, отдающее табачным перегаром.

— Анна, — шептал он порывисто, — Аничка... Я никогда не отступлюсь от тебя, понимаешь? Ты... ты все разбила во мне, все уничтожила, ты не посмеешь бросить меня. Анна, ты слышишь? Я за себя не ручаюсь... я бы тебя...

— Отпусти же наконец мои руки, — сказала Анна. Страх прошел, его сменило тупое равнодушие. — Ну, что бы ты сделал? Договаривай... убил бы меня?

Он отпустил ее руки.

— Убил бы меня, да? Ты это хотел сказать? Ты просто псих, Иржик. Пойди выспись. Завтра я прийти не могу, только послезавтра, ладно? Как всегда — наверху.

— Хорошо, — удрученно сказал молодой Жампах. — Пройдусь с тобой немного. До опушки.

— Нет, — возразила Анна. — Сегодня ты злющий. Не строй из себя нахала, ведь ты совершенно другой. Ну, привет.

«Во что я только ввязалась? — корила она себя дорогой, правда, уже без всякого страха. — Опять бог знает что накрутила, а теперь раскручивай». Снова пришли в голову слова Иржика и почти такие же слова молодого Адамека. «Психи ненормальные эти ребята, — решила она. — Поедем на стройку... на плотину. Ну, а потом?.. Пойду-ка я к Карелу, этот хотя бы не пугает меня. Прокачусь за милую душу...» И она уже представила себе, как появится в Красной Горке и скажет: «Привет, Карлик, я была долго тебе не верна, это факт. А теперь нажми на педаль и трогай». И как только Анна усядется на заднее сиденье, Адамек нажмет на педаль «лучшего четырехтактного мотоцикла на свете», и резко хлестнет ее по лицу ветер, и телеграфные столбы запоют, словно флейты. И весь мир превратится в одну расплывчато-многоцветную полосу. Ни прошлого не будет, ни настоящего, все свернется в единое мимолетное мгновение, в единую минуту головокружительного счастья. Анна крикнет: «Ну, давай жми, быстрей, быстрей!» — и слова ее сольются в единый звук, который растает в дробном эхе среди безразличных к смерти скал, взирающих на мир глазами вечности.

Двор хутора заливал яркий свет лампы, вокруг которой бешено кружился рой золотых, светящихся мушек. Мать, склонившись у завалинки, подкладывала под порог веранды хвойные ветки — ее черная, резко обозначенная тень походила на пятно разлитой туши. Выпрямившись, она чуть пошатнулась, и то же движение послушно повторила ее тень.

Поправляя волосы, мать повернулась, и Анне стал виден профиль ее исхудавшего лица, попавшего в единственный во тьме конус переливчатого света.

«Почему мы так одиноки? — подумала Анна, стоя в некотором отдалении от дома, точно ноги перестали ей повиноваться. — Почему мы так ужасно одиноки?» Она видела мать, странно сгорбившуюся и сиротливую, и боль стиснула ее сердце. Анна почувствовала себя бесконечно виноватой перед матерью.

«Ведь только я у нее, а она у меня...» Она поняла, что чем дольше затянется то, что их разделяет, тем дальше они отойдут друг от друга, и в конце концов жизнь в доме станет для обеих невыносимой. С каждым неуверенным шагом, приближавшим ее к дому, это ощущение вины росло и росло, пока наконец не заглушило все, что до сих пор ее мучило.

Когда она вслед за матерью вошла в комнату, мать снова была за работой. Должно быть, она и не слыхала, как Анна вошла, — она сидела у стола и перебирала рис. Мелкие зернышки шелестели и, позвякивая, падали в жестяную миску. «Или сейчас, или никогда. Все будет хорошо, все снова будет хорошо, — твердила про себя Анна, — надо только начать».

— Мамонька, — выдавила она из себя.

Она произнесла это слово почти что тихо-тихо, но мать услыхала его. Звуки падавших зернышек на миг прекратились, и Анне показалось, будто в эту минуту по дому разлилась такая тишина, что стало даже слышно биение собственного сердца.

— В чем дело? — спросила мать, не оборачиваясь. — Что случилось?

Анна почувствовала невероятную слабость, она еле доплелась до кушетки и, не в состоянии что-либо вымолвить, свернулась клубочком, прикрыла глаза ладонями. Кралова оставила свое занятие и подошла к дочери. Подсев к ней, взяла ее за плечи.

— Ну, что случилось, Аничка... что с тобой?

Анна расплакалась.

XII

— Как мы только могли забыть об этом парне — уму непостижимо, — сказал Марек.

— Не переживайте, — успокаивал его Абсолон. — Очередь и до него дошла бы. Раньше, позже, а дошла бы. Порой и мельница угрозыска мелет помаленьку да потихоньку, но зато наверняка. И еще одно, чтобы не забыть, вы молодчага, Марек.

Марек невольно вспыхнул. Такие слова он слышал от Абсолона, пожалуй, впервые. Он быстро сказал:

— Вы помните, я говорил, что во всем этом, должно быть, кроется типичная наша безалаберщина. Так оно и вышло. Письмо Иржика Жампаха — ключ к смерти Анны Краловой. Мы должны найти его во что бы то ни стало. Хоть весь дом вверх дном перевернем. И только потом займемся молодым человеком.

Марек вытащил блокнот, и на него на стол перекочевал список заказных писем, которые пришли в Красную Горку в день, занимавший следователей.

— Письмо найдем, но, очевидно, его придется искать где-то в другом месте, не в доме Краловых. Вот взгляните.

Абсолон посмотрел на графу: подпись получателя.

— Гудцова... или Годцова... Кто это?

— Это подпись продавщицы в табачном киоске, — объяснил Марек. — В этом-то и вся безалаберщина. С какой стати почтальонше топать на хутор? Она отдаст заказное письмо киоскерше, и дело с концом. И вот случается то, что случилось. У табачного киоска останавливается некая особа и спрашивает, не пришло ли ей письмо. Нет, отвечает киоскерша, тут есть только одно письмо для Анички Краловой. Давайте, я передам его, говорит эта пани. Киоскерша вручает ей письмо и еще предупреждает при этом: «Не забудьте только, оно заказное». И эта особа, ваша которой Жампахова, кивает, оглядывает конверт и по почерку видит, что письмо писал ее сын.

— Или по обратному адресу, — предположил Абсолон. — Это письмо действительно взяла Жампахова?

— Да. Но на обратный адрес я особую ставку не делаю, он мог быть и вымышленным. Почта ведь не устанавливает тождественности отправителя — там можете написать, что вам вздумается, а молодой человек, вероятно, не такой уж идиот, чтобы объявлять на всю Красную Горку, что он переписывается с одной местной девицей. Не следует забывать, о ком идет речь. Но как бы то ни было, достоверно одно — письмо попало в руки Жампаховой. Я вообще-то совсем не уверен, что Аничка видела его или читала. Письмо скорей всего следует искать в доме у Жампахов.

Абсолон молчал. Потом отстранил листок с перечнем писем одним пальцем, будто коснулся чего-то омерзительного, и прохрипел:

— Собака.

— Что вы сказали? — недоуменно спросил Марек.

— Ничего, — ответил майор растерянно. — Я просто кое-что вспомнил. Пожалуй, вы правы, Марек, — добавил он. — Я бы этих баб в бараний рог скрутил. Руки-ноги им бы перебить.

— Вы будто мои мысли читаете, — сказал Марек. — Я тоже думаю, что отсюда все и началось. Не случись этого, все развивалось бы совершенно иначе. Если бы... а, к чему все эти «если бы». Знаю, вы такое не любите слушать, но что поделаешь. Не трудно представить себе, как Жампахову занимало это письмо. Пожалуй, лучше всего вообще нигде ничего не искать, а отправиться прямо к ней и спросить, как, собственно, обстоит дело с этим письмом. Что вы на это скажете?

— Это, пожалуй, самое разумное, — согласился Абсолон. — Этой пани все равно придется нам кое-что объяснить.

Но объяснить ей ничего не пришлось. Когда оба следователя появились в «Романсе», они застали Жампаха, как обычно, за работой. Он лежал под трактором, а снаружи торчали только ноги.

Марек присел на корточки.

— Где ваша хозяйка? — спросил он, в то время как откуда-то из утробы машины доносились тихие ругательства и проклятия. — Слышите, пан Жампах?

— Дьявольщина... черт побери...

Потом показалась отвертка, точно копье, и наконец голова со взъерошенным пухом волос и черной масляной полосой поперек лба.

— Это вы?

— Где ваша жена, пан Жампах? — принуждая себя говорить спокойно, снова спросил Марек.

— А, вот оно что. Ее нету, — сказал управляющий. — Позавчера к сестре уехала. Та служит на одной фаре[3]... служит, это самое, кухаркой...

— Где это? — прервал его Марек.

Жампах ответил, и Абсолон, молчавший до этой минуты, спросил:

— Она ездит к ней часто?

— Как для кого, — проворчал Жампах. — По мне так даже слишком часто. А в чем, собственно, дело, случилось что?

— Ничего, — поспешил ответить Марек. — Нам надо спросить ее кой о чем...

Минуту спустя машина с обоими следователями уже переваливалась по раскисшей дороге, удаляясь от Красной Горки.

— Сразу к ней? — спросил Марек. — Это недалеко. Часа через два там будем.

— Идет, — согласился Абсолон. — Только позвоню в отделение. Выпейте пока внизу кофе.

Когда они затормозили у здания МНК, на мгновение выплыло из разорванных туч солнце и осветило лицо Абсолона. В этот коротенький миг майор показался Мареку бесконечно усталым. «Да, он уже всем сыт по горло, — подумал Марек. — Эта работка его изматывает, видать по всему». Марек вскочил и предупредительно, по какого-то внезапного внутреннего побуждения, открыл дверцу машины.

— Может, следовало бы... — сказал Марек, но

---

[3] Дом священника.

договорить не успел — рядом [redacted] ним неожиданно вырос человек в белом халате с таким же белым, помертвевшим лицом.

— Прошу вас...

— Что такое? — раздраженно спросил Марек.

Это был Кубелка. Трясущимися руками он беспокойно рылся в карманах халата.

— Прошу вас... пойдемте со мной... побыстрей только...

Он повел их в дом Кратены, точнее во двор дома, [redacted] гаражу.

— Там...

Марек почуял слабый, пощипывающий запах выхлопных газов, Кубелка повернул выключатель. Резкий свет упал на бежевый купол автомобиля [redacted] нарисовал на стене силуэт человека, поникшего на сиденье. Марек взглянул на посиневшее, одутловатое лицо, потом протянул руку к [redacted] умершего.

— Когда вы его нашли?

— Только что.

На заднем сиденье что-то белело. Абсолон открыл дверцу [redacted] осторожно взял два конверта, лежавшие там, будто большие мертвые бабочки. Это были такие же конверты, какие совсем недавно покупала [redacted] писчебумажном магазине Анна Кралова — продолговатые с золотым ободком.

Один из них был запечатан, [redacted] на [redacted] выведено: «После моей смерти вручить [redacted] Анежке Краловой». В другом, открытом, торчал лист бумаги. Дальнозоркий Абсолон прищурил глаза.

«К смерти Анички не имею никакого отношения», — было написано на этом листочке большими четкими буквами. Далее следовала такая же разборчивая подпись.

Абсолон взглянул на Кубелку.

— Я, пожалуй, знаю, почему это случилось, — [redacted] Кубелка.

[redacted] тот же день прокурор подверг предварительному заключению Жофию Жампахову, домашнюю хозяйку и сезонную подсобную кухарку по вполне обоснованному подозрению [redacted] убийстве Анны Краловой. Первое торопливое признание Жампахова сделала еще на фаре, куда [redacted] ней приехали. Она написала его в присутствии своей сестры [redacted] местного молодого священника, которого, видимо, приезд следователей ничуть не удивил: едва они показались [redacted] дверях, как [redacted] тотчас пригласил их войти (хотя [redacted] ему даже [redacted] представились) [redacted] сказал:

— Вон там, пожалуйста, она ждет вас...

Она начала писать, но вдруг рука у нее словно одеревенела. Блуждающим взглядом она озиралась по комнате, пока глаза [redacted] остановились на открытом окне, где в ящичке рдели последним умирающим цветом пеларгонии [redacted] ветер слегка раздувал белую занавеску. Священник наклонился [redacted] ней [redacted] тихо сказал:

— Только спокойствие. Будьте мужественны и пишите.

По дороге [redacted] тюрьму она [redacted] произнесла ни слова. Как и всем, ей тоже пришлось пройти приемный церемониал — ее сфотографировали, вымыли и одели [redacted] костюм светло-кофейного цвета, отдававший дезинфекцией. [redacted] этом одеянии она походила [redacted] смертельно усталую, до времени состарившуюся крестьянку, которая по недомыслию запуталась [redacted] том, что было превыше ее понимания.

Когда [redacted] ней захлопнулись двери камеры, она села на койку, скрестила руки и так, оцепенев [redacted] безучастно уставившись [redacted] стену, провела ночь.

Почти так [redacted] проводила все свое время и вторая [redacted] жертва — мать Анны Краловой.

Да [redacted] оба следователя не предавались веселью. Они сознавали, что во всей этой трагедии коренится что-то глубоко бессмысленное, противоестественное [redacted] темное.

Как бы уже начиная [redacted] необъяснимого решения

молодого Жампаха поступить в семинарию (у сына, по-видимому, не было и следа от материнского нрава) и кончая самой смертью Анны, тянулась какая-то петлистая дорожка, по которой проходили судьбы сына и матери и куда игрой жестокого случая забрела эта девушка.

Несколько дней спустя следователи снова наведались в Красную Горку, чтобы на месте, указанном Жампаховой, найти единственное доказательство, которое помимо признания имелось у них, — петлю. На петле были обнаружены микроскопические следы кожной ткани Анны Краловой. А за образом богородицы — дешевой лубочной картинки, изображавшей божью матерь с розовощеким младенцем на руках, — было найдено письмо, которого до этого времени никто, кроме Жампаховой, не читал. Автор письма сообщал Анне, что его решение оставить семинарию неизменно и что Анна — он твердо в это верит — также сдержит свое слово и последует за ним. Из строк, полных горячей мечты, можно было понять, что молодой Жампах искренне любит Анну, — и, пожалуй, только это письмо и было единственным лучом света во всей этой трагедии, но, к великому сожалению, оно попало в недобрые руки.

В письме была фраза: «Мама, должно быть, уже что-то чувствует». В этом Иржик не ошибался. Жампахова признавалась, что заметила перемену в поведении сына, но что это «могло зайти так далеко» — она не предполагала.

Ее чудовищное решение убить действительно было вызвано этим письмом. Когда она прочла его, жизнь Анны имела для нее не большую цену, чем жизнь мухи, — с этой минуты она рассуждала совершенно хладнокровно. Когда муж уснул (не без помощи порошка в бузиновом отваре), она ушла и, подстерегая жертву, битый час коченела в каменоломне, сжигаемая ненавистью, слепой, как и ее вера, усиленной еще и решением покончить с собственной жизнью. Возможно, она и поступила бы так, если бы вслед за тем, как на горле возвращавшейся и ничего не подозревавшей Анны затянулась петля, не раздались чьи-то быстрые шаги. Жампахова скрылась в лесу и из того, что последовало за этим, почти ничего не помнила. Когда возвратилась домой — тоже не знала.

В первую минуту, когда ее муж неожиданно обнаружил у дома мертвую Анну, она усмотрела в этом «перст божий» и решила было во всем признаться. Почему не сделала этого — она также не могла бы объяснить. С петлей в кармане она смотрела, как увозят Анну, потом взяла щетку и принялась за уборку.

То, чем жила Жампахова последние дни, не был страх перед наказанием или желание как-то замести следы. Она жила, погруженная в какую-то бездонную тьму. Жизнь для нее потеряла всякий смысл. И случилось это в ту самую минуту, когда Жампахова открыла роковое письмо. Она продолжала дышать, двигаться, не решаясь пока покончить с этими остатками жизни и дожидаясь «наития сверху», как ей быть дальше.

Это «наитие» снизошло совершенно неожиданно — в образе священника, у которого служила сестра.

На следующий день после приезда к ним Жампахова работала в саду. Вдруг она заметила, что в двух-трех шагах от нее клумба начала подозрительно пучиться. Догадавшись, в чем дело, она тихо подошла и подняла мотыгу.

В этот момент в сад вошел священник и так и застиг ее — неподвижную, напряженную, с мотыгой над головой. Прежде чем он успел вымолвить слово, перед глазами у него блеснуло острие, и на клумбу вылетело окровавленное, скорчившееся тельце крота, с бархатной шубки которого осыпались комочки земли.

— Что вы делаете! — вскричал священник. — Зачем убиваете, женщина?!

И будто ударом молнии в Жампаховой все возвратилось. Она упала на клумбу, а когда чуть опамятовалась, попросила священника исповедать ее. Ничего не понимая, священник отвел ее в костел, и там, окруженная холодным безлюдьем, среди гипсовых святых и мучеников веры, во имя которой совершила убийство, она во всем призналась.

Прошел год. За это время в Красной Горке многое изменилось. В ней и за ее пределами. Уехал Кубелка, а из-за опустевшего домика Кратены упорно судятся упомянутые и неупомянутые в завещании наследники. Молодой Жампах исполнил то, что когда-то обещал своей любимой, — уехал туда, куда хотел отправиться с ней. Эдак месяц спустя его разыскал там отец. Ездят они вместе. Отец и сын — грузчик и шофер, а поскольку это место далеко от Красной Горки, то оба они, по сути дела, люди без прошлого.

Тихо и пустынно стало на хуторе Краловых. Чтобы никто не растащил его, МНК распорядился забить окна неструганными досками, а в двери ввинтить кованые петли.

Печальный дом, как, впрочем, и всякое покинутое строение с заколоченными окнами.

Край птичьих гнезд.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

Борис ЛЕСНЯК

- ПУСТИЛИ СЛУХ, ЧТО ЗЕМЛЯ ВЕРТИТСЯ. СЛУХ ПОДТВЕРДИЛСЯ.
- ЕЩЕ ОДНО НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ — И Я УВЕРУЮ!
- ДОПУСКАЮ, ЧТО СОЗДАН ПО БОЖЬЕМУ ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ. А ВРАГ МОЙ!
- ФУТУРОЛОГИ, НЕ СОЗДАВАЙТЕ ПАНИКИ! ЕЩЕ НЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ТЕПЛОВЫЕ РЕСУРСЫ ПРЕИСПОДНЕЙ.
- ЧЕМ БОЛЬШЕ КАНОНИЗИРОВАННЫХ, ТЕМ МЕНЬШЕ СВЯТЫХ.
- КАЖДАЯ ЭПОХА ОСТАВЛЯЕТ СВОИ КУМРАНСКИЕ СВИТКИ.
- ОБЪЯВЛЕНИЕ: «ВПРЕДЬ КАИНОВ БЕЗ ПЕЧАТИ СЧИТАТЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ».
- МОЛИТВА УЧЕНИКА: «БОЖЕ ПРАВЕДНЫЙ, ВОЗЬМИ К СЕБЕ МОЕГО УЧИТЕЛЯ».

КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ

А. ХРАМОВИЧ

СОЦИАЛИЗМ вернул трудящимся Венгрии веками отторгнутые от них сокровища культуры, вооружил их единственно научным марксистско-ленинским мировоззрением. Свой вклад в этот глубочайший революционный процесс внес и продолжает вносить наш собрат — венгерский марксистский мировоззренческий журнал «Вилагошшаг».

Венгерские коммунисты в ходе классовых боев после освобождения от фашизма не только осуществили небывалые в истории страны социальные преобразования, но и возродили передовые традиции атеистической мысли, находившиеся под запретом в период господства буржуазии, поставили отечественное и зарубежное атеистическое наследие на службу социализму.

XI съезд ВСРП (1975 г.) выработал комплексную программу социалистического воспитания трудящихся, в выполнение которой вносит свою лепту и «Вилагошшаг». Оказывая большую помощь партии в воспитании трудящихся и преодолении пережитков прошлого в сознании людей, журнал широко использует опыт коммунистического воспитания масс во всех братских странах.

Редакция «Вилагошшага» не только регулярно знакомит своих читателей с переводами статей советских философов и историков, помещает рецензии на их работы, но и выпустила тематический номер (1975, № 11), посвященный журналу «Наука и религия» и составленный из его статей *.

Характеризуя общность целей, стоящих перед обоими журналами, редакция «Вилагошшага» во вступительной статье подчеркнула, что такая общность основывается прежде всего на общности «идейных принципов определения современных задач и позиций марксистской критики религии и формирования научно-материалистического мировоззрения, на взаимопонимании, которое существует между нами с самого начала сотрудничества... Мы не выполнили бы эту задачу, — говорится далее в статье, — если бы ограничились одной лишь критикой несостоятельности точек зрения наших идейных противников. Задача состоит в том, чтобы, исходя из реальных проблем, противопоставить религии позитивную, марксистскую альтернативу, которая говорила бы сама за себя и была бы убедительнее и притягательнее иллюзорного решения, предлагаемого религией».

Продолжая линию на развитие научного сотрудничества между братскими странами, «Вилагошшаг» подготовил тематический выпуск (1975, № 12), составленный из материалов советского журнала «Вопросы философии» (1975, № 9). А этот его номер в свою очередь почти целиком состоял из статей венгерских философов и видных общественных деятелей и открывался выдержками из Отчетного доклада ЦК ВСРП XI съезду партии, с которым выступил Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар, — «XI съезд ВСРП и некоторые проблемы социалистического строительства в Венгрии».

Таким образом, содержание «Вилагошшага», как и других периодических изданий братских стран, являет собой пример расширения идеологического сотрудничества между ними, о котором говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду нашей партии. «Многие направления наук развиваются теперь коллективными усилиями ученых социалистических стран... — отметил товарищ Л. И. Брежнев. — Имеет место и полезное сотрудничество органов массовой информации — радио, телевидения, печати. Все это помогает поднимать уровень идейно-воспитательной работы в каждой из наших партий и успешнее выступать в идеологическом противоборстве двух социальных систем. Это в нынешних условиях очень важно, ибо проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план, а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе».

Один из тематических номеров «Вилагошшага» (1975, № 8—9) посвящен анализу утопического социализма. Как известно, классики марксизма-ленинизма высоко оценивали его историческое значение в процессе превращения социализма из утопии в науку. Готовя этот выпуск, редакция исходила из необходимости марксистского осмысления современным поколением истории утопического социализма и его значения для формирования идеологии коммунизма, в том числе и научного атеизма.

Теоретическим стержнем этого номера, как, впрочем, и всех других номеров «Вилагошшага», являются работы классиков марксизма-ленинизма и деятелей международного коммунистического и рабочего движения. Под заголовком «Научный социализм и утопизм» в нем помещены выдержки из произведения В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Здесь же опубликована работа основателя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши «Историзм философии практики».

Большой интерес для понимания того глубочайшего переворота в сознании трудящихся масс Венгрии, который является следствием победоносной социалистической революции и строительства развитого социалистического общества, представляет статья члена-корреспондента Венгерской академии наук Белы Кепеци «Мировоззрение, поведение, образ жизни» (1975, № 4). «До освобождения, — пишет автор, — обыденное сознание находилось в плену господствовавшего тогда буржуазного мировоззрения, насыщенного религиозными и феодальными пережитками. Наукой и философией интересовалась лишь узкая прослойка населения, ставившая свой интеллект на службу реакционной идеологии правящего класса. На политическое сознание в первую очередь накладывала отпечаток клерикально-националистическая пропаганда. После освобождения страны социалистическое общество противопоставило взглядам старого, капиталистического общества новую систему взглядов и ценностей, основанную на марксистско-ленинской идеологии, на опыте Советской страны и не в последнюю очередь на культуре ранее эксплуатируемых масс, на отечественной передовой науке, искусстве».

Ныне, отмечает далее автор, в стране развертывается закономерный при социализме процесс важнейших качественных изменений в сознании людей, одной из сторон которого является массовый отход

---

* В 1975 г. «Наука и религия» дважды (№ 4 и 11) публиковала подборки переводов из «Вилагошшага».

от религии. Б. Кепеци приводит данные социологических исследований, согласно которым в 1972 году, например, церковь посещало 33 процента населения страны, в том числе в Будапеште — 22 процента, в других городах — 27, в поселках — 38 процентов, в крупных селах — 41, а в мелких — 62 процента. Что касается возрастного состава прихожан, то 15 процентов из них — до 40 лет, 40 процентов — от 40 до 60 лет и 45 процентов — свыше 60 лет, причем женщины ходят в церковь чаще, чем мужчины. Реже всего ходят туда квалифицированные рабочие, чаще всего — неквалифицированные, крестьяне, домохозяйки, пенсионеры. Но активно в церковной жизни участвует не более десятой части паствы.

Одна из особенностей религиозных пережитков, подчеркивает автор, заключается в том, что они, как правило, соседствуют в сознании людей с пережитками национализма, способствующими их консервации. Последние встречаются даже среди образованных людей. Для национализма характерна своеобразная идеализация патриархальных традиций и обычаев и старого образа жизни, хотя ни для того, ни для другого в стране уже почти не осталось почвы.

Вышедший сразу после XI съезда ВСРП номер «Вилагошшага» (1975, № 5) посвящен осмыслению социалистического образа жизни. И это не случайно, говорится в передовой статье, ибо он стоял в центре внимания Отчетного доклада ЦК, всего съезда.

Передовая статья отмечает, что в последнее время, как указывалось на съезде, в венгерском обществе происходит двоякий процесс. С одной стороны, неуклонно повышается социалистическая сознательность широких трудящихся масс. Это проявляется и в постоянном росте производительности труда, и в движении социалистических бригад, и в трудовом социалистическом соревновании, и в коммунистических субботниках, и в образцовой дисциплине во время стихийных бедствий. Но, с другой стороны, наряду с этим кое-где еще имеют место рецидивы таких явлений, которые идут вразрез с принципами социализма, с его целями и моральными нормами. Критика этих пережитков, поиски путей их быстрейшего преодоления приобретают особую актуальность в нынешней обстановке, когда в условиях повышения материального благосостояния все более важным становится вопрос: «Как мы живем?»

Когда, собственно говоря, спрашивает передовая, человек живет хорошо? И отвечает: когда он определил свое место в обществе, когда он находит удовлетворение в свободном труде, когда в общественной и личной жизни он имеет друзей и единомышленников, когда воспитывает умными и хорошими своих детей и учеников. И далее подчеркивается, что идеологическая борьба — не простое дело. На XI съезде ВСРП указывалось, что нельзя упускать из виду и такие случаи, когда в сознании одного и того же человека могут уживаться как прогрессивные, так и ретроградные взгляды.

Эта оценка, говорится в статье, справедлива и по отношению к верующим. В Венгрии отношения между государством и церковью урегулированы — это отмечалось и в Отчетном докладе ЦК ВСРП XI съезду партии — и верующие находят свое место в социалистическом обществе, как равноправные граждане принимают участие в его построеении. В Отечественном Народном Фронте рука об руку сотрудничают атеисты и верующие, коммунисты и последователи различных вероисповеданий, священнослужители. Это серьезное политическое сотрудничество, но оно не отодвигает на задний план мировоззренческую полемику. «Политический союз не исключает, а, напротив, требует идеологических дискуссий, — подчеркивалось на XI съезде ВСРП. — Дискуссию следует проводить методами, способствующими укреплению нашего политического союза. Надо добиваться того, чтобы наши союзники на основе идей марксизма-ленинизма сблизились с нами и в области идеологии».

Вести такие дискуссии нелегко: они требуют большой гибкости, дифференцированного подхода, широкого кругозора. И тут на помощь приходят классики марксизма-ленинизма. Они в своих работах показали, как надо партнера по спору отличать от противника, как следует настойчиво и серьезно продолжать такого рода спор, цель которого — переубедить партнера.

Наша эпоха — время быстрых перемен, заключает передовая статья «Вилагошшага». В науке и технике, в мировой политике и экономике, во всех областях жизни, на работе и в школе, в семье и в быту — всюду она выносит на поверхность тысячи новых явлений. Это прекрасная и волнующая эпоха, но в ней не просто ориентироваться, и таким ориентиром может служить только научно-материалистическое мировоззрение.

НА ВСЕХ СТУПЕНЯХ ОБУЧЕНИЯ

В апрельском номере этого года наш журнал опубликовал статью профессора Василе Асэнэкэску «Мировоззренческое воспитание» — о постановке этого дела в социалистической Румынии. Важную роль в формировании научно-материалистических взглядов ее граждан, прежде всего молодежи, играет единая система преподавания общественных наук, сложившаяся в республике. Об этом рассказал в своем интервью журналу «Румынские горизонты» (1976, № 2) профессор, доктор общественных наук, член-корреспондент Академии общественных и политических наук имени Штефана Георгиу при ЦК РКП Георге П. Апостол. Публикуем выдержки из этого интервью.

На нынешнем этапе место и роль общественных наук в образовании всех ступеней намечены программой Румынской коммунистической партии и другими документами, утвержденными XI съездом партии.

Во всех вузах нашей страны преподаются философия, политэкономия и научный социализм — обычно в указанной последовательности. На факультетах гуманитарного профиля преподаются и другие общественные науки. В зависимости от профиля факультетов варьируется и число часов.

Значительно расширилось участие всех преподавательских кадров в воспитательной работе, повысилась их ответственность за формирование передового мировоззрения. Созданы все условия для того, чтобы каждый юноша и каждая девушка основательно овладевали концепцией диалектического материализма, революционной идеологией партии, постоянно расширяя кругозор, понимание мира и жизни. В этом направлении усовершенствованы все программы изучения общественных наук. Они решительно ориентированы на актуальные вопросы строительства социализма и коммунизма, предлагая широкие возможности для понимания изменений, происшедших в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма.

ВУРМБРАНД В ПОХОД СОБРАЛСЯ

А. БЕЛОВ,
кандидат философских наук,
А. ШИЛКИН

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад в ряду многочисленных религиозно-пропагандистских организаций на Западе появилась еще одна — так называемая «Международная христианская миссия для коммунистического мира». Ее создал и возглавил баптистский пастор Рихард Вурмбранд, активности которого могли бы позавидовать самые темпераментные игроки американского профессионального футбола. Он начал выступать с проповедями, беря пример с Билли Грэхема и других известных на Западе пророков антикоммунизма.

Ныне голос Вурмбранда записан на магнитофонную ленту крупными западными радиоцентрами. Сей пастор даже начал издавать небольшой по объему, но обильно нашпигованный антикоммунистическим фаршем журнальчик «Иисус — коммунистическому миру», не говоря уже о множестве схожих по содержанию брошюр, принадлежащих его не в меру бойкому перу.

Знакомясь с этой «литературой», невольно вспоминаешь известную песенку о Мальбруке с весьма печальным для сего воителя финалом. И такая ассоциация возникает не только у нас. Даже некоторые западные религиозные деятели, известные своими антикоммунистическими настроениями, морщатся при упоминании имени Вурмбранда, не принимают его всерьез.

Вспомним хотя бы, что даже откровенно антисоветски настроенные устроители прошлогодних так называемых «сахаровских чтений» в Копенгагене, как уже сообщалось в нашей печати, сочли за благо при первом же заседании своего провокационного сборища выдворить с него Вурмбранда. Уж слишком пещерным духом веет от выступлений этого новоявленного «пророка». В условиях же дальнейшего углубления разрядки международной напряженности, когда даже наши идейные противники вынуждены все чаще и чаще задумываться над поисками более тонких и изощренных методов антикоммунистической пропаганды, кликушество Вурмбранда выглядит особенно дико.

И в самом деле, разве не нелепо то, что этот современный воитель вдруг объявляет новый крестовый поход против социализма, призывает в своем журнальчике к «решительному сражению» с социалистическими странами, которые он называет «порождением сатаны».

Кто же такой Рихард Вурмбранд? Он бывший румынский гражданин, по национальности немец из Трансильвании. Оказавшись не в ладах с народной властью, он возложил на нее вину за все свои жизненные неурядицы, самолично напялив на себя терновый венец «христианского мученика». Баптистский пастор утверждает, будто пострадал «за веру», за «христианскую стойкость» и как «жертва режима», испытавшая все его «ужасы», может поведать о них «свободному миру». Однако достаточно ознакомиться с его книгой «Мучения за Христа», вышедшей в США, чтобы увидеть, как автор, мягко говоря, противоречит сам себе.

Вурмбранд повествует в этой книге о том, как он возглавлял в послевоенные годы одну из баптистских общин в Румынии. Затем он был осужден и отбывал срок заключения по приговору суда. За веру? Вовсе нет! Он сам признает, что с момента установления народного строя в Румынии испытывал к нему враждебное отношение и таковое же стремился внушить своей пастве. Он нелегально печатал и распространял религиозно-пропагандистскую литературу, подстрекал верующих к сопротивлению властям.

Изображая в кривом зеркале жизнь новой Румынии, Вурмбранд прибегает к самым невероятным домыслам. Ну можно ли, например, поверить, будто в социалистической стране все религиозные книги и брошюры необходимо снабжать портретом Карла Маркса и его изречением «Религия есть опиум народа»? А кто поверит, что религиозную литературу надо обязательно оснащать цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма?

Словно для того, чтобы хоть как-то «подкрепить» свой бездоказательный поклеп, Вурмбранд недавно состряпал очередной пасквиль, снабдив его портретом Карла Маркса и произвольно надерганными из его трудов цитатами. Антикоммунистический пигмей, зама-

хнувшийся на величайшего в истории мыслителя, пытается утверждать в своей книжонке, будто Маркс лишь потому доказывал обреченность капитализма, что был... «сатанистом» (?!). Вот как бесноватый пастор пугает доверчивых западных читателей.

В своих писаниях этот антикоммунист высокопарно разглагольствует о той борьбе, которую вместе с сообщниками вел против народной власти, причем многое присочиняет, дабы, очевидно, набить себе цену. Но факт остается фактом: он вступил на путь подрывной политической деятельности и именно за это, а не за свои религиозные убеждения был призван к ответу. Он, кстати, и не скрывает того, что, живя в социалистическом государстве, поддерживал контакты с западными реакционными кругами, пользовался их поддержкой.

Красочно описывает Вурмбранд «террор» против верующих в мире социализма. Их, по его словам, бросают там в тюрьмы, подвергают пыткам, даже «распинают на кресте». До такого вряд ли додумался бы сам легендарный барон Мюнхаузен.

Ежегодно нашу и другие социалистические страны посещают многие тысячи западных туристов, различные церковные делегации. Только в минувшем году в СССР их побывало более ста. И ни одна из них не сделала вывода о каких-то притеснениях верующих. А ведь члены делегаций внимательно знакомились с жизнью религиозных объединений. И некоторые откровенно заявляли, что до своего посещения Советского Союза были дезинформированы буржуазно-клерикальной пропагандой, на ниве которой процветают такие клеветники, как пастор Вурмбранд. Таким образом, всякий объективный, пусть даже и не симпатизирующий нашему строю человек имеет возможность своими глазами убедиться: «Страны социализма — это не «закрытое общество». Мы открыты для всего правдивого и честного, и мы готовы всемерно умножать контакты, используя благоприятные условия, которые создает разрядка»[1].

Но Вурмбранд делает вид, будто всего этого попросту не существует. Послушать его, так в социалистических странах царит террор против верующих и священнослужителей. Но в таком случае позволительно задать вопрос: каким образом в подобной обстановке сам он мог быть ряд лет духовным пастырем, руководить легальной религиозной общиной? Кстати, выйдя из заключения, он получил возможность вновь продолжать служение на духовном поприще. Как же увязать все это? Такие естественно возникающие вопросы Вурмбранд предпочитает оставлять без ответа. Это и понятно: ведь он сам откровенно заявляет, что коммунизм ему ненавистен и что жизнь свою он посвятил борьбе с ним.

И он действительно развернул бурную деятельность на этом неблаговидном поприще. Редко какая пропагандистская акция, направленная против стран социалистического содружества, обходится без его участия. Он призывает шире развернуть подрывные действия, не прекращать идеологическую обработку граждан социалистических государств, организовывать кампании в защиту верующих, которые якобы страдают за Христа.

Такая энергичная деятельность не может не импонировать реакционным кругам Запада. Вурмбранд получает от них щедрую финансовую помощь. Это позволяет ему вкладывать огромные деньги в свой пропагандистский бизнес, издавать книги, брошюры, журналы, листовки, рассылать по всему миру своих подручных, сеющих клевету, выступающих с антикоммунистическими проповедями. И хотя, как уже отмечалось, даже у своих влиятельных покровителей этот пастырь-антикоммунист вызывает иногда чувство брезгливости — он все же продолжает получать от них поддержку, ибо в конечном счете — плохо ли, хорошо ли — работает на них.

Ныне Вурмбранд вынашивает идею «обращения коммунистов». Он призывает вести среди них миссионерскую работу, подстрекает верующих, живущих в социалистических странах, к созданию подпольных «церквей», которые занимались бы не религиозной, а политической деятельностью, прилагали усилия к свержению «коммунистических режимов». «Мы тоже отвечаем за то, что коммунисты вообще существуют», — патетически восклицает он. И хотя пастор охотно разглагольствует о «любви к ближним», он рекомендует отказываться от этого христианского принципа в условиях «политической, экономической и культурной борьбы с коммунизмом». Все писания Вурмбранда носят не религиозный, а откровенно политический — антикоммунистический характер. Религия для него — лишь одна из сил, которая может противостоять растущему влиянию коммунизма, просто прикрытие, камуфляж для антикоммунистических диверсий.

Подлинное лицо пастора раскрыл недавно

---

[1] Речь главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева 29 июня 1976 года. «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. По итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29 — 30 июня 1976 г.». М., 1976, стр. 12.

его ближайший помощник и единомышленник Матвей Мытко. Он обратился в протестантские организации многих стран мира с письмом, в котором обвинил Вурмбранда в том, что тот вообще «не христианин, а заурядный клеветник», стремящийся к личному обогащению с помощью фабрикуемых им домыслов, пытающийся разжигать политические страсти, а отнюдь не пропагандировать христианство. Мытко призывает «братьев во Христе» с осторожностью относиться к этому политикану от религии, не верить ему ни в чем. И уж кто-кто, но он хорошо знает, что говорит. Ведь его связывали с Вурмбрандом годы совместной работы. Сорвав маску «доброго пастыря» и «верного христианина» с Рихарда Вурмбранда, Мытко обнажил облик политического спекулянта, использующего религию в своих корыстных целях.

Не знаем, как подействовало на Вурмбранда разоблачение, с которым выступил его бывший единомышленник. Известно только, что политиканствующий пастырь и раньше попадался с поличным на фальсификации и прочих грязных приемах, которыми он никогда не брезговал. Но это ничуть не смущало «христианского воителя»: как говорится, с него как с гуся вода. Конечно, приятного мало, когда мошенника ловят за руку, но Вурмбранда никогда не мучили угрызения совести. И вряд ли на сей раз он изменит себе. И все же верующие на Западе поймут, с кем они имеют дело, кому служит этот пастор.

Вурмбранд очень жаждет славы, всячески пытается пробраться в ряды антикоммунистической элиты. Но в западных пропагандистских кругах ему отводятся второстепенные роли, а это никак не устраивает политиканствующего священника. И он делает все для того, чтобы привлечь внимание к своей персоне, доходит до откровенных нелепиц и фабрикации «фактов» о подавлении религии коммунистами. В данном случае к нему в первую очередь применима та оценка, которую дал В. И. Ленин пропаганде такого рода: «Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется»[2].

От шума Вурмбранда остается очень немного. Его злобные опусы могут оказать влияние лишь на незначительную часть людей, не способных критически оценить весь этот набор клеветнических измышлений. Однако даже это устраивает его покровителей: с худой овцы хоть шерсти клок.

Таков облик этого новоявленного крестоносца от антикоммунизма, рядящегося в тогу «защитника свободы». Но как ни кликушествует Вурмбранд, шила в мешке не утаишь: «свобода», за которую он ратует, — не что иное, как свобода подрывных действий против социалистического строя, против общества без эксплуатации, где господствует научное, материалистическое мировоззрение. Но такой «свободы», предупреждал идеологических диверсантов и их хозяев товарищ Л. И. Брежнев на недавнем форуме европейских коммунистов в Берлине, мы никогда не допустим. Сколько бы ни собирались в антикоммунистические походы, ни лили чернила и ни надрывались в эфире рыцари «психологической войны», подобные этому пастору.

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 217.

Со всего света

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Католические, протестантские и прочие духовные учебные заведения США испытывают ныне все возрастающую нехватку абитуриентов. Их приток резко сократился не в последнюю очередь и из-за трудностей с подысканием работы после окончания учебы. Еще не столь давно многие выпускники этих заведений могли выбирать себе приход в 4—5 городских храмах а теперь, как сообщает американский журнал «Тайм», они получают все меньше предложений и сплошь да рядом вынуждены соглашаться идти помощниками пасторов или пасторами в сельские приходы с мизерным окладом.

И происходит это на фоне общего упадка буквально всех конфессий и сокращения числа прихожан, как с горечью констатирует «Ежегодник Американской и Канадской церквей».

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

В некоторых западногерманских иллюстрированных журналах появилось большое, на целую страницу объявление, заказанное объединением немецких издательств, в котором читателям предлагается ответить на вопрос: «Надо или не надо сносить Кельнский собор, а если — да, то почему?»

Дело в том, что этот выдающийся образец готической архитектуры, возводившийся в течение 638 лет, вплоть до 1880 года, создает ряд неудобств для уличного движения. Поэтому и возник план снести собор, с тем чтобы на его месте построить огромный высотный гараж.

Вопрос этот взбудоражил общественное мнение ФРГ. Одни, исходя из чисто утилитарных соображений, считают, что Кельнский собор мало кому нужен, тем более что там бывает все меньше посетителей, а автомашинам стало очень тесно. Другие видят в нем архитектурный шедевр и отвергают планы его сноса как варварские. Любопытно, однако, что и в том и в другом случае мало кто говорит о религиозной функции собора. И это, пожалуй, самое характерное в споре: быть или не быть Кельнскому собору.

ИТАЛИЯ: ЦЕРКОВЬ И ПРЕССА

И. СУХАРЬКОВ,
кандидат исторических наук

Читатели нашего журнала просят рассказать, какую роль в деятельности международных религиозных центров играет печать. Публикуя обзор ватиканских и клерикальных итальянских периодических изданий, редакция намерена и дальнейшем продолжить эту тему.

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА клерикального влияния многообразны. Это и кропотливая ежедневная работа приходского священника с верующими, и организация церковных митингов, и использование радио и телевидения, и издание многочисленных листовок, книг, афиш, и многое другое. Одним из основных средств воздействия католической церкви на массы является периодическая печать.

Церковь прежде всего стремится оказывать влияние в нужном ей духе на светские газеты и журналы.

На первую секцию государственного секретариата Ватикана возложена обязанность внимательно следить за печатью. Эта секция получает указания непосредственно от специальной кардинальской комиссии. Когда церковь решает выступить по определенному вопросу, комиссия вырабатывает официальные тезисы для первой секции, которая готовит по ним статьи и передает их журналистам из «крупной прессы» — доверенным лицам Ватикана. Список таких журналистов хранится в ватиканском «Центре информационных служб». Святой престол предпочитает не поддерживать открытых контактов с редакциями «независимых» газет и журналов, эта обязанность возложена на представителей национальных епископатов и епархий.

Однако Ватикан не ограничивается оказанием влияния на светские органы печати, свою политику он проводит и через собственную обширную сеть печатных органов. Особенно велика она в Италии. Католические организации этой страны многочисленны, и почти у каждой есть свой печатный орган. Это газеты, иллюстрированные еженедельники, солидные журналы и т. п. — всего около 1800 различных периодических изданий общим тиражом 16 миллионов экземпляров, то есть примерно треть всех итальянских газет и журналов и больше половины их тиражей.

Следует отметить, что почти всю информацию для католической печати уже в переработанном и «разжеванном» виде поставляют централизованные пропагандистские организации и агентства, созданные Ватиканом и близкими к нему институтами. Среди таких поставщиков — Католический центр печати, созданный массовой светской организацией «Ационе каттолика» («Католическое действие») и распространяющий ежедневные обзоры печати и еженедельные обзоры информации; Итальянское агентство служб печати, выпускающее ежедневный бюллетень, и ватиканское агентство «Мондо мильоре» («Лучший мир»).

Характеризуя клерикальную прессу, основатель Компартии Италии Антонио Грамши писал: «Это нечто неощутимое, что скользит, как устрица, как моллюск, что кажется бессодержательным. Однако обстрелу оно противостоит лучше, чем стены Льежа. Невероятно много брошюр, журналов, листовок, приходских бюллетеней, которые циркулируют всюду, которые стремятся проникнуть даже в самые невосприимчивые семьи и которые занимаются, кроме религии, очень многими вещами».

ПРЕССА ВАТИКАНА

В папском государстве издается шесть печатных органов. Из них основным, если не считать ежемесячного бюллетеня официальных документов «Акта апостолике седис» («Акты апостолического престола»), является ежедневная газета «Оссерваторе Романо» («Римский обозреватель») с цветным воскресным изданием «Оссерваторе делла доменика» («Воскресный обозреватель»).

«Оссерваторе Романо» (тираж более 70 тысяч экземпляров) не называет себя официальным печатным органом Ватикана и имеет лишь скромный подзаголовок «ежедневная политико-религиозная газета», но это практически орган римской курии, осуществляющий руководство католической церковью. Ее политические статьи всегда предварительно одобрены или самим «наместником святого Петра», или его государственным секретариатом. «Оссерваторе Романо» распространяется не только в Италии, но и за границей. Ее можно купить во всех столицах западного мира, она рассылается в папские нунциатуры, религиозные миссии, ее выписывают верующие. Священники и миссионеры всего мира пересказывают содержание ватиканской газеты полумиллиарду католиков. В Италии она распространяется среди священнослужителей, членов Католического действия, сотрудников религиозных учреждений и клерикальных организаций. Характерно, что при Муссолини это была единственная в стране газета, не подвергавшаяся фашистской цензуре.

«Оссерваторе Романо» — директивный орган для всех католиков — и не только в духовной, но и в политической, культурной и во всех других областях жизни. Газета не гонится за срочностью и оперативностью информации. До недавнего времени политические события комментировались на ее страницах с запозданием на два-три дня, а то и на неделю. Не гонится она и за занимательно-

стью, нет в ней светской хроники, броских фото — всего того, что обычно составляет основное содержание буржуазной прессы. Газета читается потому, что она — голос Ватикана, к которому пока еще прислушиваются многие миллионы верующих.

Со времени понтификата Иоанна XXIII газета заняла более умеренную позицию в международных вопросах: на ее страницах стали чаще появляться призывы к упрочению мирных отношений между государствами, к решению проблем разоружения, к налаживанию сотрудничества между странами с различным социально-политическим строем. Газета выступала, например, за прекращение военных действий во Вьетнаме, за мирные переговоры, за подписание Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПРЕССА

Ко второй группе католических изданий относится чисто церковная печать — органы епархий, приходов, монастырей и монашеских орденов.

Кстати, печатный орган одного из них — иезуитского, или «Общества Иисуса», — римский журнал «Чивильта каттолика» («Католическая цивилизация»), выходящий с 1850 года, является одним из самых влиятельных католических периодических изданий. Выходит он раз в две недели и содержит различные рекомендации по активизации всех форм религиозной пропаганды. В частности, в последнее время журнал предпринимает попытки оживить и приблизить к современности язык проповедей. Характерно, что почти все миссионеры-проповедники проходят курс ораторского искусства по методике «Чивильта каттолика», и некоторые из них после этого действительно овладевают навыками красноречия.

Чтобы привлечь массового читателя, иезуитский журнал довольно часто публикует острые критические материалы, однако не в адрес конкретных представителей правящего буржуазного класса, а по поводу отдельных недостатков вообще. Подобная критика, по мнению католических социологов, служит своеобразной защитой католицизма, так как, вскрывая негативные явления, подчеркивает, что устранить их можно лишь путем сотрудничества и реформизма при сохранении основ капиталистического строя.

«Чивильта каттолика» уделяет большое внимание изучению аудитории, ее представлений, чувств, идеалов и даже речи. Журнал рекомендует строго дифференцированный подход к определенным возрастным и социальным группам, пытается создать у читателя видимость участия в решении тех или иных спорных вопросов католической доктрины и церковной жизни.

В Италии 24 тысячи церковных приходов и 292 епархии, которые издают восемь ежедневных газет в крупных городах общим тиражом около 130 тысяч экземпляров. Наиболее значительные из них — «Аввенире» («Будущее») в Милане и «Нуово читтадино» («Новый гражданин») в Генуе. Они располагают собственными типографиями, причем первая — одной из самых современных в стране.

Все эти газеты расходятся в основном по подписке среди священников, монахов, приходского актива и функционеров клерикальных организаций. Это и не удивительно: узость, косность, дух ризницы пропитывают все высказывания этих газет по политическим вопросам, всю их политическую информацию и полемику.

Миланская «Аввенире» проводит политику Ватикана в северных промышленных районах страны. Она наиболее «цивилизовалась», приспособилась к современности. Ее издатели поняли, что старыми консервативными методами церковь не сможет добиться сохранения своих позиций, поэтому газета выступает за более гибкую политику церкви, за активное ее участие в политической жизни страны. Особое внимание эта газета обращает на пропаганду идей классовой гармонии, на противодействие классовой борьбе пролетариата.

Епархиальная печать представлена не только ежедневными газетами, но и многочисленными (около 130) еженедельниками, объем которых колеблется от 6 до 16 страниц, тираж — от 3 до 5 тысяч, а некоторых и до 50 тысяч экземпляров. Они выходят в каждой епархии под разными названиями, но по содержанию, за исключением страниц местной хроники, совершенно идентичны.

Почти все эти органы информируют о деятельности Католического действия — так что часто даже трудно отличить епархиальную прессу от изданий этой организации. Публикуются также материалы о других светских католических объединениях — профсоюзных, спортивных и т. п. Помещая теле- и кинопрограммы, епархиальная печать, как правило, дает им церковную оценку. Иногда в этих изданиях перепечатываются отдельные статьи и новости из крупных ежедневных газет, причем в тенденциозном, реакционном подборе. Регулярно воспроизводятся материалы ведущей церковной периодики. Основным источником финансирования епархиальной прессы является подписка, распространяемая по приходам.

Кроме такой — «большой» — церковной прессы, выходит еще несколько сот приходских бюллетеней, издаваемых ежемесячно тиражом примерно по 500 экземпляров.

«СВЯТАЯ» ПРЕССА

К третьей группе церковной печати относится так называемая «благочестивая», «набожная» или «святая» пресса. Это издания наиболее известных монастырей, церквей, святых мест и т. п. С виду такие издания похожи на рекламные проспекты торговых и промышленных компаний. В Италии их выходит более 370, тиражи, как правило, невелики, но среди них попадаются и издания-гиганты с миллионными тиражами.

Самое крупное — журнал «Мессаджеро ди Санто-Антонио» («Посланец святого Антония») — издается собором св. Антония в Падуе тиражом 1,5 миллиона экземпляров. Он имеет иллюстрированное приложение для детей — «Санто-Антонио в фанчулли» («Святой Антоний и ребятишки») — на 32 страницах с многочисленными веселыми рисунками по типу американских комиксов.

«Мессаджеро ди Санто-Антонио» распространяется в основном по подписке, а также раздается бесплатно верующим и многочисленным туристам, посещающим Падую. Это, пожалуй, единственное периодическое издание в Италии, которое через церковный аппарат доходит до самых глухих уголков страны. С 1961 года журнал стал помещать на своих страницах коммерческую рекламу.

ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ

Другой вид церковной прессы — иллюстрированные еженедельники («ротокалько»), имеющие громадные тиражи и предназначенные для широкого распространения.

Католическая церковь учла большой интерес итальянской публики к этого рода изданиям и попыталась использовать его в своих целях. После войны появился ряд

католических журналов такого типа и яркой многоцветной обложке с множеством фотографий и рисунков. Наиболее распространен «Фамилья кристиана» («Христианская семья») с почти миллионным тиражом, затем следуют «Крочата» («Крестовый поход») и «Този» («Так») — каждый тиражом 320 тысяч экземпляров, «Альба» («Заря», 180 тыс. экз.), «Ориздонти» («Горизонты», 150 тыс. экз.), детский «Джорналино» («Журнальчик», 210 тыс. экз.). Все эти журналы широко помещают коммерческую рекламу, часто цветную.

Они рассчитаны на самую широкую публику, чем и объясняется их низкая цена. Выходящая на 52 страницах «Фамилья кристиана», например, стоит всего 35 лир, то есть дешевле любой газеты, «Оридзонти» — 60 лир, а «Кози» — 50. В то же время по полиграфическому исполнению они не уступают так называемым «независимым» еженедельникам, цена которых — 80, 100 и больше лир за номер.

«Кози» — женский еженедельник, издает его орден сестер-паолинок, и тем не менее в нем не забыта ни одна из рубрик, обычных для светского «независимого» женского еженедельника: воспитание детей, рецепты различных блюд и советы врача, «душещипательный» роман с продолжением, репортажи из жизни кинозвезд.

«Оридзонти» — типичный католический «ротокалько» — издается в Риме конгрегациями святой Марии — светскими организациями, созданными орденом иезуитов. В нем есть все рубрики, обычные для иллюстрированных еженедельников: детективный рассказ и женские моды, кинообозрение и советы хозяйкам, радио- и телепрограммы, уголки юмора, кроссворды, ребусы и шарады. Однако материал подается тенденциозно: за каждой строкой виден призыв к христианскому послушанию, к отходу от земных забот, к готовности перейти «в иной, лучший мир». Одним словом, хотя в журнале нет ни одной постоянной религиозной рубрики, какие можно встретить в изданиях чисто церковных или «благочестивых», каждый его материал проникнут католическим духом.

Отличительная черта «Оридзонти» — умение использовать итальянскую классическую живопись для пропаганды католицизма. Из номера в номер помещаются большие статьи о старых мастерах с хорошими репродукциями их картин на библейские сюжеты. Расчет прост: какой любитель живописи, даже и не ревностный католик, устоит перед искушением купить такой журнал.

ПРЕССА КАТОЛИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Ватиканская пропаганда приобрела в Италии, особенно в «святом» 1975 году [1], поистине грандиозные масштабы. Она ведется не только через церковь и примыкающие к ней организации, но и пронизывает собой все сферы жизни в стране. Основным проводником этой пропаганды является крупнейшая из клерикальных светских организаций — «Ационе каттолика» («Католическое действие»).

С помощью этой организации, как справедливо отмечал прогрессивный итальянский историк Д. Канделоро в своей книге «Католическое действие в Италии», церковь стремилась и стремится в первую очередь защищать и укреплять господство класса, с которым она связана. Ныне в рядах Католического действия в стране состоит более трех миллионов человек, а вместе с зависимыми, координируемыми и примыкающими к нему организациями оно охватывает около восьми миллионов человек. Именно на них прежде всего и опирается христианско-демократическая партия.

Периодика Католического действия весьма многочисленна, ее читателей можно встретить среди всех слоев итальянского населения, в самых глухих уголках страны. Эти издания адресованы разным категориям читателей (есть даже рассчитанные на четырехлетних малышей). Это позволяет клерикалам следить за ростом и формированием каждого человека почти в течение всей его жизни.

Основной печатный орган Католического действия — газета «Куотидиано» («Ежедневная», тираж 15—20 тыс. экз), выходящая в Риме с 1944 года. Ее выписывают видные деятели христианско-демократической партии, ведущие правительственные чиновники, другие редакции, активисты Католического действия. Если «Оссерваторе Романо» вынуждена придерживаться официальных ватиканских формулировок, то «Куотидиано» уже проставляет все точки над i, дает пространный политический (как правило антикоммунистический) комментарий. Эта газета отражает интересы самых правых католических кругов, прямо высказываясь за полную клерикализацию итальянского государства. Генеральная дирекция Католического действия издает еще двухнедельник «Инициатива» (тираж 100 тыс. экз.) и ежемесячник «Ассистенте экклезиастико» («Слуги божьи»). Политическую позицию Католического действия отражает обычно двухнедельник «Ориентаменти сочиали» («Социальная ориентация»).

Католический центр печати, контролируемый Католическим действием, оказывает большое влияние на итальянское общественное мнение через рассылаемые во все редакции католических печатных органов ежедневные и еженедельные бюллетени.

Сценарный отдел Католического действия издает ежемесячник «Ривиста дель чинематографика» («Кинообозрение») и еженедельник «Сеньялациони чинематографике» («Новости кино»), призванные «помочь» итальянцу в выборе фильмов. Трехнедельный бюллетень «Валютациони превентиве» («Предварительный отбор») дает католическую оценку фильмам еще до их выхода на экраны. При этом «аморальными», то есть запретными для католиков, объявляются те кинокартины, в которых фигурируют «неуважение к религии», вооруженное сопротивление властям или развод. Так на практике осуществляется церковная цензура. Такую же роль в телевидении и театральной жизни играет еженедельный бюллетень «Гунда дель телеспеттаторе» («Гид телезрителя»).

У дочерних организаций Католического действия тоже есть своя пресса. Союз мужчин, например, выпускает два ежемесячных журнала для руководства — «Проспеттиве» («Перспективы», тираж 200 тыс. экз.) и «Суссиди пер л'апостолато» («Церковные вести»), а также еженедельник «Ной уомини» («Мы мужчины», 300 тыс. экз.) — для рядовых читателей. У Союза женщин 9 периодических изданий, в том числе ежемесячник для подростков «Ин альто» («Ввысь», тираж 1 млн. экз.). 7 журналов выпускает организация «Мужская молодежь». Среди них двухнедельники «Джовенту» («Молодежь») и «Аспетанте» («Надеющийся») — каждый тиражом 300 тысяч экземпляров. Женская молодежь имеет 10 журналов для девочек разного возраста. Среди них «Ин каммино, пикколиссиме» («В путь, малыши») — для 4—6-летних. «Ин каммино, беньямине» («В путь, избранницы») — для

[1] О «святом» годе см. статью Л. Великовича «Кому и для чего нужен «святой год». «Наука и религия», 1975, № 9.

6—10-летних, «Ин каммино, аспиранти» («В путь, кандидатки») — для 10—14-летних. На школьниц старшего возраста рассчитан также журнал «Фуори классе» («После занятий»). Наиболее массовое издание этой организации — еженедельник «Скуилли» («Набат», тираж 460 тыс. экз.).

К Католическому действию примыкает множество организаций, каждая из которых тоже имеет свой печатный орган. В частности, католические профсоюзы (ЧИЗЛ) выпускают 37 изданий, в том числе двухнедельник «Конкуисте дель лаворо» («Завоевание труда») с тиражом в 250 тысяч экземпляров. Католические ассоциации итальянских трудящихся (АКЛИ) также имеют большую группу изданий, среди них еженедельник «Ационе сочиале» («Социальное действие», тираж 560 тыс. экз.) и 65 провинциальных органов.

Важную роль в пропагандистской деятельности Католического действия играют примыкающие к нему «Гражданские комитеты», впервые созданные церковной иерархией в 1948 году для проведения кампании по выборам в парламент и с тех пор ставшие постоянно действующими. С 1953 года их деятельность на местах координируется Национальным союзом гражданских активистов (УНАК).

Основной печатный орган гражданских комитетов — журнал «Ордине чивиле» («Гражданский порядок»), а УНАК — ежемесячник «Ационе» («Действие»). Местные и приходские гражданские комитеты и областные отделения УНАК также выпускают свои периодические бюллетени.

В целом же, несмотря на кажущуюся мощь, разветвленность и массовость, католическая пропаганда в Италии, да и не только в ней одной, уже не в состоянии затормозить, а тем более повернуть вспять необратимый процесс секуляризации общества. Ведь даже в такой традиционно католической стране, как Италия, все больше трудящихся, особенно рабочих, отходят от религии. Даже здесь в некоторых приходах церковь посещают лишь 35 процентов населения, 10 процентов не крещено, 20 — отказываются от пасхального благословения, а 90 процентов умирающих — от причащения. По данным ватиканского иезуитского журнала «Чивильта каттолика», только 25—30 процентов прихожан регулярно посещают воскресную мессу.

Прямо скажем, неутешительные итоги.

Кито. Старый город. Монастырь святого Франциска.

В БЛИЗКОМ ОТ НЕБА КИТО

В. ГОНЧАРОВ,
кандидат исторических наук

НЕ ТАК ДАВНО мне снова довелось побывать в столице Эквадора Кито. Как и прежде, обязанности гида любезно взял на себя известный историк, мой старый друг Освальдо. Вновь посетили мы достопримечательности города — площадь Независимости, кафедральный собор, где покоятся останки прославленного «маршала Айякучо» — выдающегося полководца, ближайшего и самого талантливого сподвижника Симона Боливара генерала Хосе-Антонио де Сукре. Прошли узкими улочками старой части города, сохранившейся почти нетронутой с колониальных времен. Поднялись на Панесильо — холм высотой в несколько сот метров, похожий на увеличенный во

много раз, аккуратно выпеченный на поду хлеб. По преданию, это искусственное сооружение инков.

24 мая 1822 года здесь расположились главные силы испанских войск под командованием маршала Альмерича, поджидавшие наступавшую из Гуаякиля освободительную армию Сукре. Пушки были нацелены на вьющуюся по долине единственную дорогу. Республиканцы будут разбиты на подступах к Кито, не сомневались испанцы: Панесильо не обойдешь стороной... Но вдруг словно гром с ясного неба обрушился на их головы. Это был Сукре, который совершил, казалось, невозможное. По крутым склонам вулкана Пичинча он поднял свою армию значительно выше Панесильо и оттуда, сверху, начал обстрел вражеских позиций. Этот смелый маневр решил исход боя. Испанцы были разбиты, земля Кито избавилась от колониального ига. В битве участвовали два русских офицера-добровольца...

Я не мог не подняться на эту заоблачную высоту. Там, на позиции Сукре, до сих пор стоят его пушки. «Сима де ля Либертад» — священное место для каждого эквадорского патриота. А затем снова спуск в город, снова встреча с шедеврами архитектуры, скульптуры, живописи колониальных времен. Соборы, монастыри — Сан-Франсиско, Мерседарио, Мерсед, Сан-Агустин, Санто-Доминго, Эль Техар, Сан-Диего, Эль Белен... Их не счесть в Кито. По воскресеньям над ним плывет гул сотен колоколов и горы возвращают эхо. Влюбленные в свой город столичные жители говорят: «Кто не видел Кито, тот ничего не видел... От Кито близко до неба, и оно приоткрыто, чтобы видеть Кито».

Церковь в этой «самой католической стране» — все еще огромная сила, хотя ее позиции и ослаблены по сравнению с прежними временами, сказал Освальдо. Ошибаются те, кто считает, что самую ожесточенную борьбу в Латинской Америке против всего нового, прогрессивного церковь вела в Мексике. Не менее ожесточенными и кровавыми были действия церковников в Эквадоре. Но история этой страны до сих пор привлекала меньше внимания.

С первой половины XVI века, со времен начала испанских захватов, дошел до нас беспримерный факт коварства, алчности и жестокости служителей бога на земле. Когда последний вождь инков Атауальпа обманным путем был завлечен в ловушку, индейцы собрали требуемый испанскими конкистадорами выкуп, наполнив золотом до уровня поднятой вверх руки пленного вождя инков (человека высокого роста) обширное помещение, в котором он содержался. Однако, несмотря на это, Атауальпа был подвергнут жестокой казни. На ней настоял католический священник.

Шли века, а церковь продолжала вести себя здесь, как, впрочем, и всюду в Латинской Америке, как в завоеванной стране. Так было при колонизаторах, так продолжалось и после их изгнания. Один историк после окончания войны за независимость писал, что Венесуэла возвратилась в казарму, а Эквадор — в монастырь.

В 1860 году к власти пришел ставленник клерикалов и латифундистов президент Габриель Гарсия Морено, установивший в стране жестокий деспотический режим. 15 лет его правления считаются одним из самых мрачных периодов в истории Эквадора. Церковь получила неограниченные права и стала самой могущественной силой в стране. В ее ведение были переданы все судебные дела, в том числе и чисто гражданские. Система просвещения попала в руки монашеских орденов, главным образом иезуитов.

Утвержденная Гарсией Морено в 1869 году конституция предоставила особые права и привилегии духовенству и церкви. Без согласия последней нельзя было поступить на государственную службу. Иностранные священники и монахи наводнили страну. Кто не был католиком, тот не мог быть гражданином Эквадора. «Черной конституцией» называют ее до сих пор в народе.

В своем религиозном фанатизме Морено дошел до того, что выплатил Ватикану из государственной казны большую сумму в качестве «возмещения убытков» в связи с объявлением Рима столицей Италии. А в 1873 году он посвятил Эквадор «святому сердцу Иисуса». Страстный эквадорский патриот, яркий публицист и писатель Хуан Монтальво писал: «Гарсия Морено разделил Эквадор на три равные части: одну часть он осудил на смерть, другую — на ссылку, третью — на рабство...»

Эквадорская церковь была в полном согласии с порядками, установленными президентом Морено и всеми последующими реакционными правителями. В 1876 году преемник Морено — Борреро, стремясь дискредитировать борцов за духовное освобождение народа, улучшение условий его жизни, призывал: «Защищайте нашего господа бога, сражаясь против атеизма! Защищайте эквадорское общество от Интернационала и Коммуны!» Напуганные Парижской коммуной, церковники, латифундисты и выражавшая их интересы партия консерваторов называли даже буржуазных либералов не только «врагами порядка, закона, обычаев, атеистами, радикалами, врагами церкви», но и «коммунарами, красными, анархистами, интернационалистами, социалистами, коммунистами». В 1885 году епископ Педро-Рафаэль Гонсалес Калисто, забыв заповеди о «любви к ближнему и прощении грехов», решительно возражал с трибуны эквадорского сената против помилования арестованных участников либерального движения во главе с Элоем Альфаро. Послушная церкви и правительству пресса призывала рубить головы всем либералам, а также их женам и детям, чтобы раз и навсегда покончить с «неверием и атеизмом».

В июне 1895 года, когда в Эквадоре произошла либеральная революция и восставший народ поставил у власти генерала Элоя Альфаро, церковники начали спешно готовиться к вооруженной борьбе не на жизнь, а на смерть. Епископы взывали к священной мести и ненависти, выступали с воинственными воззваниями, отлучали от церкви, превратили амвоны в политические трибуны, с которых призывали пролить кровь без жалости и пощады во имя «спасения религии». Примас эквадорской церкви архиепископ Педро Рафаэль обратился к верующим с призывом начать «священную войну» с либерализмом. Президента Альфаро клерикалы называли не иначе, как «антихрист» и «еретик». Но он не был ни тем, ни другим. Многие его обращения, послания, декреты и распоряжения заканчивались словами «бог и свобода».

Монахи и монашки собирали средства для вооруженной борьбы против правительства Альфаро. Латифундисты охотно давали деньги на этот крестовый поход. В церквах и монастырях создавались склады оружия и боеприпасов. Оттуда стреляли по верным правительству частям. Бывший прусский солдафон епископ провинции Монаби Педро Шумахер во главе собранного им христова воинства отправился в «крестовый поход». «Солдаты Христа! Выбирайте между богом и сатаной! Тот, кто встанет под наши знамена, обретет

бессмертие»,— взывал он к пастве. Архиепископ Кито, разжигая в народе религиозный фанатизм, обратился к населению столицы с призывом взяться за оружие и разгромить либералов. Епископ Морено во главе армии капуцинов организовал вторжение в страну колумбийских наемников.

Контрреволюционных иерархов поддержали правительства Колумбии и Перу, разрешившие им вербовать наемников для «священной войны» в Эквадоре. Для их оплаты и покупки вооружения в Колумбии продавали вывезенные служителями культа из Эквадора драгоценную церковную утварь, украшения и иконы. Немало священников непосредственно участвовало в боях и погибло. Их провозгласили «мучениками веры». В мае 1900 года наемники, поддержанные регулярными колумбийскими войсками, вновь попытались навязать эквадорскому народу гражданскую войну. Но и эта попытка восстановить в стране былые порядки провалилась.

Эквадорское духовенство не только сражалось против правительства Альфаро с оружием в руках, но и упорно сопротивлялось всем его прогрессивным начинаниям и, видя в них прямую угрозу своим привилегиям, подстрекало паству к саботажу. Ожесточенным нападкам подвергалась, в частности, первая либеральная конституция 1896—1897 годов, хотя в ней указывалось, что «религией республики является католическая, апостолическая, римская с исключением всех культов, противоречащих морали... Государство уважает религиозные убеждения граждан Эквадора и будет уважать их проявление». Высшее духовенство хотело сохранить формулировку реакционной конституции Гарсии Морено, запрещавшей все другие религии, кроме католической, и угрожало в противном случае развязать гражданскую войну.

Отмена правительством ряда налогов на индейцев для облегчения их положения и декрет, объявлявший «десятину» и другие церковные налоги необязательными, вызвали ожесточенные нападки со стороны клира. К слову сказать, взимание этих налогов сопровождалось многочисленными злоупотреблениями, обманом, вымогательством, надругательством над человеческим достоинством. В защиту эквадорских церковников выступил Ватикан, направивший правительству Эквадора меморандум, в котором расценил его действия «как одно из многочисленных оскорблений церкви».

Президент Элой Альфаро (1895—1911 гг.), при котором в Эквадоре были проведены некоторые буржуазно-демократические реформы, ударившие по господству церкви и латифундистов.

Но несмотря на подрывную деятельность внутренней и международной клерикальной реакции правительство Альфаро продолжало осуществлять общедемократические реформы. В 1906 году оно провело через парламент новую конституцию, в которой впервые в истории страны ничего не говорилось о религии.

Конституция 1906 года, прозванная Красной, была в то время одной из самых прогрессивных в Латинской Америке. Она не только узаконила отделение церкви от государства, но и ввела светское образование, в том числе и бесплатное начальное, зафиксировала основные демократические права: свободу совести, собраний, печати и т. д. По тем временам это была конституция более демократическая, чем конституция Уругвая, которой так восторгался Анатоль Франс.

Вслед за этим важным политическим шагом, правительство приняло меры, ограничившие экономические позиции церкви. В 1908 году по предложению Альфаро конгресс утвердил закон, по которому принадлежавшие ей латифундии переходили в собственность государства. Доходы от них стали поступать в фонд помощи беднякам (во время подготовки и обсуждения закона церковники успели часть этих земель продать или переоформить на подставных лиц). Кроме того, были приняты законы о гражданском браке, о разводах, о светском образовании и другие общедемократические акты.

Клерикалы и реакция не собирались мириться с реформами Альфаро и стали готовить новый заговор против него. И хотя государственный переворот 11 августа 1911 года, приведший к свержению Элоя Альфаро, возглавил вице-президент Карлос Фрейле Сальдумбиде, главными вдохновителями этого заговора были прежде всего церковники, которые подкупили армейских офицеров и спровоцировали мятеж в столице, чтобы восстановить ее жителей против президента. Церковникам удалось одержать победу лишь потому, что, не желая кровопролития, Альфаро отклонил предложение друзей о вводе в Кито верных правительству войск, которые легко могли бы разгромить мятежников.

Церковь торжествовала победу. Она поспешила укрепить временное правительство Фрейле Сальдумбиде, а затем поддержала нового президента Эмилио Эстраду, ибо была уверена, что он не будет препятствовать возвращению утраченных ею привилегий. Под крылышком новых властей воинствующие фанатики сплачивали свои силы.

Тем временем один из видных военных лидеров, верный идеалам революции 1895 года, генерал Педро Монтеро восстал против узурпаторов. Откликнувшись на призыв друзей, Альфаро возвратился в Эквадор и сделал все возможное, чтобы предотвратить кровопролитную гражданскую войну. Обманным путем реакционерам удалось арестовать Альфаро, Монтеро и других руководителей революционных либералов.

Генерала Монтеро военный трибунал в Гуаякиле приговорил к 16 годам тюрьмы, однако тут же, в зале суда, его застрелили, а труп вытащили на улицу и сожгли на костре. Остальных арестованных отправили в Кито, бросили в тюрьму «Гарсия Морено» и 28 января 1912 года убили, затем четвертовали и сожгли на кострах. Все это происходило при полном попустительстве властей, под крики монахов и уголовников: «Да здравствует религия!» Весь тот день на выгоне Эль Эхидо горели костры, словно во времена инквизиции.

Одним из главных виновников того, что произошло в Эль Эхидо,

была эквадорская церковная иерархия во главе с архиепископом Федерико Гонсалесом Суаресом. Он оставил без внимания обращенные к нему просьбы, в том числе дочери Альфаро, спасти жизнь великого патриота, выдающегося государственного и политического деятеля Эквадора.

Я побывал в тюрьме «Гарсия Морено». Это неприступная крепость, горстка солдат могла бы защищать ее долгое время. Однако в тот трагический день 28 января 1912 года озверевшая толпа монахов и религиозных фанатиков беспрепятственно проникла в тюрьму и зверски линчевала Элоя Альфаро и его сподвижников, а затем проволокла их тела по всему городу.

Мы прошли с Освальдо этот многокилометровый путь — от тюрьмы до нынешнего парка Эль Эхидо. Мой спутник показывал: здесь, в президентском дворце, затаившись, сказавшись больным, ожидал, когда будет покончено с Альфаро, премьер-министр Фрейле Сальдумбиде; отсюда, из окна своей резиденции, сквозь чуть приоткрытые шторы наблюдал за диким шествием линчевателей архиепископ Суарес; на балконе вон того дома рыдала семья одного из тех, чье тело волокли мимо...

Кощунство над памятью Элоя Альфаро продолжалось и после его трагической гибели. Но как ни старались клерикалы и реакционеры вытравить из памяти народа светлый образ бескорыстного борца за его благо, им это не удалось. И ныне простые эквадорцы чтут имя Альфаро, ибо им близки его стремления утвердить принципы справедливости, облегчить положение обездоленных. Реакционные же историки, писатели и политические деятели Эквадора до сих пор стремятся представить церковь жертвой «сил зла», от которых она защищалась будто бы лишь во имя бога и святой религии. Такая иезуитская фальсификация истории призвана снискать симпатии верующих, оправдать и сохранить в неприкосновенности те многочисленные привилегии, которыми снова стала пользоваться церковь в Эквадоре после расправы над Альфаро.

Освальдо — большой знаток ее истории. У него есть труды, специально посвященные этому вопросу. Он блестящий рассказчик, слушать его можно без конца. Как из рога изобилия, черпает он из своей памяти множество фактов, дат, цифр, цитирует высказывания отцов церкви прошлого и настоящего. Во время частых прогулок по городу, за чашкой кофе узнавал я то, чего не было в книгах, написанных буржуазными историками.

Чем же объяснить, говорил Освальдо, что церковь в Эквадоре еще до сих пор располагает огромной мощью? Ведь, казалось бы, после реформ Альфаро ее позиции значительно ослабели. Те же силы, которые уничтожили Альфаро и его ближайших сторонников, сделали все, чтобы восстановить прежнее могущество церкви. Ведь она — верный союзник реакции. Вспомним хотя бы 1937 год, когда между Эквадором и Ватиканом был подписан конкордат. Церкви и религиозным организациям было вновь разрешено приобретать землю. Это позволило им не только возместить потери латифундий, экспроприированных при Альфаро по закону 1908 года, но и намного расширить прежние владения, стать самыми крупными землевладельцами в стране. Вот почему ныне высшее католическое духовенство страны, проповедуя «христианское милосердие», на деле упорно противится проведению аграрной реформы, которой уже многие годы требуют миллионы эквадорских крестьян и индейцев, совсем не имеющих земли или владеющих крохотными наделами.

Тем же конкордатом 1937 года в Эквадоре вновь было введено так называемое «свободное образование», то есть был нанесен сильнейший удар по светскому образованию — одному из демократических завоеваний периода либеральных реформ 1895—1911 годов. Снова, как грибы после дождя, появились всюду религиозные школы и колледжи, ставшие дополнительным источником богатейших доходов церкви. Ныне, по официальным данным, более половины средних школ опять находятся в руках духовенства. Действуют католические университеты в Кито, Гуаякиле, Куэнке...

Под предлогом «улучшения условий жизни индейцев» государство и церковь договорились о совместной миссионерской деятельности по ту сторону Анд — в восточной части страны, Орьенте, где в джунглях верховьев притоков Амазонки проживают многочисленные отсталые индейские племена. Этот район стал объектом беззастенчивой колонизации хлынувших туда католических миссионеров. А основанные ими под предлогом «евангелизации индейских племен» духовные миссии превратились в плантации и прииски, где и поныне процветают неприкрытый грабеж и принудительный, по существу рабский, труд коренного населения *.

Обратите также внимание, говорил Освальдо, на четвертый параграф договора с Ватиканом. Там сказано, что святой престол даст указание эквадорскому клиру о невмешательстве в политическую жизнь страны. Этой чисто иезуитской оговоркой хотели обмануть общественное мнение, снизить накал борьбы против постыдного для страны конкордата. Но церковь была и остается опорой самых реакционных сил — прежде всего латифундистов и крупной буржуазии, связанной с иностранным капиталом.

Когда Фидель Кастро поднял знамя борьбы за подлинную независимость своей родины, эквадорские церковники всеми средствами стремились извратить правду, запугать верующих угрозой, якобы исходящей от Кубы. Примас Эквадора не осуждал, а наоборот, приветствовал грубые попытки вмешательства США во внутренние дела молодой социалистической республики. Многие кубинские эмигранты-предатели. «гусанос», нашли приют у эквадорских церковников, а те предоставили им для ведения антикубинской пропаганды свои радиостанции. В то время как «гусанос» распространяли на папертях антикубинскую пропагандистскую макулатуру, с церковных амвонов предавали анафеме тех, кто строит на Острове Свободы новую жизнь.

На все лады эквадорские церковники расхваливали как «божью благодать» шумно провозглашенную Соединенными Штатами в начале 60-х годов программу так называемого «Союза ради прогресса». Епископ Кито Бенигно Чирибога по этому поводу даже обратился к пастве со специальным посланием. Самые реакционные партии в современном Эквадоре — консервативная, фашиствующее «Национальное революционное действие» и некоторые другие — действуют под руководством церковников или в тесном контакте с ними. Они совместно ведут борьбу против Коммунистической партии, стремясь не допустить расширения ее влияния в массах, проводят злобную клеветническую кампанию против Советского Союза, Кубы и всех стран социализма.

Впрочем, отметил Освальдо, и эквадорской церкви, как и в других национальных церквах ка-

* Более подробно об этом см. в книге А. Гирскиса и Б. Яунишкиса «Я — миссионер» (М., Политиздат, 1975) и в рецензии на нее («Наука и религия», 1976, № 5).

питалистического мира, в последние годы появились новые веяния. Многие служители культа вынуждены теперь реагировать на все более резкие и решительные протесты со стороны прихожан против сотрудничества с самыми темными силами реакции. Одни из них делают это из тактических соображений, другие — искренне, будучи сторонниками радикальных преобразований. К последним принадлежит, в частности, епископ провинции Чимборасо Леонидас Проаньо, доказывающий необходимость отобрать землю у латифундистов и передать ее в руки тех, кто ее обрабатывает. Он произносит страстные проповеди в защиту тысяч политических заключенных в Чили, призывает освободить их, прекратить кровавый террор. За все это «мятежный» епископ подвергается травле со стороны реакционной церковной верхушки.

Гуаякиль. Празднование 1 Мая (1976 г.).

...Шоссе то спокойно бежит по долине, то взбирается в горы, серпантином вьется по уступам скал над бездонными пропастями. Мы едем из города Куэнки в провинцию Каньяр. Осмотрев ее столицу — небольшой городок Асогес, мы направились в населенный пункт с заинтересовавшим меня названием — Библиан.

Издали доносится музыка. Она все громче и звучит откуда-то сверху. Над Библианом, на высокой горе, одной своей стороной круто обрывающейся вниз, стоит, издали словно игрушечная, церковь. Музыка, что льется оттуда, слышна на многие километры вокруг. Но она не традиционно-церковная, а вполне современная, джазовая. Что поделаешь, сетует падре, молодым нравится теперь такая музыка. Как мотыльки на свет, они слетаются в храм, когда мы заводим здесь эту музыку.

Мы взбираемся со священником на колокольню. Отсюда, с огромной высоты, как на ладони, видны долины, сходящиеся узлом в Библиану. На склонах гор маленькие темные пятна — индейские поселения, мозаика крошечных участков. По векам протоптанным тропинкам движутся, словно муравьи, черные точки — индейцы в воскресный день спускаются с гор. Кто в церковь, кто на расположенный в центре Библиана рынок — купить необходимое, а то и просто узнать новости.

В церкви сменили пластинку. Мощные репродукторы разносят мелодию модной песенки. «Что делать, молодежи нравится такая музыка»,— со вздохом повторяет падре. Да, даже в захолустном Библиане ощущаются новые веяния. Торжественный гул сотен старинных колоколов эквадорской столицы, кликушеские проповеди с их амвонов все чаще прерывают-ся новыми звуками, новыми мотивами. Все громче звучат страстные проповеди Леонидаса Проаньо и его последователей, считающих своим главным делом служение интересам людей труда.

175 лет со дня рождения В. И. ДАЛЯ

А. ШАМАРО

У ИСТОКОВ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

В. И. Даль (50-е годы).

ЭТОТ ПОИСТИНЕ удивительный человек прожил долгую жизнь: ноябрь 1801 — октябрь 1872... Но мы отметим на долгом жизненном пути его две иные вехи, отстоящие друг от друга почти столь же далеко, — ранняя весна 1819 и осень 1872 года.

В наших северных краях первый весенний месяц вернее было бы считать последним зимним... Узкая прямая полоса Петербургского тракта пролегла по глубокому мартовскому снегу. Ямщицкие сани с единственным пассажиром несутся в сторону Москвы. 17-летний юнец в новенькой шинели мичмана российского императорского флота, окончив курс петербургского Морского корпуса, направляется к месту службы — в город Николаев. Первая офицерская шинель греет тщеславие, но не тело; промозглый порывистый ветер пронизывает юношу до костей. Ямщик с сочувствием поглядывает на безусого путника.

— Замолаживает! — говорит он ему, указывая кнутовищем на небо, затянутое низкими рыхлыми тучами.

— Как замолаживает?

Ямщик поясняет: замолаживает — значит пасмурнеет; верная примета перелома погоды к оттепели. Одним словом — держись, парень, скоро отогреешься!

Мичман поспешно вытаскивает из кармана записную книжку и, с трудом удерживая карандаш окоченевшими пальцами, записывает: «Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

«Эти строки, написанные на морозе в 1819 году (они сохранились у Даля), — читаем мы в воспоминаниях Мельникова-Печерского, — были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием «Толковый словарь живого великорусского языка».

Короткой записи этой суждено было стать истоком славного научного и патриотического подвига — создания Толкового словаря и фундаментального сборника «Пословицы русского народа».

И вот минуло свыше 53 лет. Осень 1872 года. Москва, Большая Грузинская улица, в ту пору тихая, застроенная деревянными домишками и скромными особняками, вся в садах и палисадниках. Неподалеку от Пресненских прудов белеет просторный дом с колоннами и высокими окнами по фасаду. В гостиной с голубыми обоями лежит в постели изможденный старик, седобородый и седовласый. Едва ли можно узнать в нем юного мичмана, который дрожал когда-то в своей шинелишке на Петербургском тракте... Жизнь Владимира Ивановича Даля подходит к концу.

Но нет и быть не может конца главному делу всей жизни — Толковому словарю! Даже на смертном одре он не оставляет работу над вторым его изданием. И за неделю до кончины просит дочь занести в рукопись четыре новых слова, которые услышал в разговоре с сиделкой.

Даль был человеком глубоко противоречивым. С одной стороны — широкое и основательное знание народной жизни со всеми ее тяготами и страданиями, с бесправием, беззаконием и гнетом, знание повседневного быта, дум и чаяний русского крестьянина и мастерового, и — в его исконной одежде, и — в солдатской шинели и матросской блузе. И не только знание, но и искреннее сочувствие, горячая любовь. А с другой стороны — верноподданнический консерватизм политических воззрений, враждебное отношение к любым проявлениям народного протеста, бунта, и попыткам революционного преобразования российской действительности.

С одной стороны — уникальное знание народного миропонимания, запечатленного в десятках тысяч пословиц и поговорок, которые он собирал и изучал всю жизнь, —

миропонимания, пронизанного здравым смыслом, трезвым, насмешливым отношением к религиозной вере, и духовенству. С другой стороны — религиозность, доходившая до крайних пределов мистицизма, религиозность, которая с годами все более усиливалась [1].

Уже первые биографы Даля отмечали, что он был склонен к мистицизму, с особой тщательностью собирал всевозможные суеверия, бытовавшие в среде русского крестьянства; мог часами беседовать «на божественные темы», обличать «заблуждения» старообрядческого раскола. Мало кто знает о том, что из-под его пера вышло несколько богословских сочинений. «Бытописание» — переложение Моисеева Пятикнижия «применительно к понятиям русского простолюдина». Таким же образом Даль решил обработать Евангелие и переписал на свой лад 13-ю главу Евангелия от Матфея. Правда, благочестивые опыты эти так и не увидели света, сильно смутив рясоносных цензоров и необычностью замысла, и «вольностью» изложения на «мужицком» языке.

Любопытное свидетельство оставил Тарас Шевченко, который повстречался с Далем в Нижнем Новгороде:

«Заметив, что я неравнодушен к библейской поэзии, В. И. спросил у меня, читал ли я Апокалипсис. Я сказал, что читал, но, увы, ничего не понял; он принялся объяснять смысл и поэзию этой боговдохновенной галиматьи. И в заключение предложил мне прочитать собственный перевод Откровения с толкованием...»

За перевод Апокалипсиса Даль засел еще в начале 50-х годов, вооружившись толкованиями известного шведского мистика-«духовидца» Сведенборга, основателя спиритизма.

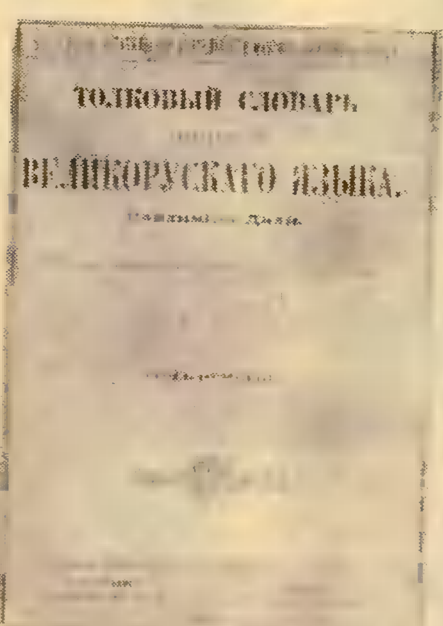
Трудами человека с такими политическими и религиозными взглядами и был собран, систематизирован и издан богатейший сборник «Пословицы русского народа». Отразилось ли это обстоятельство на содержании сборника, на отборе текстов? Наверное, не могло не отразиться в какой-то мере. Но стихия народного слова оказалась сильнее личных убеждений собирателя пословиц.

На титульном листе первого издания стоял многозначительный эпиграф: «Пословица не судима». Отбирая пословицы, Даль не шел на поводу своего вкуса, не чурался «недостойного» или «неприличного». Перед ним стояла высокая цель — дать полную картину изучаемого предмета. «Мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, — подчеркивал он в предисловии, — а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все, что есть».

«Знать все, что есть» — этому правилу он и стремился следовать в своем труде. Из 30 с лишним тысяч пословиц, поговорок, прибауток, загадок, примет, включенных в сборник, менее одной пятой взято было из опубликованных прежде собраний, а остальное записано самим Далем, или получено им от друзей и добровольных помощников.

Откроем этот замечательный литературный памятник — средоточие многовековой народной мудрости. Первое, что бросается в глаза, — это на удивление малое количество пословиц религиозного содержания. Блеклость, бесцветность этих изречений и поучений — знаменательный факт, красноречиво свидетельствующий о происхождении подобных прописей, не рожденных в народе, а пущенных в обиход духовенством. Их нудная назидательность особенно наглядно видна на фоне ярких, звучных, образных «небожественных» пословиц. «Разум — душе во спасенье, богу на славу» — этим постным поучением начинается раздел «Ум — глупость». Четыре подобные пословицы — и благочестие исчерпано, далее идут уже совсем иные тексты. «Задним умом дела не поправишь», «Не удержался за гриву, а за хвост не удержишься». Или: «Борода с ворота, а ума с прикалиток нет». В начале раздела «Народ — мир» — поучение: «Что мир порядил, то бог рассудил», а далее сборник говорит уже совсем другим языком: «В народе, что в туче: в грозу все наружу выйдет».

Титул второго издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Горстка пословиц религиозного содержания воспринимается как инородное включение, вступающее в непримиримое противоречие с подавляющей массой других пословиц. Сборник открывает рубрика «Бог — вера»: «Пораньше просыпайся, да за бога хватайся!», «С верой нигде не пропадешь», «Без бога ни до порога», «С бога начинай и господом кончай!» И — тут же: «На бога надейся, а сам не плошай!», «Богу молись, а к берегу гребись!», «Бог богом, а люди людьми», «Плачься богу, а слезы — вода».

Да что говорить о противоречии между православным назиданием и жизненной мудростью русского народа, если концы с концами не сходятся даже в кругу пословиц религиозного содержания: «Глас народа — глас божий» — этой общеизвестной и явно заимствованной из церковного обихода сентенцией начинается раздел «Народ — мир». А заканчивается тоже «гласом народа», но уже в ином контексте: «Глас народа Христа предал (распял)».

Даль стремился как-то смягчить явное безбожие некоторых русских пословиц, пытался перетолковать их в более выгодном с точки зрения официальной идеологии свете. «Если мужик скажет, — писал он в предисловии, — «Что тому богу молиться, который не милует» или «Просил святого; пришло до слова просить клятого», — то в этом нет кощунства, потому что здесь **богами** и **святыми**, для усиления понятия, названы люди, поставленные ради святой, божеской правды, но творящие противное, заставляя обиженного и угнетенного искать защиты также путем неправды и подкупа».

Верно: это не кощунство — не насмешка над святыней, а глубокий здравый вывод, сделанный многими поколениями народа на основании бесчисленного множе-

---

[1] См. «Наука и религия», 1972, № 6, стр. 67.

ства примеров, подтверждающих тщетность упований на милость божью, на заступничество и помощь его угодников. Ну а что касается того факта, что православная церковь всегда кишела, говоря словами Даля, «людьми, поставленными ради святой, божеской правды, но творящими противное», то и с этим тоже нельзя не согласиться, и факт этот, запечатленный бессчетной россыпью антиклерикальных пословиц и поговорок, в значительной мере содействовал вызреванию антирелигиозных воззрений в народном сознании.

Насмешки над духовным сословием, презрение к попам да попадьям рассыпаны по всему тысячестраничному сборнику. Русские пословицы беспощадно клеймят православное духовенство за все его пороки.

За алчность: «Без денег в церковь ходить грех», «Родись, крестись, женись, умирай — за все денежки подай!», «Каковы деньги, таков и молебен», «Попу, что сноп, что стог — все одно (все мало)», «На поповские глаза не наямишься добра».

За скупость: «Житье — хуже поповской собаки».

За невежество: «Умен, как поп Семен: книги продал, да карты купил», «Городское теля мудрее деревенского пономаря».

За глупость: «Поп попа, дурак дурака и знают», «Попа да дурака —в передний угол сажают», «Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах!»

Вообще с попами и дьяконами народная молва не церемонилась: «Дивная вещь — девятинского попа по плеши ударить», «Паки и паки — съели попа собаки...», «Из попов да в дьяконы. Из кобыл да в клячи».

В глазах русского крестьянина духовное сословие было особым кланом, в котором все друг за дружку держались и «мужичью» себя в обиду не давали: «Волк волком не травится, поп попом не судится».

Полное равнодушие к богослужениям и обрядам сквозит во многих пословицах, заставляющих вспомнить разудалые и соленые скоморошьи шутки да прибаутки: «Зачал говеть, да стало брюхо болеть», «Поп в колокол, а мы за ковш», «Пойдем в церковь! — Грязно. — Ну так в шинок! — Разве уж под тыном пройти?..» Простолюдин-острослов каламбурил и на «священной» терминологии. Как известно, понятия «праведник», «угодник» означают принадлежность к сонму святых. А вот пословица: «Не нужны нам праведники, нужны угодники» (то есть подхалимы, блюдолизы, холопы).

Пословицы не ограничивались деревенскими батюшками, а добирались и до особ повыше: «И у соборных попов не без клопов», «Не зарекайся красть: нужда лиха. Голодный, и архиерей украдет». Разумеется, и «святые обители» не были обойдены вниманием: «Игумен за чарку, чернецы за ковши».

Было бы ошибкой думать, что атеистический пафос русских пословиц ограничивался лишь насмешливым отношением к православному духовенству. Критика распространялась дальше — в область православного вероучения. Под огонь насмешек попадали первостатейные христианские святые: про дурака, например, говорили: «Годится под святого Симеона-столпника».

Ад отнюдь не вселял праведного ужаса в мужицкое сердце, а, напротив, служил темой остроумных шуток и присловий: «Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать» или: «И в аду хорошо заступничество: иную пору хоть кочергой, вместо вил, подсадят, все легче».

Пословицы обличают церковный брак, слепой и нерасторжимый, по вине которого было столько горя и слез: «Крестом любви не свяжешь». «Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет».

Бог бессилен преобразить человеческий мир, сделать злых и преступных добрыми и честными, даже если они верят в него: «Добрый вор без молитвы не украдет», «Помилуй, господи! а за поясом кистень». Бог бессилен очистить людскую жизнь от кривды и беды: «Аминем лихого не избудешь...», «Деньга попа купит и бога обманет».

Надо ли удивляться тому, что сборник русских пословиц, составленный Далем, был в штыки встречен ревнителями православия и защитниками самодержавной России?

Протоиерей Кочетов, носивший звание академика, на дыбы встал, когда к нему в 1853 году поступили на отзыв «Пословицы русского народа». «По моему убеждению, — писал он в рецензии, — труд В. И. Даля есть: 1) труд огромный, но 2) чуждый отбора и порядка; 3) в нем есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей». Рецензент уличал Даля в намерении «дать печатный авторитет памятникам народной глупости», утверждал, что в сборнике назидание перемешано с развращением, вера с лжеверием, мудрость с глупостью. Мало ли что можно услышать и записать в гуще народа? «Народ глуп и болтает всякий вздор», — вот мнение на этот счет благочестивого протоиерея.

Православные мракобесы на целых девять лет задержали издание «Пословиц русского народа». Даль был в отчаянии: подвижнический труд всей его жизни был положен под сукно... «Остается положить его на костер и предать всесожжению», — воскликнул он в ответ на выпады академика-протоиерея. «Пословицы русского народа» были опубликованы лишь в 1862 году, в эпоху общественного подъема, пережитого Россией после смерти Николая I.

Вернемся к началу — на Петербургский тракт, где когда-то было записано первое слово для грядущего Толкового словаря. Отыскать то место можно без особого труда. В воспоминаниях Мельникова-Печерского упомянут ямщик «из Зимогорского Яма». Село Зимогорье (или Ям Зимогорье) располагалось в двух верстах на юго-восток от Валдая, уездного городка Новгородской губернии, на южном берегу Валдайского озера. Ныне село Зимогорье, пересеченное Ленинградским шоссе, входит в границы Валдайского района Новгородской области.

...Если перенестись мысленно с бывшего Петербургского тракта от села Зимогорье километров на 90 к юго-западу, то мы окажемся среди лесов и озер уже на территории соседней, Калининской области, в деревушке Волго-Верховье. За околицей ее стоит деревянный домик-беседка над небольшим бассейном ключевой воды. Это — исток Волги.

Истоки... Священны истоки великих рек, с которыми тысячелетиями связана жизнь нашего народа. Священны истоки великих дел, исторических событий и эпох, крупнейших явлений национальной культуры. Отмеченные мемориальными досками или памятниками, эти истоки должны войти в сокровищницу национальных святынь. И среди них должен быть какой-нибудь, пусть самый скромный и непритязательный мемориальный знак у шоссе за селом Зимогорье.

Боевые задачи партийных организаций

«ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ». Ответственные редакторы А. Ф. Окулов, П. К. Курочкин. М., Политиздат, 1975, 254 стр., 90 000 экз., 59 коп.

ЗА последние годы вышло немало интересных книг по проблемам научного атеизма. В их числе — сборник, подготовленный Институтом научного атеизма и кафедрой теории и методики идеологической работы Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Авторы сборника — люди разных профессий. Здесь и партийные работники, и ученые, преподаватели вузов, и пропагандисты. Их наблюдения, опыт работы позволяют взглянуть на проблему атеистического воспитания комплексно и на всех уровнях.

Книга состоит из пяти разделов, каждый из которых рассматривает определенный круг вопросов и содержит интересный материал.

Примечателен первый раздел сборника. Уже сам заголовок «Атеистическое воспитание — неотъемлемая часть идеологической работы» должен привлечь внимание пропагандиста. В нем авторы анализируют место и роль атеистического воспитания в идеологической работе. Анализ позволяет лучше понять значение идейной борьбы с религией, которая тормозит формирование всесторонне развитой личности, повысить эффективность научно-атеистической пропаганды.

Говоря о месте атеистического воспитания во всей системе идеологической работы партии, авторы обращают внимание читателя на то, как В. И. Ленин определил место атеистической пропаганды в общей борьбе Коммунистической партии за революционное переустройство мира. Отношение В. И. Ленина к пропаганде атеизма как «отрасли нашей партийной работы» положено в основу деятельности КПСС по атеистическому воспитанию трудящихся, отмечается в книге.

Один из разделов, озаглавленный «Из опыта партийного руководства атеистическим воспитанием», рассказывает о том, как партийные организации, используя новейшие достижения науки и практики, ведут атеистическое воспитание. Интересен, например, опыт Марыйского обкома КП Туркмении, который ведет успешную работу по вытеснению из нашей жизни старых традиций и обрядов. Опыт туркменских товарищей важен тем, что духовенство зачастую объявляет чисто религиозные праздники (например, курбан-байрам) народными, спекулируя на национальных чувствах людей, особенно молодых, которые подчас не могут отличить национальное от религиозного.

Большое место отведено в сборнике анализу атеистической работы среди различных слоев и групп населения. Причем на первый план, и совершенно справедливо, выдвигается проблема атеистического воспитания молодежи. Отмечая тот факт, что молодое поколение в большинстве своем нерелигиозно, исследователи выделяют в его среде группу, которая индифферентна по отношению как к религии, так и к атеизму. Если к ней прибавить, пусть и небольшое, число верующих молодых людей, то становится ясно, что процесс воспроизводства религии, хотя и на суженной основе, все же происходит в среде подрастающего поколения.

И здесь авторы справедливо отмечают, что главное место в системе атеистического воспитания принадлежит школе, ибо именно в ней происходит формирование атеистического мировоззрения. Поэтому все усилия педагогов должны направляться на кропотливую индивидуальную работу не только с учениками, но и с верующими родителями. Весьма ценными представляются и рекомендации по совершенствованию подготовки учителей.

На примере работы партийной организации города Караганды рассматривается в книге тема атеистического воспитания городского населения, а также тех людей, которые не заняты в сфере общественного производства. Атеистическое воспитание в условиях города имеет ряд особенностей, которые пропагандисты должны учитывать в своей работе. Авторы особо подчеркивают, что кризис религии вынуждает идеологов и руководителей религиозных организаций модернизировать вероучение и свою деятельность. Поэтому важнейшим условием эффективности атеистического воспитания является сплат всех групп городского населения и, что особенно важно, координация деятельности Советов депутатов трудящихся, комсомольских, профсоюзных организаций, органов народного образования, средств массовой информации.

Отмечая многие положительные моменты в работе с сельским населением, авторы в то же время совершенно справедливо сетуют на то, что формирование научно-атеистического миропонимания в массе сельского населения ведется несистематически и некомплексно. Справедливые претензии предъявляются и к атеистической литературе, которая отстает от потребностей села. На страницах сборника высказывается также пожелание усилить по телевидению пропаганду атеизма, рассчитанную на сельского жителя.

Специальный раздел отведен такой немаловажной теме, как специфика атеистической работы среди верующих различных вероисповеданий. Думается, что и опытные атеисты, и те, кто только приобщается к активной атеистической работе, с интересом познакомятся с характеристикой, которая дается в книге православным, мусульманским, католическим, различным баптистским общинам. Авторы правильно пишут, что без знания особенностей вероучения и культа невозможно рассчитывать на успех.

В заключительном разделе сборника авторы всесторонне рассматривают проблему повышения эффективности атеистического воспитания, в частности, такие ее компоненты, как подготовка кадров пропагандистов, роль социалистической обрядности, средств массовой информации в формировании научного мировоззрения советских людей.

К сожалению, не все разделы книги равнозначны по содержанию. В частности, недостаточно освещены в книге место и роль партийных комитетов в атеистическом воспитании. А развернутое описание такого опыта было бы очень полезно.

В целом же книга «Партийная организация и атеистическое воспитание» — полезное пособие для всех, кто занимается важным делом атеистической пропаганды.

Л. ОСТРОУШКО,
заведующий сектором партийной информации Полтавского обкома Компартии Украины

Популярно о серьезном

А. Б. Чертков и Е. Н. Комаров. БЕСЕДЫ О РЕЛИГИИ И АТЕИЗМЕ. Книга для учителя. М., изд-во «Просвещение», 1975, 263 стр., 100 000 экз., 75 коп.

Можно сразу сказать, что книга в значительной степени отвечает цели, поставленной авторами. А они видели ее в том, чтобы изложить материал с

учетом требований программы школы и тем самым избавить учителя от тех трудностей, которые возникают при поиске необходимых сведений в обширной и весьма разнородной атеистической литературе.

Атеистическую работу в школе авторы понимают как целенаправленное формирование у учащихся последовательной и стройной системы материалистических взглядов на мир и справедливо указывают, что при ее проведении нельзя ограничиться только разоблачением религиозных представлений и показом нелепости отдельных религиозных воззрений с точки зрения современной науки. Необходимо формировать диалектический образ мышления у школьника — вот главная задача преподавателя любого учебного предмета. Свои мысли и выводы по этому поводу авторы подкрепляют рассказом об истории атеизма, что дает возможность показать его неотъемлемой частью культуры человечества. Это несомненно увеличивает ценность соответствующего раздела книги и позволяет использовать его материал не только на уроках, но и во внеклассной работе.

В последующих главах авторы анализируют религию как форму общественного сознания в целом, рассказывают о причинах ее возникновения, корнях, о различных вероучениях, их особенностях, а также характеризуют положение религии и церкви в современном мире. В. Комаров и А. Чертков много сделали для того, чтобы собрать и по возможности наиболее полно изложить сведения, которые полезны всем, кто ведет атеистическую работу в школе. В тех случаях, когда объем книги не позволял достаточно полно осветить тот или иной вопрос, авторы отсылали учителя к соответствующей литературе. В заключение разговора авторы дают рекомендации, которые помогают учителю лучше понять особенности атеистической работы применительно к конкретным религиозным учениям.

Весьма ценной является публикация на страницах книги текста декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», подписанного В. И. Лениным, и комментариев к нему. Кроме того, в том же разделе приводятся сведения, показывающие, как в наши дни Советы депутатов трудящихся руководствуются в своей практике принципами, сформулированными в этом декрете.

Вторая половина книги начинается с важной темы — характеристики взаимоотношений церкви и науки, веры и знания в современную эпоху. Учитель может узнать, как церковь стремится сохранять свое влияние на умы людей в условиях, когда наука и техника прочно вошли в их жизнь. Кроме того, авторы подчеркивают еще одно, принципиальное отличие научного знания от религиозной веры — стремление науки к доказательности выводов, отказ от устаревших, ошибочных представлений. Указать на это отличие может, безусловно, преподаватель любого предмета.

Глава, которая называется «Современная естественнонаучная картина мира и религия», предупреждает против упрощенчества в атеистической работе, что еще иногда встречается на практике и даже проникло на страницы методической литературы. В этой связи интересны критические замечания, высказанные авторами по поводу некоторых примитивных трактовок атеистического значения космических полетов: скажем, «космонавты побывали на небе и не увидели там господа бога, не встретили ни ангелов, ни «царства небесного» — значит, ничего подобного не существует», и т. п. Это следует обязательно иметь в виду, поскольку такого рода промахи подрывают авторитет учителя в атеистическом воспитании учащихся. К сожалению, ни в этой главе, ни в других разделах книги не нашлось места для хотя бы краткой характеристики современного верующего и его сознания, хотя это, безусловно, помогло бы учителю лучше использовать материал книги.

Две заключительные главы полезны прежде всего тем, что содержат анализ основополагающих работ В. И. Ленина по философским вопросам естествознания. Кроме того, в них популярно излагаются некоторые наиболее интересные открытия последних лет, что дает возможность читателю довольно четко ориентироваться в научных теориях, имеющих наибольшее распространение в настоящее время.

Книга написана в форме беседы, и это значительно облегчает использование ее материалов в практической работе, помогает найти такую форму изложения, которая улучшает восприятие его учащимися. Книгу могут использовать и старшеклассники, которые серьезно интересуются вопросами атеизма, для подготовки докладов, бесед и тематических вечеров. Издательство «Просвещение» выпустило несомненно нужную и полезную книгу, которая окажет немалую помощь в атеистическом воспитании подрастающего поколения.

Е. СТРАУТ,
старший научный сотрудник НИИ содержания и методов обучения Министерства высшего и среднего специального образования СССР

Ежегодник — лауреат конкурса

«БУДУЩЕЕ НАУКИ». Международный ежегодник. Вып. 8. М., изд-во «Знание», 1975, 286 стр., 112 000 экз., 58 коп.

В число лауреатов конкурса научно-популярных изданий, отмеченных Всесоюзным обществом «Знание», вошел и 8-й выпуск международного ежегодника «Будущее науки», удостоенный диплома I степени. Какие же научные проблемы оказались в поле зрения ежегодника? Кто из ученых выступает на его страницах? И, наконец, сколь четко проведен в нем мировоззренческий аспект?

Кифа Мокиевич, помещик-тунеядец из гоголевских «Мертвых душ» и его достойный наследник Мока Кифович проводили немало времени, рассуждая о таких, например, вопросах: если бы слон яйца нес, то можно ли было бы оное яйцо пушкой разбить?

К этому примеру обращается академик Я. Б. Зельдович, чья область исследования — астрофизика и космология, рассказывая о проблеме бесконечности Вселенной («Как рождаются галактики»). И если во времена Гоголя споры на эту тему, по словам академика, «неизбежно носили отпечаток помещичьих посиделок», то сейчас уже можно вполне реально решать этот давний вопрос.

Современным телескопам доступно наблюдение за миром галактик, измеряемым не поддающейся воображению величиной — 100 миллионов миллионов. А можно ли получить знание о Вселенной той эпохи, когда не было еще ни галактик, ни звезд? Какие события, в какой последовательности разыгрывались в масштабах, гигантски превосходящих привычные нам земные размеры? Что означает своеобразный радиошум, приходящий со всех направлений, куда б ни была направлена антенна радиотелескопов?

Тем, кто сталкивается с массовой аудиторией, пропагандистам атеизма необходимо иметь представление о круге современных научных проблем, связанных с жизнью Вселенной, с ранними этапами ее биографии. Выступление академика Я. Б. Зельдовича, еще раз подчеркивая сложность задачи, стоящей перед знанием, оптимистично по своему существу и доказательно конкретно. Люди и Вселенная, ее научное познание издав-

не были одной из самых животрепещущих мировоззренческих сторон осознания человеком окружающего Мира и своего места в нем.

Космологической проблематике в разных ее аспектах, ставшей в ежегоднике «Будущее науки» традиционной, по праву уделяется немалое место. Восьмой выпуск знакомит читателей и с работой ученых из Пулкова — члена-корреспондента Академии наук СССР О. А. Мельникова и кандидата физико-математических наук, сотрудницы группы больших астрономических инструментов А. Н. Геращенко, рассказывающих о значении пыли и газа в нашей Галактике. Масса их тут близка к суммарной массе звезд. Астрономы, в частности, уделяют внимание одной из загадок этого круга явлений — наличию в холодной межзвездной среде сложных органических молекул. Каков механизм их образования? Каково назначение?

Возможно, многие загадочные стороны жизни Вселенной приоткроются нам с вводом в действие ЛМЛ — лунной международной лаборатории. О перспективах и преимуществах ее использования в научных и прикладных целях сообщает Фрэнк Дж. Мэлина, американский специалист в области астронавтики и геофизики. По его мнению, когда человек сможет надолго оторваться от родной планеты, радиоастрономическая аппаратура, установленная на Луне, предоставит ему возможность для установления связи с внеземными цивилизациями, если они существуют.

От космических масштабов к миру внутренней структуры молекул, без знания которого невозможно постижение природы химических превращений (статья венгерского физика академика Иштвана Ковача «Молекулярная спектроскопия») — таков обычный для наших дней диапазон научных прорывов в неизведанное. И тематика последнего выпуска ежегодника еще раз подчеркивает разноплановость, неохватность научного постижения Мира. Среди этих проблем важное место занимает изучение человека. В восьмом выпуске — это изучение нашей памяти.

Таинственный мир мозга и происходящих в нем процессов, исключительно сложных и диалектически противоречивых, — такой представлена проблема в работах московских и ленинградских ученых. Примечательно, что авторами статьи «Память» выступают нейрофизиолог академик М. Н. Ливанов, кандидат биологических наук Т. П. Семенова и биофизик М. Б. Зыков — по сути, комплексная бригада ученых. Излагая теории, гипотезы, прокладывающие дорогу к овладению механизмами функционирования памяти, они, в частности, рисуют то время, когда сумма положительных знаний в этой области позволит реально продлить срок творческой работы людей, а также конструировать более умные, «памятливые» помощники человека. Поэтому так ценна новая информация, проливающая свет на организацию и явления памяти, особенно та, что дается прямым исследованием самого мозга человека. Статья директора Института экспериментальной медицины АН и АМН СССР Н. П. Бехтеревой и кандидата медицинских наук нейрокибернетика П. В. Бундзена «О мозговых механизмах кодирования слова» читается с большим интересом. Исследователи поставили своей задачей постигнуть сущность изменений физиологических показателей мозга при психической деятельности человека, воспроизвести код психических явлений, организацию системы долгосрочной памяти. «Есть все основания полагать, что именно на пути изучения нервного кода психических явлений могут быть получены важнейшие материалы и для понимания тяжелых психических заболеваний...» — особо выделяют авторы статьи возможные результаты своей экспериментальной работы.

Тут следует подчеркнуть, что именно практическая направленность научных исследований, обращенная на благо человека в настоящем и будущем, отличает большинство выступлений ежегодника, причем не только этого выпуска. Пожалуй, это то магистральное направление, которое роднит между собой тематически разные статьи и выпуски «Будущего науки». К примеру, важные сведения о расширении не только теоретического, но и практического арсенала современной отечественной медицины предлагает содержательная, насыщенная фактами статья академика В. Д. Тимакова «Новые пути медицины». Это пути борьбы со многими распространенными болезнями, создания новых форм жизни, управления наследственностью организма.

Немецкий геофизик Роберт Лаутербах известен как создатель метода микромагнитометрии, основатель палеогеофизики, изучающей геофизические поля Земли в соответствии с периодами ее геологического развития. Но в ежегоднике геофизик в содружестве с биологами и медиками выступает представителем новой отрасли науки, получившей название биогеофизики. Одно из положений ее утверждает: геофизические факторы окружающей среды — такие, как сила тяжести, магнитное поле, электрические, электромагнитные, сейсмические излучения, переменные поля, — оказывают воздействие на биологические системы, вынужденные постоянно приспосабливаться к изменяющимся условиям. Как, что, почему? — этот комплекс вопросов, относящихся к области новой науки, получает в статье Р. Лаутербаха («Биогеофизика на страже биосферы») интересное разрешение.

Примечательно, что автор статьи в ходе рассуждений особо выделяет эволюционный момент в развитии патологических процессов в организме. Например, эволюцию жизни на Земле он связывает с особенностями электромагнитного излучения. Недаром установлено высокое содержание радиоактивных изотопов в море юрского периода мезозойской эры (200 млн. лет назад) и отмечены частые случаи появления опухолей по скелетам животных той поры, следы артрита, некроза и других патологических состояний. Этот эволюционный аспект, стремление направить свет современного знания на события и явления минувших эпох представляют особую мировоззренческую ценность.

Кстати, атеистическая направленность не только опосредованно, но и прямо присутствует во многих авторских выводах в ежегоднике. «Все... черты лика Земли достаточно определенно свидетельствуют против предположения о том, что его особенности могли быть врожденными, обязанными первичной неоднородности нашей планеты... Наблюдаемая ныне конфигурация континентов и океанов сложилась лишь в течение мезозоя, т. е. в последние 200 миллионов лет земной истории» (В. Е. Хаин, геолог, член-корреспондент АН СССР, «Глобальная тектоника»). Или Я. Б. Зельдович: «Перед нами встает картина мира очень упорядоченного, почти однородного в прошлом, но ставшего весьма неоднородным к нынешнему дню».

Вообще в этом выпуске «Будущего науки» в большинстве статей процесс развития природных и общественных явлений нетрудно вычленить из общего хода рассуждений, будь то статьи о построении модели феодализма или о перспективах современной этнографии, о предсказании землетрясений или о социальной психологии науки. Все зависит от того, как читать материал, как использовать его явный или выделить скрытый материалистический мировоззренческий аспект, заложенный в научной информации. Активное восприятие предполагает и активное осмысление в русле собственных задач. Например, сторонники существования телепатии могут увидеть подтверждение своей гипотезы в статье французского ученого Мориса Руа «Обобщенная механика будущего». Здесь речь идет о будущем науки, относящейся еще к младенческой поре человечества. Тем не менее одну из форм будущего ее

существования М. Руа видит в распространении ее принципов на мир живого. Он ставит вопрос так: «...Не имеет ли живая система» других отношений с внешним миром (на расстоянии или в контакте), помимо работы механических сил и обмена теплоты? Мы можем, мы должны в этом сомневаться, так как существуют другие возможные положительные и отрицательные поступления энергии, которая может быть электрической или магнитной природы».

Проблемы, вопросы... Велика ли трудность задавать вопросы? — спрашивает академик Я. Б. Зельдович. Именно постановка научно обоснованных вопросов служит лучшей характеристикой развития науки, потому что «намечены те исследования и наблюдения, которые позволяют вырвать у природы обоснованный ответ».

В заключение — о выступлении, которое открывает ежегодник. Академик Н. Н. Семенов, физик и физико-химик, лауреат Нобелевской премии за работы по механизму химических реакций, делится с читателями своими предположениями — «Некоторые аспекты будущего химии». Область химической бионики, только начинающей свое существование, он выделяет как наиболее важную для будущего развития этой науки. Факты, гипотезы, формулы, интересные сопоставления из разных областей знания, привлекаемые ученым, говорят о том, что применение в химии принципов биологии, того, что «уже было осуществлено живой природой в процессе ее эволюции», позволит этой науке решить многие насущные практические задачи.

Особый интерес для читателей нашего журнала представляют рассуждения Н. Н. Семенова о месте фантазии в научном творчестве, о классиках и романтиках науки. Ученый вносит свою поправку к этому привычному делению. Ведь «все действительно творческие ученые являются классиками, когда речь идет о четкости и объективности опытов и теории. И все они романтики, когда задумывают новое направление науки или когда требуется интуиция. Было бы более правильно разделить ученых на скрытых и явных романтиков. Первые держат себя так, будто им совершенно чужды всякие признаки фантазии и интуиции, вторые, наоборот, этого не скрывают». Рассуждения подкрепляются примерами из научного творчества М. Планка, А. Эйнштейна. А сам академик? Его доводы о будущем химии и конкретны, и широки.

Пропагандисты атеизма получили еще одно пособие в своей работе. Читатели — интересную книгу.

Н. ЖЕРНЕВСКАЯ.

Старинная пословица не на ветер молвится

Г. Нагорный. КАК ВЕРИЛИ ПРЕДКИ. М., изд-во «Советская Россия», 1975, 224 стр., 50 000 экз., 33 коп.

Познающее себя человечество начинает бережнее относиться к своему прошлому, и поэтому закономерен и естествен интерес наших современников к фольклору, в котором проявляется дух и характер народа. Автор этой книги Г. Нагорный избрал предметом исследования пословицы, объединенные антирелигиозной тематикой.

Миф об исконной религиозности русского народа, развенчанный некогда Белинским («в нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности» — «Письмо к Гоголю»), к сожалению, еще не до конца ушел из сознания людей. И Г. Нагорный ставит перед собой, наряду с исследовательской, и чисто практическую задачу морального плана — освободить от заблуждения тех, кто считает веру неким органичным наследием, доставшимся нам от предков.

Автор сопоставляет и противопоставляет пословицы не по временному признаку, а по смысловой, идейной направленности, группируя их по рубрикам: «О боге и религии», «О власти небесной и власти земной», «О церкви и духовенстве» и т. д. Самостоятельно в книге дан также перечень послереволюционных безбожных пословиц.

Автор различает истинно народные пословицы — критические, отмеченные духом свободомыслия, и псевдонародные, созданные церковниками.

Руководствуясь мыслью Горького о том, что «на каждую пословицу антипод есть» (с. 7), Г. Нагорный выделяет парные пословицы-реплики: изречение «Попова душа не берет барыша» (с. 192) вызвало к жизни ехидное «Безмен (вес) — не попова душа, не берет барыша». Причем на одну «позитивную» пословицу подчас приходится целый ряд «разрушительных».

Собранные в книге пословицы отражают комплекс моральных и этических представлений: тут и надежда на лучшую жизнь, и горький урок, и вера в свои силы, и бесшабашность; из-за смиренного признания в собственном несовершенстве: «Грех сладко, человеку падко» (с. 55) — выглядывает хитроватая ухмылка: «Благословясь, не грех» (с. 55), а хлесткое слово не щадит ни одного института духовной и светской власти. Здесь и запрещенное цензурой «То-то и закон, когда судья знаком» (с. 27), и «Черней монаха не будешь» (с. 188), и «Собака лает — владыка едет» (с. 203), и даже «Ешь, медведь, попа и барина, оба ненадобны» (с. 203).

Важен тот факт, что пословицы опровергают легенды о кротости, смирении народа: наряду с «Живи тихо — не увидишь лиха» (с. 75) мы встречаем и дерзкое «Смелость города берет» (с. 77), и отчаянное «Отвага мед пьет и кандалы рвет» (с. 77).

Ценно также наблюдение о чисто внешней религиозности, далекой от фанатизма, о механическом исполнении обрядов («Всяк крестится, но не всяк молится» (с. 58), да и то, когда вынуждают обстоятельства («Гром не грянет, мужик не перекрестится» (с. 64), и неумирающая русская вольница: «Вози навоз, не ленись, так и богу не молись» (с. 61).

Книга Г. Нагорного написана с понятной увлеченностью материалом, но многочисленные авторские восклицания: «Именно так!» (с. 53), «Чудесно сказано!» (с. 53), «Весьма остроумно!» (с. 57), «Чудовищные советы и утверждения!» (с. 61), «Конечно, нет!» (с. 64) и т. д. снижают внутреннюю эмоциональность изложения. Богатый материал, передающий живой голос народа, требует большей сдержанности изложения, в доказательство тому, что лаконичность и отработанность формы только усиливают боевой заряд сказанного — приведенные автором пословицы

Е. ЕВГЕНЬЕВА

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. Белов. КАК ПОДГОТОВИТЬ ЛЕКЦИЮ «РЕЛИГИЯ В ПЛАНАХ АНТИКОММУНИЗМА». М., Общество «Знание» РСФСР, 1976, 40 стр., 10 000 экз., 8 коп.

Н. Бончковский. ЦАРСТВО ОТ МИРА СЕГО. М., изд-во «Молодая гвардия», 1976, 272 стр. с илл., 100 000 экз., 88 коп.

В. Н. Боряз и Е. Ф. Солопов. ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ХИМИИ. Л., изд-во «Наука», 1976, 251 стр., 2 500 экз., 1 руб. 31 коп.

Л. Н. Великович. ПОСЛЕСОБОРНЫЙ ВАТИКАН. М., изд-во «Знание» («Научный атеизм», № 9). 1976, 64 стр., 55 210 экз., 11 коп.

С. А. Высоцкий. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАДПИСИ СОФИИ КИЕВСКОЙ. Киев, изд-во «Наукова думка», 1976, 455 стр. с илл., 3 600 экз., 3 руб. 39 коп.

И. Р. Григулевич. ИНКВИЗИЦИЯ. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1976, 463 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 16 коп.

Х. Додихудоев. ОЧЕРКИ ФИЛОСОФИИ ИСМАИЛИЗМА. Душанбе, изд-во «Дониш», 1976, 144 стр., 3 020 экз., 95 коп.

М. А. Ильин. ИСКУССТВО МОСКОВСКОЙ РУСИ ЭПОХИ ФЕОФАНА ГРЕКА И АНДРЕЯ РУБЛЕВА. М., изд-во «Искусство», 1976, 173 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 28 коп.

И. М. Квашнина. ПОЗИТИВНОЕ И КРИТИЧЕСКОЕ В АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. Минск, изд-во Белорус. ун-та, 1976, 143 стр., 3 250 экз., 68 коп.

Я. Коломинский. БЕСЕДЫ О ТАЙНАХ ПСИХИКИ. М., изд-во «Молодая гвардия», 1976, [illegible] стр., 100 000 экз., 52 коп.

Л. Д. Лепихов. МИР ПРИЗРАЧНЫЙ И МИР РЕАЛЬНЫЙ. Изд. 2-е. Донецк, изд-во «Донбасс», 1976, 63 стр., 25 000 экз., 8 коп.

В. Маслов и И. Столетов. ВЛАДИМИР. М., изд-во «Советская Россия», 1976, 36 стр. с илл., 40 000 экз., 98 коп.

В. Н. Самсонов. АТЕИСТОВ ВОСПИТЫВАЕТ ШКОЛА. Ижевск, изд-во «Удмуртия», 1976, 144 стр., 3 000 экз., 23 коп.

[illegible] А. Сапрыкин. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. Алма-Ата, изд-во «Казахстан», 1976, 128 стр., 4800 экз., 18 коп.

«ТЕНИ ПРОШЛОГО». Рассказы и отрывки из произведений русск. классич. литературы. М., изд-во «Детская литература», 1976, 288 стр., 100 000 экз., 65 коп.

У. М. Уотт. ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЕВРОПУ. Пер. с англ. М., изд-во «Наука», 1976, 128 стр., 10 000 экз., 46 коп.

В. А. Черняк. НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС И РЕЛИГИЯ. Алма-Ата, изд-во «Наука» КазССР, 1976, 215 стр., 1 500 экз., 1 руб. 46 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

К. Ажибекова. К вопросу о некоторых особенностях психического развития детей, подверженных религиозному влиянию. «Сборник трудов аспирантов и соискателей Кирг. ун-та». Фрунзе, 1975, вып. 7, ч. 2, стр. 80—87.

А. П. Андреев. Основные тенденции секуляризации нравственного сознания при социализме и актуальные вопросы воспитания. В кн.: «Актуальные проблемы нравственного развития личности». Томск, 1975, стр. 147—151.

А. М. Анохин. Критический анализ религиозной концепции Гегеля в «Феноменологии духа». В кн.: «Диалектико-материалистический анализ философии Гегеля». М., 1975, стр. 99—104.

«Античность и Византия». М., 1975. Из содержания: **Н. В. Брагинская.** Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского, стр. 286—306; **Е. Г. Рабинович.** Афродита Урания и Афродита Пандемос, стр. 306—318.

О. Д. Габидзашвили. Некоторые вопросы атеистического воспитания студенческой молодежи. В кн.: «Некоторые вопросы коммунистического воспитания студенческой молодежи». Тбилиси, 1975, стр. 148—152.

«Герценовские чтения». Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1975. Из содержания: **Л. Р. Хархоркин, Л. А. Кренделева.** Критика православной концепции научно-технической революции, стр. 4—11; **Н. С. Гордиенко, Д. М. Аптекман.** Жизненная ориентация как критерий эффективности формирования атеистической убежденности, стр. 11—19; **Л. Е. Шапошников.** Специфика воздействия религиозного сознания на социальную деятельность верующих, стр. 19—24; **В. В. Аржанухин.** Религиозный образ как форма иллюзорного сознания, стр. 24—30; **Р. С. Кириллов.** Проблемы свободомыслия и атеизма в дореволюционной Чувашии, стр. 42—51; **Я. Г. Якубсон, А. А. Кузнецов.** Критика взглядов М. Вебера на роль религиозной этики в становлении капитализма, стр. 59—67; **Е. С. Лукашевский, В. Е. Назаренко.** Христианская этика и некоторые проблемы возрастной психологии, стр. 67—73; **Л. Е. Шапошников.** Дореволюционное православное богословие о взаимосвязи социальной активности людей с состоянием общества, стр. 74—79; **В. И. Никитин.** Нравственные взгляды современного православия, стр. 80—89.

Б. Григорьев. Эволюция католицизма в условиях разрядки напряженности. В кн. «Международные отношения в условиях разрядки напряженности». М., 1975, стр. 21—29.

С. Б. Дорженов. Критический анализ фрейдистского представления о религии. «Вопросы логики и методологии наук». Фрунзе, 1975, вып. 2, стр. 157—163.

Н. Л. Жуковская. Изучение традиционных религиозных верований в Монгольской Народной Республике. В кн.: «Этнография в странах социализма». М., 1975, стр. 199—205.

П. Н. Зырянов. Православная церковь в борьбе с первой русской революцией. В кн.: «Исторические записки». 95. М., 1975, стр. 314—355.

«Историческая география России». XII — начало XX в. М., 1975. Из содержания: **Я. Е. Водарский.** Церковные организации и их крепостные крестьяне во II половине XVII — начале XVIII в., стр. 70—96; **И. А. Булыгин.** Монастырское хозяйство в России в I четверти XVIII в., стр. 164—176.

В. Д. Кукушкин. К проблеме генезиса религиозной ответственности. «Вестник Ярославского ун-та», 1975, вып. 15, стр. 76—85.

В. А. Олейник. Социальные функции религии в условиях социализма. В кн.: «Минский пед. институт им. А. М. Горького». Научно-теоретическая конференция молодых ученых. Минск, 1975, стр. 207—214.

Ф. А. Пинхасова. Некоторые вопросы атеистического воспитания школьников во внеурочное время. «Ученые записки Узбекского научно-исследовательского института педагогических наук». Ташкент, 1975, вып. 23, стр. 57—65.

Э. В. Померанцева. Рассказы о колдунах и колдовстве. «Ученые записки Тартуского ун-та», 1975, вып. 365. Труды по знаковым системам, № 7, стр. 88—95.

«Расцвет экономики и культуры Молдавии — торжество ленинской национальной политики». Кишинев, 1975. Из содержания: **Н. Г. Мындреску.** Из истории развития научно-атеистической пропаганды в МССР (1924—1940 гг.), стр. 113—118; **Т. Л. Белкина.** Расцвет МССР и некоторые вопросы атеистического воспитания, стр. 332—335; **А. И. Бабий.** Развитие научного атеизма в Молдавии за годы Советской власти, стр. 335—339.

А. С. Русяева. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье. В кн.: «Скифский мир». Киев, 1975, стр. 174—185.

[illegible] Скосырев. «СВЯТЫЕ» И ПОКЛОННИКИ. «Азия и Африка сегодня», 1976, № 9, стр. 28—30.

З. Л. Сокольникова. ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ АНТРОПОЛОГИЗМ И ТЕЛЕОЛОГИЯ В «ФИЛОСОФИИ НАДЕЖДЫ» Э. БЛОХА. «Философские науки», 1976, № 5, стр. 92—100.

И. Сущенко. НЕУСТАННЫЙ АТЕИСТ. «Знания — народу», 1976, № 7, стр. 24—25.

«Теоретико-гносеологические критерии исследования личности». Л., 1975. Из содержания: **[illegible] А. Пименов.** Методологические вопросы типологии личности верующего, стр. 44—58; **А. Ф. Горин.** Гносеологическая характеристика христианского нравственного идеала, стр. 59—72.

Е. Ткаченко. Некоторые черты религиозных пережитков в семейно-бытовых отношениях чеченцев и ингушей. «Коммунистическое воспитание», 1975, вып. 7, ч. I, стр. 136—145.

И. А. Улыбин. Вопросы формирования атеистического мировоззрения студентов. В кн.: «Вопросы организации воспитания в вузе». Рязань, 1975, стр. 58—61.

М. Н. Филиппова. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ «МУСУЛЬМАНСКОГО ЕДИНСТВА» в АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. В кн.: «Некоторые вопросы развития общественно-политической мысли в странах Востока». М., 1976, стр. 128—138.

«Философия и научный коммунизм». Минск, 1975, вып. 2. Из содержания: **Н. А. Максимова.** Основные принципы спиритуализма Л. М. Лопатина, стр. 127—134; **В. А. Олейник.** О социальных функциях религии, стр. 248—253; **Е. В. Ершов-Мазуров.** В. И. Ленин о значении атеистического наследия французских материалистов XVIII в., стр. 253—261.

Е. И. Шехтерман. Гносеологическая структура религиозного сознания. В кн.: «Актуальные проблемы развития социалистической экономики». Алма-Ата, 1975, стр. 43—50.

«ШКОЛА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ». «Агитатор», 1976, № 18, стр. 49—50.

НАПЕЧАТАНО В 1976 ГОДУ

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

Природа и разум

Человеку о человеке

Земные корни сверхъестественного

Беседы о мире и его законах

СТРАНИЧКИ ЮНЫХ

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

ЗА РУБЕЖОМ

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

СНЕСАРЕВ Глеб Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. Много лет изучает историю культуры и быта народов Средней Азии, их обычаи и верования. Был начальником этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Автор книг «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969), «Под небом Хорезма» (М., 1973) и других. В нашем журнале печатались его очерки «На развалинах древнего Кята» (1971, № 2), «Дети святых» (1972, № [illegible]) и другие.

ФРУМЕНКОВ Георгий Георгиевич — ректор Архангельского государственного педагогического института имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Специализируется в области общественного движения и международных отношений XIX века. Автор книг «Узники Соловецкого монастыря» (Архангельск, 1970). «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX веках» (Архангельск, 1975), «М. В. Ломоносов — историк нашей Родины» (Архангельск, 1970) и других. В нашем журнале выступает с 1975 года.

СУХАРЬКОВ Игорь Алексеевич — кандидат исторических наук, руководитель лекторской группы Правления Всесоюзного общества «Знание». Специализируется на проблемах идеологической борьбы двух систем. Автор монографий «Империалистические блоки: реальность и перспективы» (М., 1969), «Актуальные проблемы мировой политики» (М., 1972), «Средства информации и идеологическая борьба» (М., 1975), брошюр «Палестинское движение сопротивления» (М., 1974), «Борьба СССР за создание системы коллективной безопасности в Азии» (М., 1975) и других, а также ряда статей в сборниках и центральных журналах. В «Науке и религии» выступает впервые.

ТАЛАНТ, РАЗМЫШЛЯЮЩИЙ О ЖИЗНИ

А. ДЕХТЯРЬ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ в советском изобразительном искусстве ознаменованы идейно-художественным синтезом высокой гражданственности с правдой жизни. Лучшие произведения живописи, графики и скульптуры этой поры запечатлели новый облик рабочего нашей эпохи; в них присутствуют ритмы грандиозных строек, ощущается суровый пафос борьбы человека с природой. Целая плеяда тогда еще молодых художников, ныне ставших признанными мастерами искусства, создала образы, монументальность и просветленный романтизм которых противостояли приземленности и бытовщине. Среди зачинателей этого направления в нашем искусстве был и лауреат Государственной премии Виктор Попков.

Уже первые картины В. Попкова были замечены общественностью. Его произведения вызывают серьезные раздумья и горячие дискуссии. В них живет какой-то будоражащий мысль и чувство дух; порой подкупающая, порой ошеломляющая откровенность художника перед зрителем.

Произведения Попкова отражают присущее ему глубокое понимание важнейших социальных, нравственных и психологических проблем жизни современного человека. В калейдоскопе персонажей его картин — строителей Братска и целинников, колхозников и художественной интеллигенции, молодежи и стариков — видно стремление к максимально широкому охвату действительности. Попков не признавал упрощенчества, о самом сложном говорил без страха быть непонятным. «Дитя жизненной тревоги»... Это выражение Томаса Манна вполне применимо к Попкову.

Чуткий к зову времени, он умел в своем творчестве сочетать вечные ценности искусства со всем актуальным, животрепещущим; современность буквально кипела в его крови. При этом особо остро ощущаемая им связь с Родиной — с Россией внесла в лучшие произведения живописца — цикл «Мезенские вдовы», картину «Шинель отца» — отблеск высокой трагедии всего народа — трагедии войны. Последствия ее и сам Попков испытал в раннем детстве: отец его погиб на фронте, мать одна воспитывала троих детей. Видимо, поэтому тема женского одиночества, вдовства стала в творчестве художника одной из самых личных и исповедальных.

«Мезенские вдовы» — трагическая ода русской женщине, ее неизбывному терпению, мужеству и душевной стойкости. Картины этого цикла отличают ассоциативно-метафорический образный строй и убедительное символическое использование цвета. Изображенные события приобретают вечное, непреходящее звучание. В полотне «Воспоминания. Вдовы» фигуры крестьянок, одетых в красное, словно дематериализованы, превращены в бесплотные тени прошлого, которым живут героини картины. Холсты «Одна», «Ожидание», «Старость» проникнуты чувством острого сострадания застарелому женскому горю, которому никак невозможно помочь.

Дополнительную разработку та же тема приобретает в «Северной песне». Художник изображает здесь две группы своих излюбленных персонажей — старух-крестьянок и городскую молодежь. Те сочувствие и углубленность, с которыми молодые люди внимают скорбной и истовой песне вдов, формируют идею о преемственности поколений, об общности судьбы народа, о неразрывной связи прошлого и настоящего. Словно завещанная традиция, передается молодым старая песня, а на окне пылает алый цветок — память о жертвах войны, о пролитой крови. Перед нами картина-притча о том, что нравственный долг живущих перед погибшими придает смысл человеческому страданию и спасает индивидуальную судьбу от забвения.

Как северные народные песни, напевен цикл «Мезенские вдовы», звенит в нем пронзительно-щемящей нотой алый цвет, есть в нем и плач, и протяжная тоска, есть и чистая просветленность.

С годами в творчестве Попкова крепла драматическая струя. В произведениях первой половины 60-х годов — «Бригада отдыхает», «Студенты на практике», «Полдень» — преобладало светлое, радостное мировосприятие. В них живописец обращался к принципам народного искусства, в частности, лубка с его изображением действительности в ярком праздничном свете. Впоследствии, с приходом подлинной жизненной глубины, художник усложняет и пластический язык своих полотен. В них появляется соответствие между психологическими нюансами и тонкой акцентировкой цвета, между богатством смысловых оттенков и разнообразием композиционных и линейно-ритмических приемов.

В это же время проявилась еще одна особенность дарования художника: изображая конкретное явление во всей полноте его реальных примет, Попков открывает в нем некую всеобщую сущность, философски осмысливает его, превращая его тем самым в событие, происходящее как бы на всем «белом свете». Подобное обобщение ощущается и в картине «Двое», где отношения между героями выливаются в из-

«Художник в деревне».

вечную драму развития любовного чувства, и в произведениях, посвященных проблемам семьи, — «Развод» и «Семья Болотовых», и, наконец, в полотне-реквиеме «Хороший человек была бабка Анисья».

В этой картине будничный факт — скромные деревенские похороны — возвышается до философского утверждения нетленной ценности каждой человеческой жизни. Несмотря на обилие натурных наблюдений, разнообразие типажей, любовно и точно выписанный пейзаж, сюжет полотна воспринимается зрителем не столько как конкретные похороны, сколько как похороны «вообще». Несколько поколений окружают могилу бабки Анисьи: скорбные старухи, стайка девушек, старающихся скрыть бьющее через край молодое оживление, не ведающие смысла происходящего дети. «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...» — эти строки поэта приходят на память перед картиной, запечатлевшей мудрый, хотя и грустный, круговорот природы.

«Хороший человек была бабка Анисья».

Другой значительной темой, пронизывающей все творчество В. Попкова, стала тема об особом призвании художника, о его ответственности перед народом, о слиянии его судьбы с судьбами Родины. Многие холсты, посвященные этой теме, — «Художник в деревне», «Мой день», «Октябрь», «Работа окончена» и другие — можно объединить в своеобразный цикл «Художник и мир».

Адрес редакции: 109004. Москва Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51, 297-10-89. А 08183. Сдано в набор 16. IX. 76 г. Подписано к печати 25. X. 76 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 04606. Бумага 84×108¹/₁₆. Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.).

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

«Полдень».

слились тут в единый глубоко волнующий образ. На бледном лице поэта лежит печать — предчувствие скорой гибели, но, как всегда у Попкова, трагическое окрашено в светлые тона надежды и веры в торжество человеческого духа, таланта, благородства.

Недавно в Москве прошла посмертная выставка Виктора Попкова. Четыре больших зала на Кузнецком мосту были заполнены живописными произведениями, сотнями этюдов, эскизов, рисунков, набросков и все же не смогли целиком вместить творческого наследия художника. Трудно представить, что такую массу работ он сделал за короткую творческую жизнь — он умер в 42 года.

Выставка никого не оставила равнодушным, убеждала в том, что перед нами один из талантливейших художников, который сейчас, буквально на глазах современников, входит в историю советской живописи. Его произведения безусловно намного переживут своего создателя.

Он откровенно личностен, даже автопортретен. Изображая в этих работах себя и своих друзей-художников, Попков прослеживает сложный процесс творчества, когда напряженные поиски сменяются то радостью обретения, то мучительными раздумьями. Вообще познание мира у живописца было нерасчленимо связано с познанием собственного «Я». Все явления действительности он прямо, открыто как бы пропускал через себя. Это придает его искусству высокую пристрастность, подчас оголенную автобиографичность: вся жизнь его, прямо как в зеркале, отражена в его творчестве. Вот почему большинство его произведений, наряду с чисто художественной действенностью, обладают еще и потрясающей силой конкретного человеческого документа.

В последний период жизни размышления Попкова о миссии художника сгруппировались вокруг образа Пушкина. Великий русский поэт предстал в его картинах одновременно и как олицетворение национальной культуры, и как символ гениальной творческой личности. В последней незаконченной работе художника «Осенние дожди (Пушкин)» поэт изображен в единстве с русской природой, служащей источником его вдохновения. Простота и сложность поэзии Пушкина, ее народность, эпичность и драматизм

«Осенние дожди (Пушкин)».

Цена 30 коп.
70602